

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2
Т 654

Рецензенты:

д.э.н. А.С. Новоселов, ИЭОПП СО РАН;
д.э.н. С.Н. Бочаров, Алтайский филиал РАНХиГС;
д.э.н. С.В. Лобова, АлтГУ

Работа выполнена в рамках научного проекта 0325-2016-0008 «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы»

Т 654 **Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае** / Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. / под ред. А.Я. Троцкого. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. – 424 с.

ISBN 978-5-89665-312-7

В монографии изложены методологические и методические основы исследования регионального экономического пространства в контексте его конкурентоспособности. Выявлены трансформационные сдвиги в экономике края в свете формирования конкурентных преимуществ на различных её этапах. Охарактеризовано состояние и проблемы модернизации промышленности края. Дана характеристика ключевых конкурентно значимых факторов регионального роста, в числе которых инвестиции, инновации, качество и эффективность использования трудового потенциала, доходы населения, внешнеэкономическая деятельность. Проведена идентификация пространственных аспектов развития экономики и социальной сферы края. Дана оценка локальной асимметрии регионального развития, в том числе в городской и сельской подсистемах, на сельском рынке труда. Раскрыты основные черты и трансформация ключевых элементов центропериферийной структуры алтайского села. Проанализированы отдельные аспекты механизма регулирования пространственного развития экономики Алтайского края.

Монография представляет интерес для специалистов, работающих в области региональной экономики и управления, преподавателей, аспирантов, магистрантов, а также всех тех, кому небезразлична судьба Алтайского края.

Авторский коллектив:

д.с.н., проф. Троцковский А.Я. – введение, гл. 1–3, 5, 13, п. 4.2, 12.1, 14.2, 14.3, вместо заключения; Wust A. (Германия) – п. 6.3; д.э.н. Бородин В.А. – п. 4.1; магистр экономики Голотвин Д.Н. – п. 4.2; к.э.н. Де Граф О. – п. 7.1, 12.3; магистр экономики Долженко И.А. – п. 6.1; к.э.н. Жидких А.А. – п. 6.2, 14.4; магистр социологии Иванова О.И. – п. 8.3, 12.2; к.э.н. Каплинская И.Е. – гл. 10; к.э.н. Капустян Л.А. – п. 12.1; к.э.н. Мищенко И.В. – гл. 13, п. 1.3, 1.4; к.т.н. Мочалов В.М. – п. 3.4, 3.5; к.э.н. Наземцева Ю.Ю. – гл. 2, п. 1.2, 14.2, 14.3.; к.э.н. Обиремко С.И. – п. 4.2; магистр экономики Перекаренко Ю.А. – п. 3.2, 7.2; к.с.н. Родионова Л.В. – п. 7.1, 8.1, 8.2, 12.3; д.с.н. Сергиенко А.М. – гл. 9, п. 6.3, 8.3, 12.2; к.э.н. Стрижкина В.Н. – гл. 11; к.э.н. Стрижкина И.В. – гл. 11; Сундеева М.А. – гл. 5, п. 7.1, 12.3; Супонина И.В. – п. 3.4, 3.5; к.и.н. Троцковская В.А. – п. 14.1; д.э.н. Шваков Е.Е. – п. 5.1.

ISBN 978-5-89665-312-7

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2
© ИЭОПП СО РАН, 2017 г.
© Коллектив авторов, 2017 г.

Раздел III.

ХАРАКТЕРИСТИКА КЛЮЧЕВЫХ КОНКУРЕНТНО ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РОСТА

**Глава 5.
ИНВЕСТИЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

**5.1 КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ**

Сбережения¹ и их трансформация в инвестиции, как известно, являются ключевым фактором экономического роста региона, развития его социальной сферы. Капиталовложения служат опорой роста экономики, повышения ее конкурентоспособности, в особенности в условиях отсутствия востребованных свободных мощностей предприятий либо невозможности их эффективного использования².

Улучшение технологической структуры материального производства на основе замещения устаревших технологий и основных фондов современными предполагает существенное изменение темпов и пропорций инвестиционного процесса.

Повышение инвестиционной активности в регионе, рост инвестиций³, является результатом воздействия значительного числа факторов. Основная их часть, по нашему мнению, формируется на федеральном уровне и обусловлена в значительной своей доле характером макроэкономической политики. Именно макроэкономическая политика, прежде всего, денежно-кредитная и налоговая, предопределяет возможности сбережений и, в особенности, максимальной трансформации их в инвестиции как необходимого условия быстрого экономического роста.

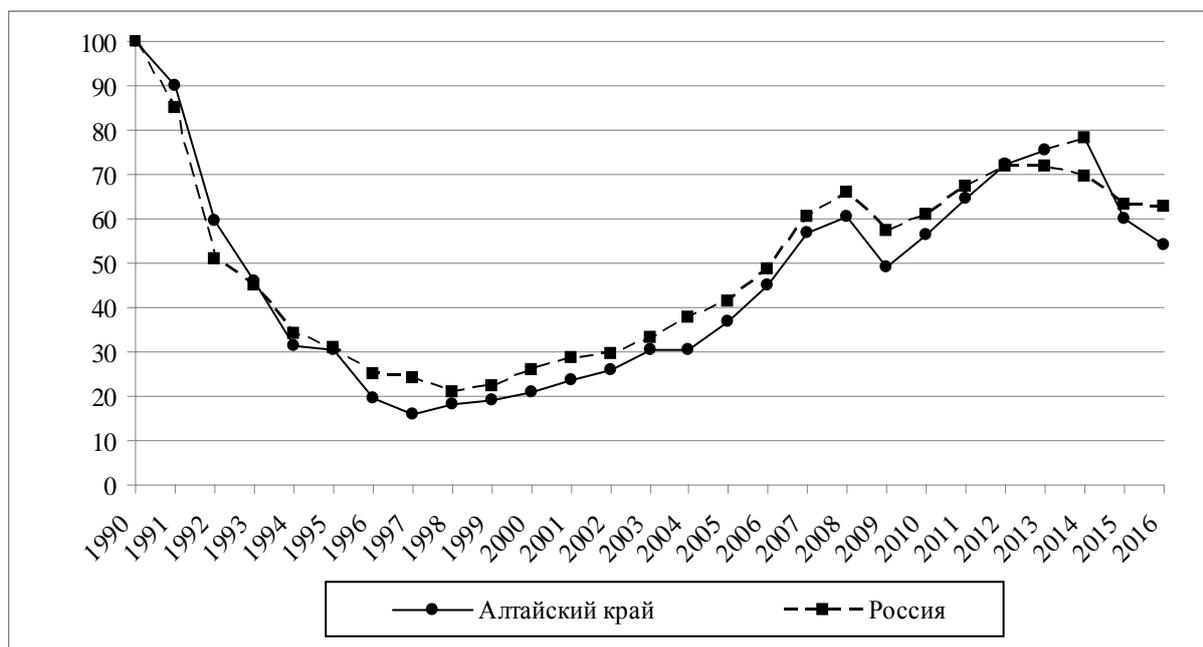
Косвенным свидетельством в пользу этого положения являются результаты сравнительного анализа индекса физического объема инвестиций в России и Алтайском крае в долгосрочном периоде (с целью исключения влияния краткосрочных колебаний экономической конъюнктуры) (рис. 5.1).

Рисунок 5.1 наглядно демонстрирует идентичную направленность тенденций, а также близкие темпы изменения индекса физического объема инвестиций в основной капитал, присущих России и краю, что свидетельствует о развитии инвестиционных процессов в едином правовом и экономическом пространстве под воздействием общих для всей страны факторов мобилизации инвестиций, детерминируемых макроэкономической политикой.

¹ Согласно основным методологическим положениям системы национальных счетов, под сбережениями понимается часть располагаемого дохода, не израсходованная на конечное потребление товаров и услуг. На региональном уровне этот показатель не рассчитывается.

² По мнению акад. А. Аганбегяна, экономический рост в России на 80% связан с инвестициями. См.: Аганбегян А.Г. Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // Деньги и кредит. – 2015. – № 2. – С. 10.

³ В качестве характеристики величины инвестиций в экономике используется показатель валового накопления, складывающийся из валового накопления основных фондов, изменения запасов материальных оборотных средств и чистого приобретения ценностей.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.1. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % (1990 г. = 100%)

В результате разработки стратегии и тактики макроэкономической политики формируются такие важнейшие с точки зрения роста инвестиционной активности процессы, как ограничение инфляции сверх уровня, препятствующего повышению инвестиционной активности; снижение процентной ставки до уровня, сопоставимого с рентабельностью капиталовложений в реальный сектор экономики; расширение масштабов привлечения на финансовые рынки сбережений населения и т.д.

Условия, формируемые на «выходе» макроэкономической политики, как уже отмечалось, являются общими для всех регионов России. С другой стороны, инвестиционный климат в конкретном регионе во многом обусловлен региональными факторами, носящими как объективный (наличие природных ресурсов, уровень социально-экономического развития), так и субъективный характер (деятельность региональных властей по формированию условий для роста инвестиционной привлекательности региона и эффективного использования инвестиционных ресурсов)¹ (рис. 5.2).

Для Алтайского края, как типичного агропромышленного региона, формирование эффективного рынка капиталов и механизмов, обеспечивающих мобилизацию инвестиционных ресурсов, а также их наиболее эффективное использование, представляет собой непростую задачу в силу того, что возможности роста сбережений в

¹ Так, например, в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ по итогам 2015 г., проведенном Агентством стратегических инициатив, Алтайский край по интегральному индексу отнесен к третьей группе (из пяти возможных), опередив 37 субъектов РФ (по итогам 2014 г. – ко второй группе, 9-е место из 21). См.: **Национальный** рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал регионов России: [сайт]. – URL: <http://www.investinregions.ru/rating/> (дата обращения: 20.11.2015 г.).

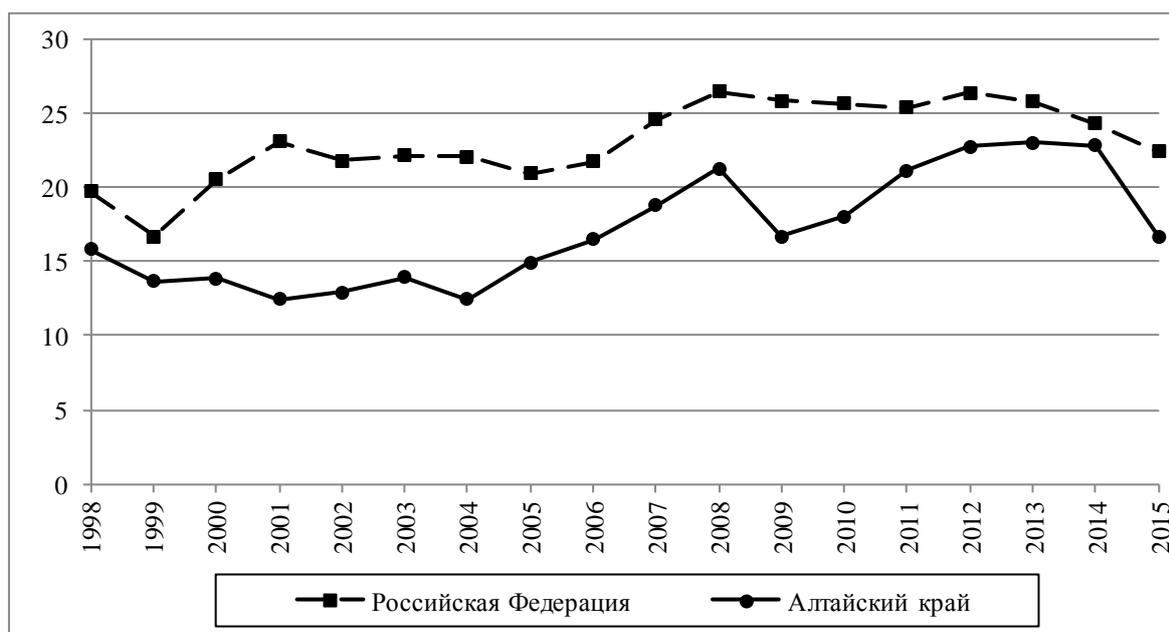

Рис. 5.2. Схематичное представление о механизме формирования ресурсного потенциала инвестиционной деятельности в регионе

регионе весьма ограничены. Это касается всех возможных инвестиционных источников: и собственных средств предприятий, и привлеченных в том числе бюджетных средств, и средств населения, используемых в долевом строительстве.

Наряду с общероссийскими факторами, сдерживающими инвестиционную активность (вывоз капитала, долларизация экономики, высокие инвестиционные риски, низкая доступность кредитных ресурсов и т.д.), «работают» местные факторы (специфика отраслевой структуры экономики, уровень и динамика социально-экономического развития края и др.). Вследствие относительно невысоких возможностей сбережения в Алтайском крае, валовое накопление основного капитала на душу населения по субъектам Российской Федерации в фактически действующих ценах в 2013 г. превышало соответствующие показатели по краю в 2,5 раза (в 2002 г. – в 3,6 раза)¹.

Если рассматривать инвестиционный процесс в динамике, то следует сказать, что в последние, весьма непростые годы, ситуация в крае, по крайней мере, не усугубилась. Алтайский край в 2012 г., так же как и Россия в целом², вышел на докризисный уровень (2008 г.), а также сумел удержать свои позиции вплоть до 2015 г. Это позволило краю существенно сократить разрыв с Российской Федерацией в целом по доле валового накопления капитала в ВРП (рис. 5.3).

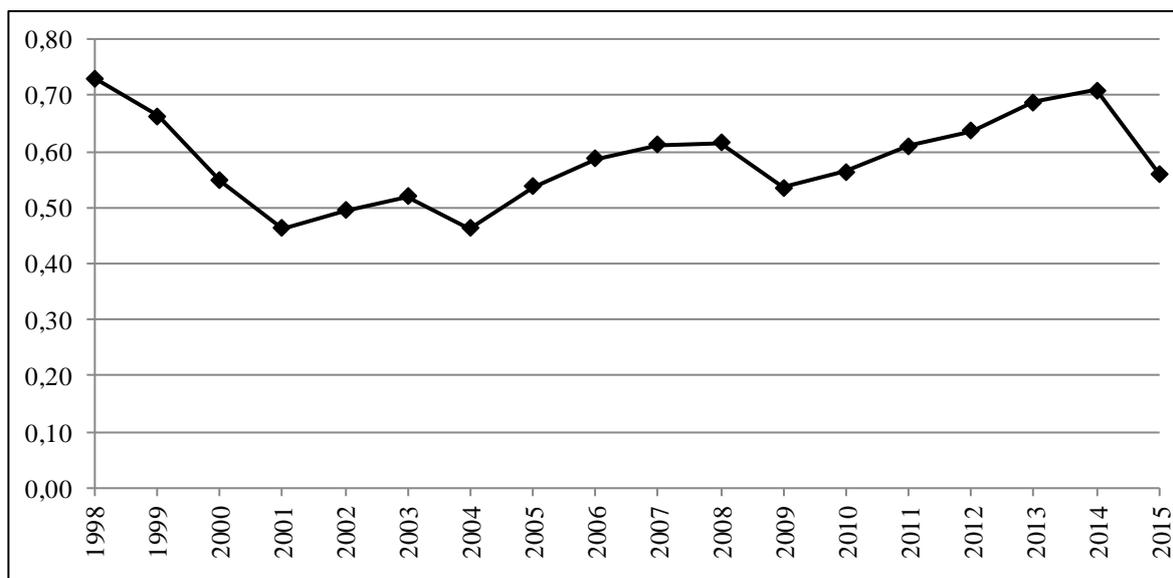

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.3. Динамика валового накопления основного капитала в Алтайском крае и Российской Федерации в 1998–2015 гг., % к ВРП

¹ Рассчитано авторами с использованием данных Росстата. См.: Единая межведомственная информационно – статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 20.11.2015 г.).

² Как отмечалось в докладе Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, «в 2012 г. объем накопления в стране (в постоянных ценах – авторы) едва вернулся к пику начала 2008 г. после почти 20-процентного падения, но в 2013 г. несколько снизился» См.: Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах [Электронный ресурс]: аналитический доклад (декабрь 2014) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (дата обращения: 19.10.2015 г.).

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.4. Доля Алтайского края в накоплении основного капитала Российской Федерации в 1998–2015 гг., %

Соответственно, начиная с 2009 г. и, в особенности, в последние годы (за исключением 2015 г.) заметно растёт доля Алтайского края в накоплении основного капитала Российской Федерации (рис. 5.4).

«Догоняющее» развитие Алтайского края по показателю валового накопления основного капитала вселяет определенный оптимизм в части перспектив развития региона, поскольку отсутствие значимого прироста накопления, сохранение его объемов на уровне 2008 г. послужило главным фактором торможения экономики в 2013–2016 гг., серьезной угрозой развитию страны и края в среднесрочной перспективе.

5.2 ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Ключевой особенностью инвестиционного процесса, отмечаемой практически всеми исследователями, является снижение инвестиционной активности как в России, так и в подавляющем числе ее регионов. Так, по нашим оценкам, объем инвестиций в основной капитал в 2015 г. – как в России, так и в крае – составил в сопоставимых ценах 60 и 63% инвестиций 1990 г. Отсутствие широкомасштабных инвестиций обусловлено целым рядом причин, в числе которых, по мнению ряда исследователей, постепенный переход на новый режим инвестирования, при котором более высокая эффективность должна сочетаться с относительно меньшим их объемом.

Более глубокую картину, на наш взгляд, рисуют специалисты Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации А. Голяшев и Л. Григорьев. «Относительно низкие инвестиции, – пишут они, – главная слабость всей пореформенной экономики. Для этого есть свои основания в характере приватизации, сложившейся системе корпоративного контроля, целях новых собственников крупных национальных предприятий и логике управления. Примерно 40 крупных государственных и частных компаний осуществляют порядка половины капиталовложений страны. Их эффектив-

ность остается под большими сомнениями со стороны экономистов, особенно с учетом обрастания бюрократией, престижным потреблением, типичными свойствами крупного (особенно государственного) бизнеса: огромные средства на управление, саморекламу, побочные программы, охрану и «корпоративные» мероприятия. Это чрезвычайно неповоротливая система, зависящая от сложной кооперации федеральных и региональных чиновников, госбанков.

Вторая часть инвестиций, которые реализуются крупным, средним, малым, региональным бизнесом, страдает от нехватки «доступа» ко многим видам ресурсов, зависимости от бюрократии разных уровней, коррупции, неустойчивости прав собственности. Уже на эту картину накладываются дороговизна кредита (ставки больше 20%), неустойчивость среды, ненадежность судов, давление на бизнес»¹.

Проблема низкой мобилизации инвестиционных ресурсов предприятиями реального сектора носит комплексный характер. С одной стороны, как известно, рост капиталовложений в производство невозможен без роста его эффективности. С другой стороны, мобилизация инвестиционных ресурсов предприятиями происходит неудовлетворительно в силу неразвитости рынка капитала.

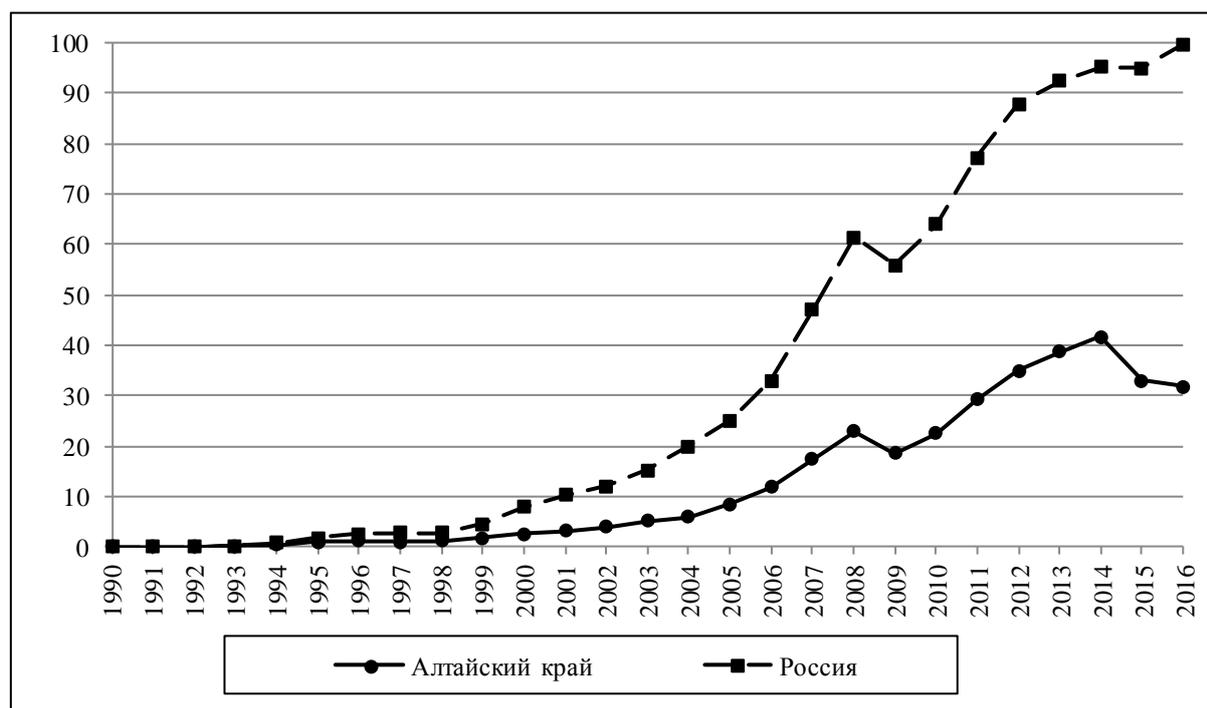
Оценка инвестиционной активности и ее динамики в Алтайском крае, что называется, не лежит на поверхности. В научных статьях и публикациях на эту тему прослеживаются две точки зрения. Согласно одной из них, инвестиционный процесс в крае характеризуется рядом проблем, главные из которых – отставание от среднероссийских показателей и недостаточные темпы роста. Согласно другой точке зрения, как правило, высказываемой представителями региональных органов власти, на протяжении последних лет Алтайский край устойчиво занимает позиции в списке первых 30 субъектов России по уровню инвестиционного потенциала, а инвестиционная привлекательность региона повысилась².

С наших позиций, оценка инвестиционных процессов в Алтайском крае существенно различается в зависимости от того, в каких ценах (действующих либо сопоставимых) она производится. Если оценивать многолетнюю динамику инвестиций в фактически действующих ценах (рис. 5.5), то наглядно прослеживаются две тенденции: ежегодный рост инвестиций как в среднем регионе России, так и в Алтайском крае и увеличение отставания края от среднероссийских показателей. Особенно наглядно отставание края заметно в 2015 г. В самом деле, в действующих ценах 2015 г. по сравнению с 1995 г. душевой объем инвестиций увеличился в крае более чем в 40 раз, а отставание края от среднего региона России – в 2,6 раза.

Однако, как отмечалось ранее, многократное повышение цен в анализируемом периоде существенно искажает реальную картину. Инфляция отразилась не только на «номинальных» объемах роста инвестиций как в России, так и в Алтайском крае, но и на росте «номинальных» различий между ними, поскольку они также обусловлены ценовым фактором. Достаточно сказать, что индекс цен на строительномонтажные

¹ Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах [Электронный ресурс]: аналитический доклад (декабрь 2014) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (дата обращения: 19.10.2015 г.). – С. 13.

² В режиме созидания. В ритме позитивных перемен: Социально-экономическое развитие Алтайского края в 2006–2013 годах. Итоги и перспективы / под общ. ред. М.П. Щетинина. – Барнаул : Азбука, 2013. – С. 15; Стандарт деятельности органов исполнительной власти Алтайского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (утвержден постановлением Администрации Алтайского края № 100 от 28.02.2013 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт] – URL: http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/174/100_13.PDF (дата обращения: 20.11.2015 г.).

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.5. Динамика инвестиции в основной капитал на душу населения в фактически действовавших ценах, тыс. руб. (до 1998 г. – млн руб.)

работы в целом по Российской Федерации вырос в 2013 г. по сравнению с 1994 г. более чем в 100 раз, а по краю – лишь в 75 раз¹.

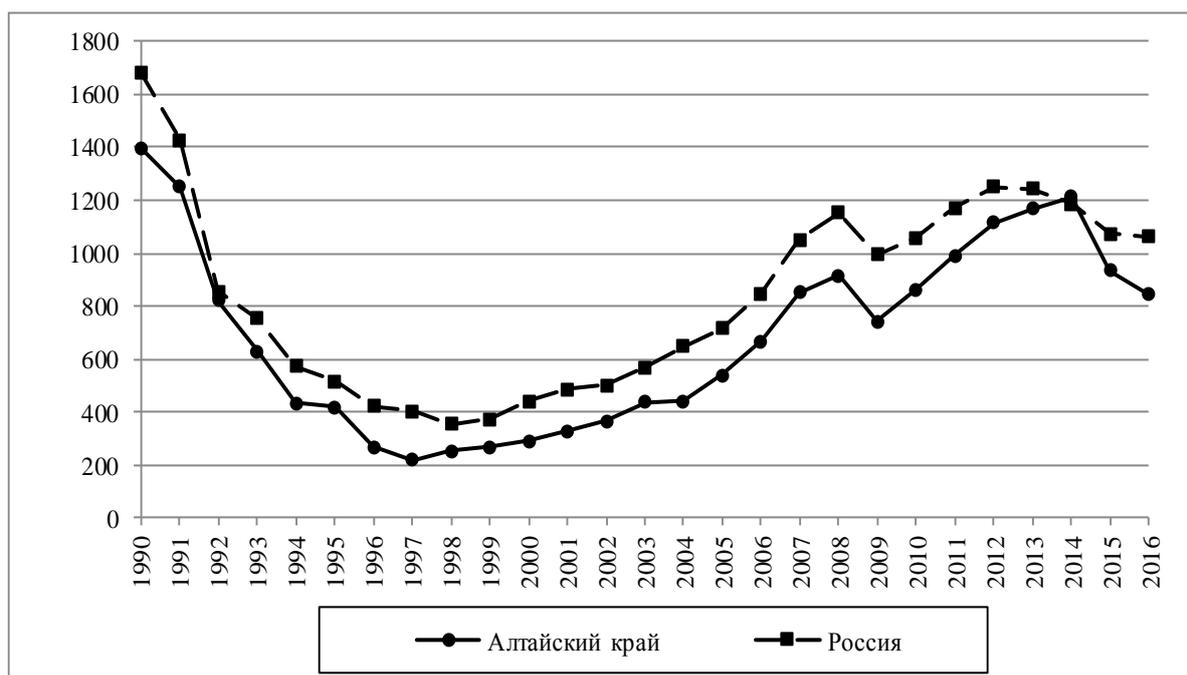
Для получения более объективной картины инвестиционной активности в Алтайском крае, «очищенной» от влияния инфляционных процессов, необходимо произвести переоценку в сопоставимых ценах базисного года.

На рисунке 5.6, где динамика инвестиций в основной капитал показана в сопоставимых ценах 1990 г., видна совершенно иная, по сравнению с предыдущим рисунком, картина. Тренды изменений душевых инвестиций в крае и среднероссийском регионе совпадают, а в 2009–2014 гг. наблюдалась позитивная тенденция более высоких темпов роста индекса физического объема инвестиций в основной капитал в Алтайском крае по сравнению с Россией, в результате чего край по показателям душевых инвестиций (в сопоставимых ценах) приблизился к среднероссийским значениям. Пик сближения пришелся на 2014 г., в 2015 и 2016 гг. различия начали нарастать в результате большего по сравнению с Россией падения душевых инвестиций в крае (в ценах 1990 г.).

Отмеченная выше тенденция является следствием того, что доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте края в 2009–2014 гг. росла темпами, превышающими среднероссийские, что позволило краю, с одной стороны, начиная с 2011 г. по рассматриваемому показателю обогнать Россию² (рис. 5.7), а с дру-

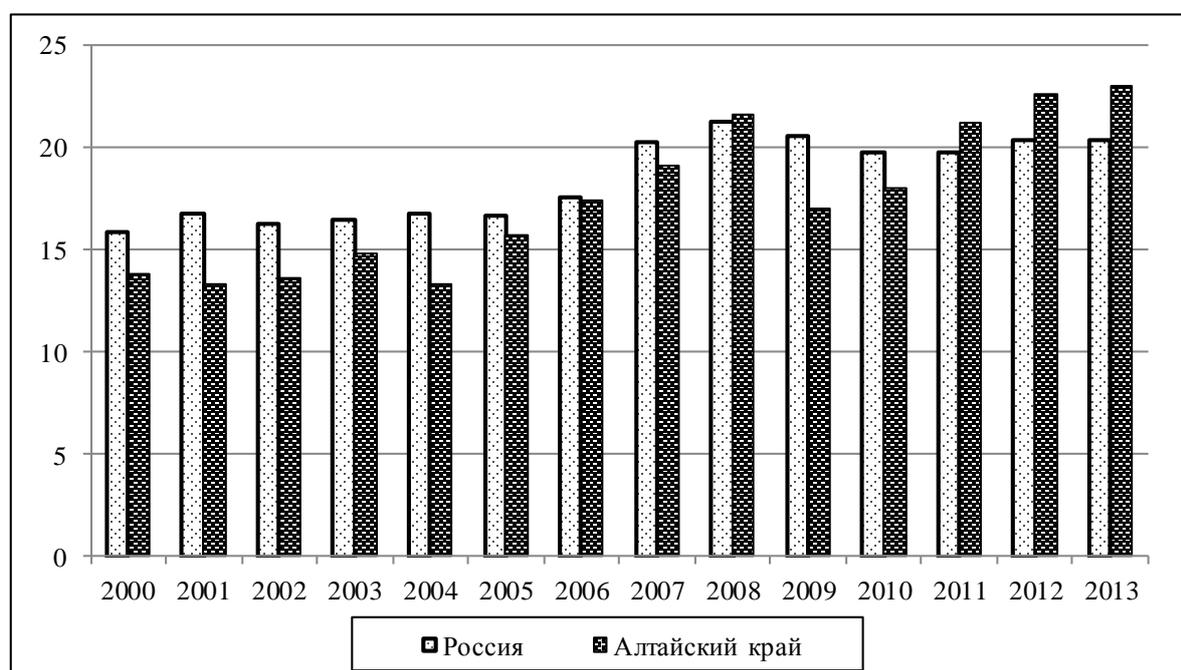
¹ Рассчитано авторами на основе данных России.

² В связи со сказанным заметим, что валовое накопление капитала в целом по России, составляющее 24–25% ВВП, оценивается как умеренное. Рост валового накопления с 24 до 27–28% означает рост

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.6. Инвестиции в основной капитал на душу населения, в ценах 1990 г., руб.

Источник: Данные Росстата.

объема инвестиций примерно в 1,35 раза. В краевой программе «Улучшение инвестиционного климата в Алтайском крае на 2011–2016 гг.» предусмотрено довести норму накопления капитала в 2016 г. до 25%. С нашей точки зрения, достижение столь высокой планки подразумевает повышение уровня сбережения, возможности которого в крае, как отмечалось ранее, сравнительно ограничены. С учетом сравнительно небольшого душевого объема ВРП края установка на высокий уровень нормы накопления может прийти в противоречие с необходимостью сохранения и повышения достигнутого уровня потребления. В этих условиях на первый план выходит проблема повышения эффективности использования инвестиций.

Рис. 5.7. Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте в 2000–2013 гг., %

Таблица 5.1

Распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в Алтайском крае (без субъектов малого предпринимательства), %

Год	Собственные средства	Привлечённые средства	Из них			
			кредиты банков	бюджетные средства	в том числе	
					федеральный бюджет	бюджеты субъектов Российской Федерации
1992	41,8	58,2	3,11	48,0	41,5	6,5
1993	39,4	60,6	3,91	40,9	31,3	9,6
1994	46,2	53,8	2,31	39,0	28,0	9,1
1995	52,6	47,4	...	27,6	16,4	8,1
1996	54,3	45,7	...	18,3	12,1	6,2
1997	49,5	50,5	...	25,1	16,0	9,1
1998	43,7	56,3	0,4	18,4	8,3	10,1
1999	44,9	55,1	0,6	23,3	14,3	9,0
2000	40,5	59,5	3,9	30,3	23,0	7,3
2001	59,8	40,2	1,5	16,3	8,5	7,8
2002	60,3	39,7	2,9	23,4	11,7	7,8
2003	50,2	49,8	7,4	19,7	9,5	8,1
2004	53,2	46,8	5,4	15,3	9,4	4,2
2005	48,3	51,7	9,6	16,2	10,1	4,7
2006	38,8	61,2	9,9	21,3	12,3	6,1
2007	37,8	62,2	12,9	19,9	10,7	6,8
2008	34,2	65,8	13,2	21,2	8,5	9,9
2009	34,3	65,7	11,7	28,9	14,0	12,9
2010	42,3	57,7	9,3	24,8	11,6	11,3
2011	39,0	61,0	15,6	26,6	11,2	12,3
2012	43,6	56,4	8,3	27,6	12,0	13,6
2013	43,6	56,4	7,7	24,8	9,7	11,3
2014	37,6	62,4	8,6	19,6	8,9	7,9
2015	43,6	56,4	4,7	25,1	11,2	11,1

Приложение. Льготные государственные инвестиционные кредиты.

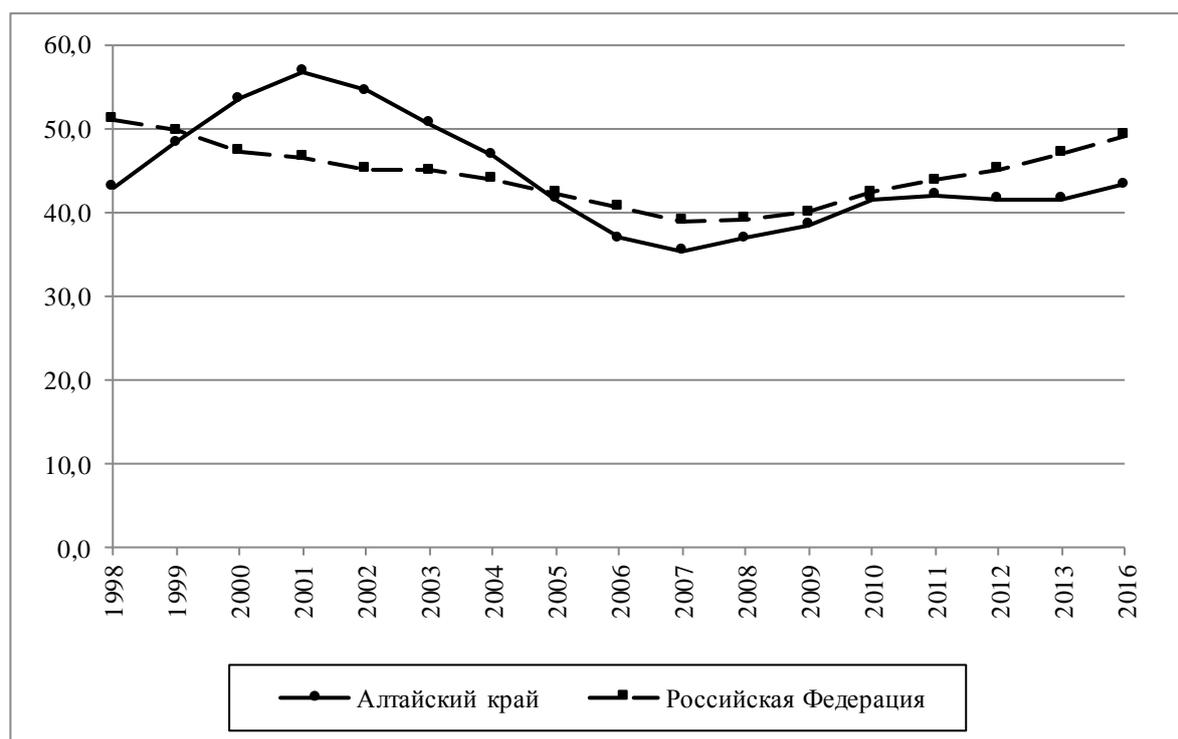
Источник: Данные Росстата.

гой, как отмечалось ранее, – увеличить долю Алтайского края вплоть до 2014 г. в накоплении основного капитала России по сравнению с докризисным уровнем (см. рис. 5.4).

Каковы главные причины более динамичного (по сравнению с Россией в целом) инвестиционного развития края? За счет каких инвестиционных источников оно осуществлялось? Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать динамику распределения инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (таб. 5.1).

Важнейшим источником финансирования инвестиций в основной капитал, как следует из таблицы 5.1, являются собственные средства предприятий. В 2014 г. на их долю (без учета субъектов малого предпринимательства) приходилось 38,4% всех инвестиций (в России – 48,1%). Сравнение приведенных выше показателей позволяет нам сделать вывод о том, что сегодня алтайские предприятия располагают меньшими возможностями для своего развития за счет собственных средств.

Отметим, что такая ситуация была не всегда. Из рисунка 5.8 видно, что в 1998–2016 гг. прослеживаются два периода: 1998–2005 гг., когда возможностей инвестировать за счет собственных средств у алтайских крупных и средних предприятий было больше, чем у предприятий и организаций России в целом, и 2005–2016 гг., когда возможности развития за счет собственных средств у предприятий края по сравнению с российскими уменьшились.

Примечание. При построении графика использован метод скользящей средней по трехлетним периодам.

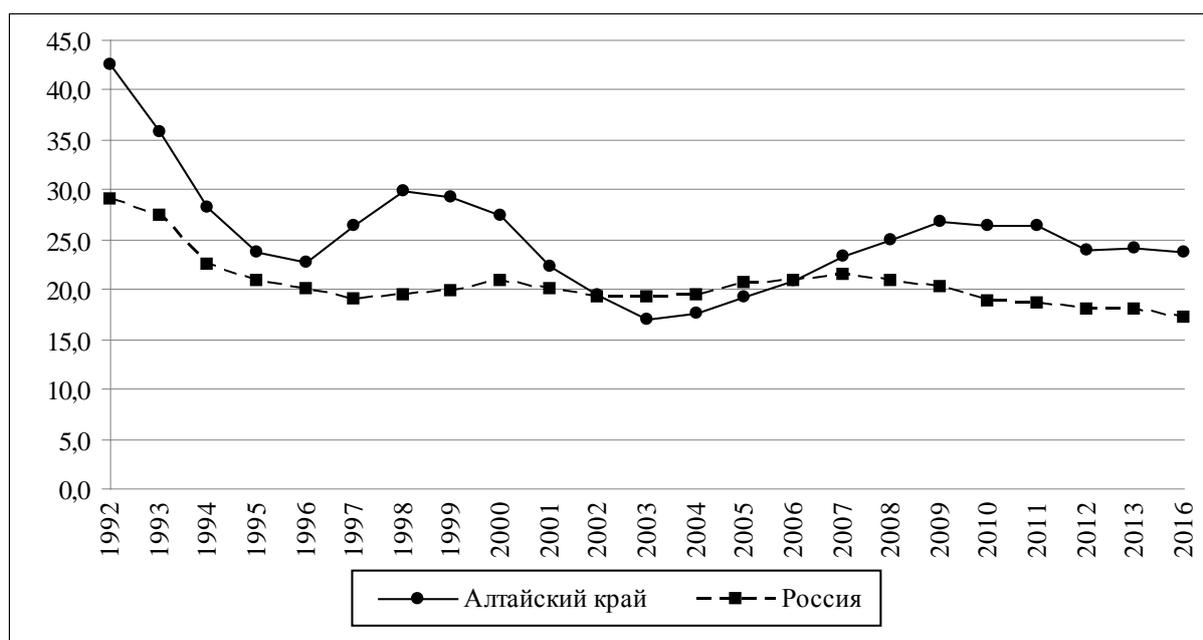
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.8. Динамика доли собственных средств в инвестициях в основной капитал в Алтайском крае и Российской Федерации (без субъектов малого предпринимательства), %

Сложившаяся ситуация может быть объяснена, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, относительно низкой привлекательностью края как места приложения частных инвестиций; во-вторых, установкой региональных властей на формирование фундамента развития края в средне- и долгосрочной перспективе (возможно, даже в ущерб сиюминутным интересам), активной их деятельностью по привлечению инвестиций из Федерального и регионального бюджетов¹.

В целом же доля собственных средств, направленных на инвестирование, как в России, так и в Алтайском крае, имеет тенденцию к понижению. Скорее всего, это можно объяснить не столько целесообразностью использования в целях инвестирования привлеченных средств, сколько недостаточными объемами собственных средств предприятий (как прибыли, так и амортизации), необходимых для инвестирования.

В структуре привлеченных средств определяющую роль играют бюджетные средства. На их долю в 2009–2016 гг. приходилась почти половина всех привлеченных средств. Заметную роль играли бюджетные средства и в общем объеме инвестиций, где на их долю приходился в последние годы каждый четвертый рубль. В рассматриваемом периоде, за исключением 2003–2006 гг., удельный вес бюджетных инвестиций в общем их объеме в Алтайском крае был выше, чем в России в целом (рис. 5.9).

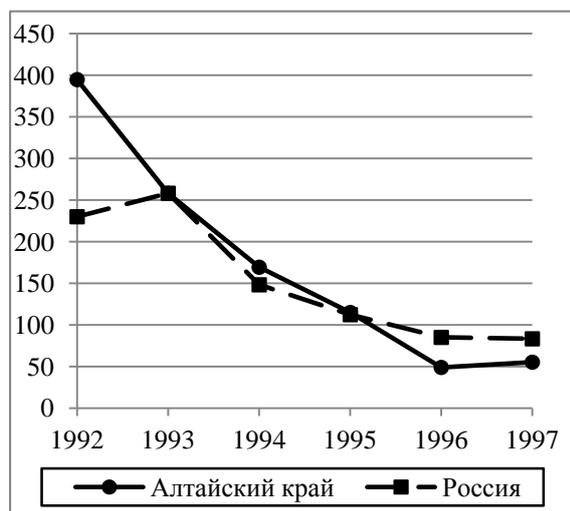
Примечание. При построении графика использован метод скользящей средней по трёхлетним периодам.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.9. Динамика удельного веса бюджетных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал в Алтайском крае и Российской Федерации (без субъектов малого предпринимательства), %

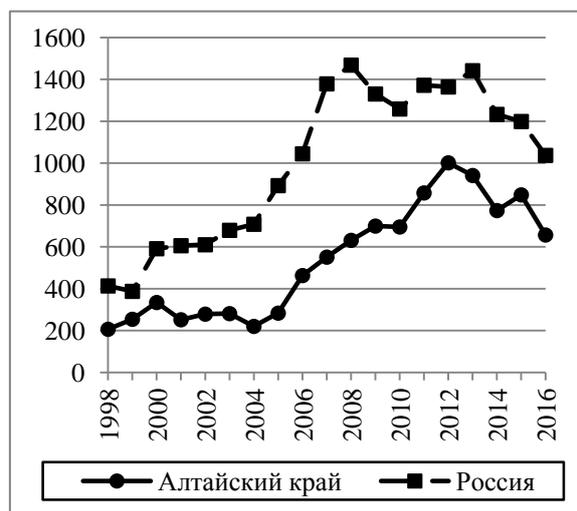
¹ В наиболее полном и систематизированном виде ключевые направления деятельности Алтайского края по повышению инвестиционной привлекательности региона отражены в Стандарт деятельности органов исполнительной власти Алтайского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (утвержден постановлением Администрации Алтайского края № 100 от 28.02.2013 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/174/100_13.PDF (дата обращения: 20.11.2015 г.).

Рисунки 5.10 и 5.11 наглядно демонстрируют картину различий по объему бюджетных инвестиций в среднероссийском регионе и Алтайском крае¹. Ситуация по годам складывалась по-разному, но в целом очевидно отставание края по этому показателю от России. Наибольшие различия были характерны для 2008 г. К 2016 г. различия удалось сократить, но разрыв так и не был преодолен.

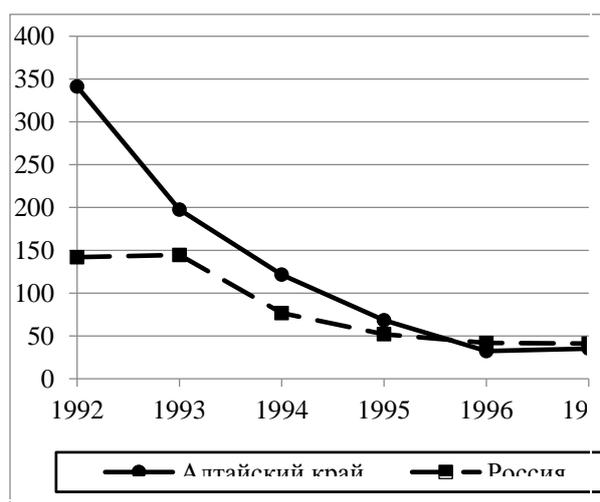
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.10. Бюджетные инвестиции в расчете на душу населения (по полному кругу организаций), в ценах 1990 г., тыс. руб.

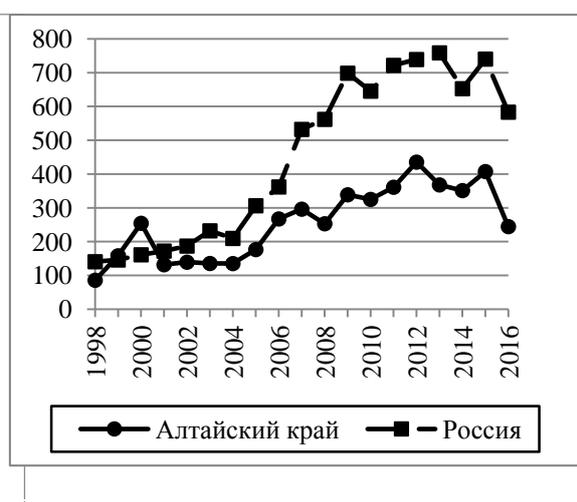
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.11. Бюджетные инвестиции в расчете на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 1998 г., руб.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.12. Инвестиции из федерального бюджета в расчете на душу населения (по полному кругу организаций), в ценах 1990 г., тыс. руб.

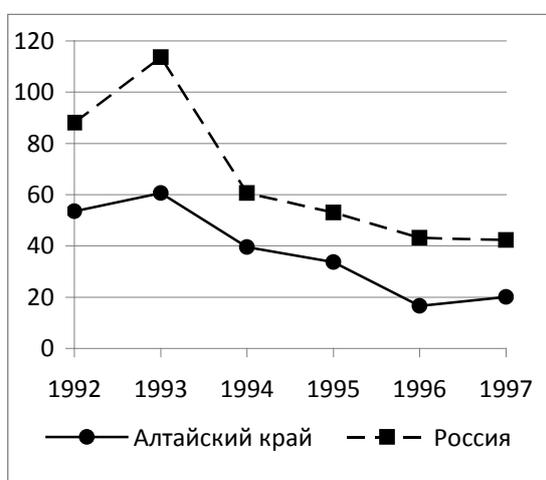
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.13. Инвестиции из федерального бюджета в расчете на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 1998 г., руб.

¹ Отсутствие необходимой для ресурсов статистической информации обусловило необходимость построения двух графиков, отражающих динамику душевых бюджетных инвестиций по полному кругу организаций и по кругу крупным и средним организациям.

Имеющееся с дореформенных лет преимущество в «инвестиционной подпитке» из федерального бюджета к началу 2000-х годов край потерял и во всё большей мере стал опираться на инвестиционные ресурсы краевого бюджета (рис. 5.12 и 5.13).

Отмеченный выше «инвестиционный рывок» в 2010 г. был в существенной мере обеспечен за счет средств краевого бюджета. Алтайский край сумел, начиная с 2004–2005 гг., резко увеличить инвестиционную активность и в 2015 г. вплотную приблизиться по рассматриваемому показателю к среднероссийскому региону (рис. 5.14 и 5.15)

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.14. Инвестиции из бюджета Алтайского края и бюджетов субъектов Российской Федерации в расчете на душу населения (по полному кругу организаций), в ценах 1990 г., тыс. руб.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.15. Инвестиции из бюджета Алтайского края и бюджетов субъектов Российской Федерации в расчете на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 1998 г., руб.

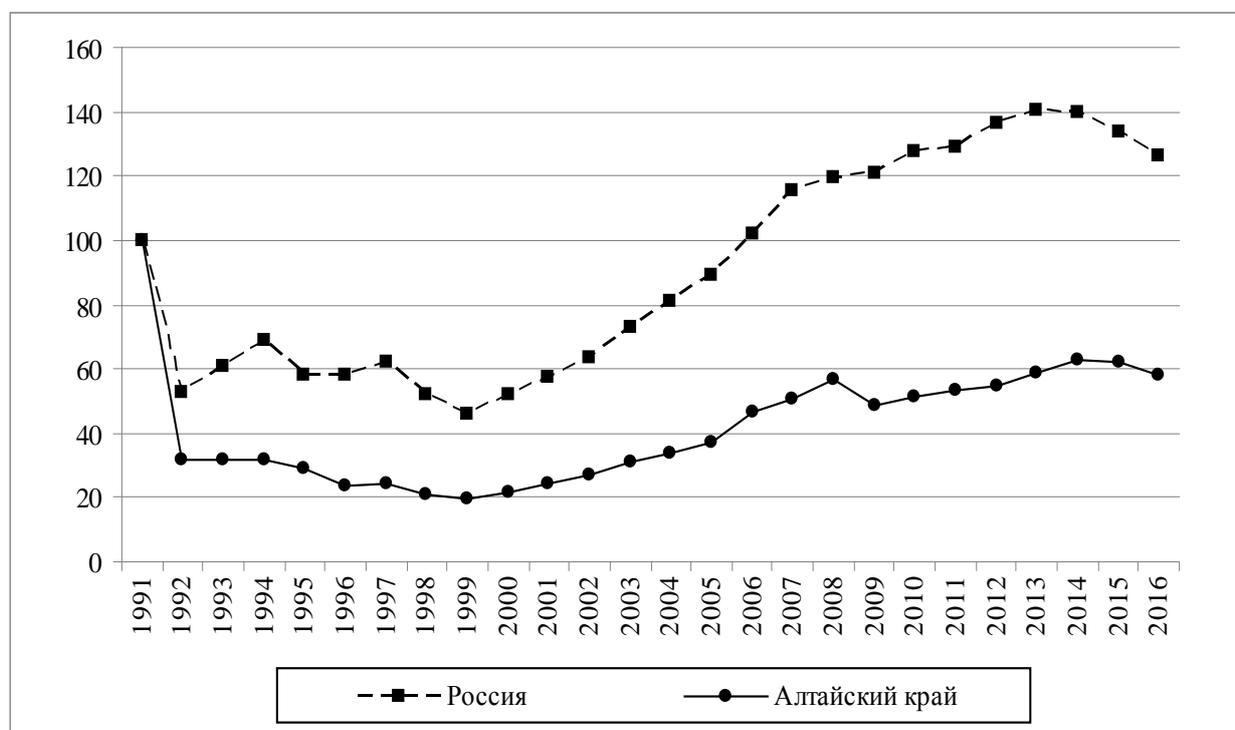
Оценка охарактеризованных выше структурных сдвигов, с нашей точки зрения, имеет двойственный характер. С одной стороны, высокая доля бюджетных средств в общем объеме инвестиций однозначно должна быть оценена позитивно. Во-первых, в силу того что бюджетные инвестиции при нехватке собственных средств предприятий позволяют поддерживать определенный уровень инвестиционной активности в крае. Во-вторых, бюджетные инвестиции в значительной своей части направлены на формирование инфраструктуры, в том числе социальной, что для Алтайского края является актуальным моментом. Наконец, в-третьих, на начальном этапе выхода из кризиса увеличение объема государственных инвестиций в целях «разогрева» экономики имеет решающее значение.

С другой стороны, в сегодняшних условиях рост государственного инвестиционного спроса (прежде всего инвестиций из федерального бюджета) имеет для Алтайского края, как было показано выше, незначительные перспективы. Следовательно, увеличивать емкость регионального инвестиционного рынка необходимо за счет повышения платежеспособного спроса предприятий и населения.

Сбережения населения, как известно, выступают в качестве одного из главных финансовых источников инвестиций. Составляя, так называемый, «отложенный спрос», они являются источником инвестиций в жилищную сферу и участвуют в формировании «длинных» инвестиционных денег банков.

В Алтайском крае, к примеру, размер вклада (депозита) физических лиц в кредитных организациях на душу населения на 1 января 2014 г. составил 46 522 руб. против 117 900 руб. в среднем по России. Такое соотношение обусловлено тем, что если судить по данным официальной статистики, реальные доходы населения на протяжении длительного времени были и остаются на уровне, уступающем среднероссийскому (рис. 5.16)¹.

Сравнительно низкий уровень сбережений населения в крае обусловил невысокий внутренний потребительский спрос, что, естественно, негативно сказалось как на развитии экономики края, так и его отдельных отраслей и сфер.

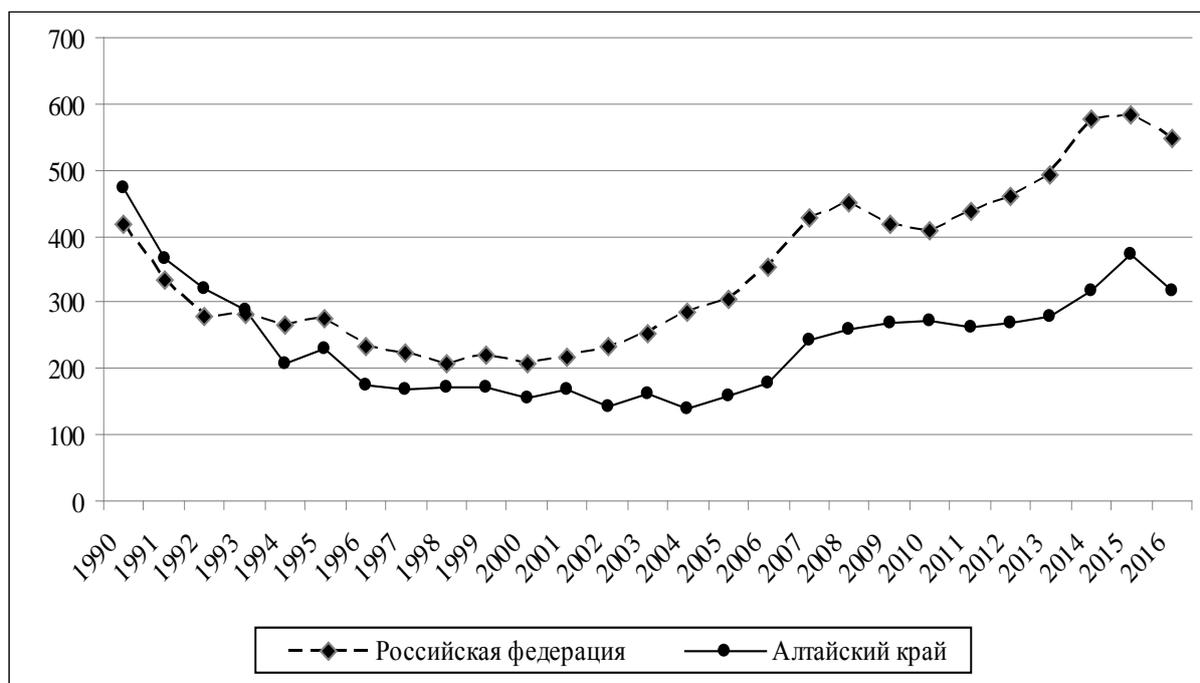

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.16. Динамика реальных денежных доходов населения Алтайского края и России в 1991–2016 гг. (1991 = 100%)

¹ Обвальное падение реальных доходов жителей Алтайского края в начале 1990-х годов имеет для края и сегодня самые негативные последствия. Укажем лишь на то, что поддержание высокого внутреннего потребительского спроса, прямо связанного с ростом реальных доходов населения, является наряду с ростом инвестиций необходимым и обязательным условием вхождения региона в стадию экономического роста.

В начале 1990-х годов, когда инвестиционный спрос на жилье формировался, главным образом, со стороны государства, край занимал лидерские позиции. В дальнейшем, по мере увеличения удельного веса средств населения в общем объеме инвестиций в строительство жилых домов¹, происходил процесс сжатия внутреннего инвестиционного спроса и, соответственно, нарастания отставания края по вводу жилья от среднероссийских показателей² (рис. 5.17).

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.17. Ввод в действие жилых домов в Алтайском крае и Российской Федерации в 1990–2016 гг., на 1000 чел. населения, кв. м общей площади

Рассмотрим далее структурные сдвиги в основной капитал в разрезе различных форм собственности. Динамика структуры инвестиций в основной капитал по формам собственности, сложившаяся в 2016 г., отражает специфику административно-территориальной структуры края. Проявляется это, в частности, в большем удельном весе муниципальных инвестиций и более низком – инвестиций, освоенных предприятиями смешанной формы собственности (табл. 5.2).

Изменения, произошедшие в структуре инвестиций в основной капитал по формам собственности, как в России, так и в Алтайском крае, однонаправлены: выросла доля инвестиций, освоенных предприятиями частной формы собственности на фоне сокращения доли инвестиций предприятий и организаций государственной и смешанной форм собственности.

¹ Удельный вес жилых домов, построенных населением за счёт собственных и заёмных средств, в общем объёме ввода жилья в Алтайском крае составил в 1990 г. 10,3%, а в 2013 г. – 53,0%.

² Здесь, на наш взгляд, нашли отражение центростремительные тенденции в расселении населения, при которых оно концентрируется в центральных, более благоприятных для проживания районах, в то время как Алтайский край, так и Сибирь в целом теряют свое население.

Таблица 5.2

**Динамика структуры инвестиций в основной капитал
по формам собственности в 1995 г., 2016 г., %**

Формы собственности	Алтайский край		Российская Федерация	
	1995	2016	1995	2016
Инвестиции в основной капитал – всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе				
государственная	44,1	14,0	31,3	15,1
муниципальная	7,6	5,7	6,3	2,6
частная	21,5	69,7	13,4	56,3
смешанная российская	24,8	2,9	46,2	7,8

Источник: Данные Росстата.

Наряду с отмеченными структурными сдвигами кардинально изменилась инвестиционная активность предприятий: на государственных и муниципальных предприятиях – снизилась, на частных – возросла. Так, в 1995 г. на предприятиях государственного и муниципального сектора края инвестиции в расчете на одного занятого в 1,5 раза превышали инвестиции на одного занятого на частных предприятиях. По прошествии 20 лет, напротив, инвестиционная активность частных предприятий была в 1,5 раза выше, чем на предприятиях государственной и муниципальной форм собственности.

Наконец, охарактеризуем вкратце видовую структуру инвестиций, являющуюся одним из критериев эффективности их использования.

Как следует из таблицы 5.3, видовая структура инвестиций в Алтайском крае и видовая структура инвестиций в России во многом схожи: как в крае, так и в России в целом основную долю составляют инвестиции в здания (кроме жилых) и сооружения, а также машины, оборудование, транспортные средства.

Что же касается динамики видовой структуры, то, с нашей точки зрения, в Алтайском крае по сравнению с Россией произошедшие сдвиги могут быть оценены как более прогрессивные. Об этом свидетельствует рост в крае удельного веса вложений в машины, оборудование, транспортные средства (за исследуемый период – на 7,9 п.п.) на фоне снижения этого показателя в целом по России (на 5,7 п.п.). По доле инвестиций, направленных на развитие активной части основных фондов, край занимал в 2013 г. второе место среди регионов СФО¹.

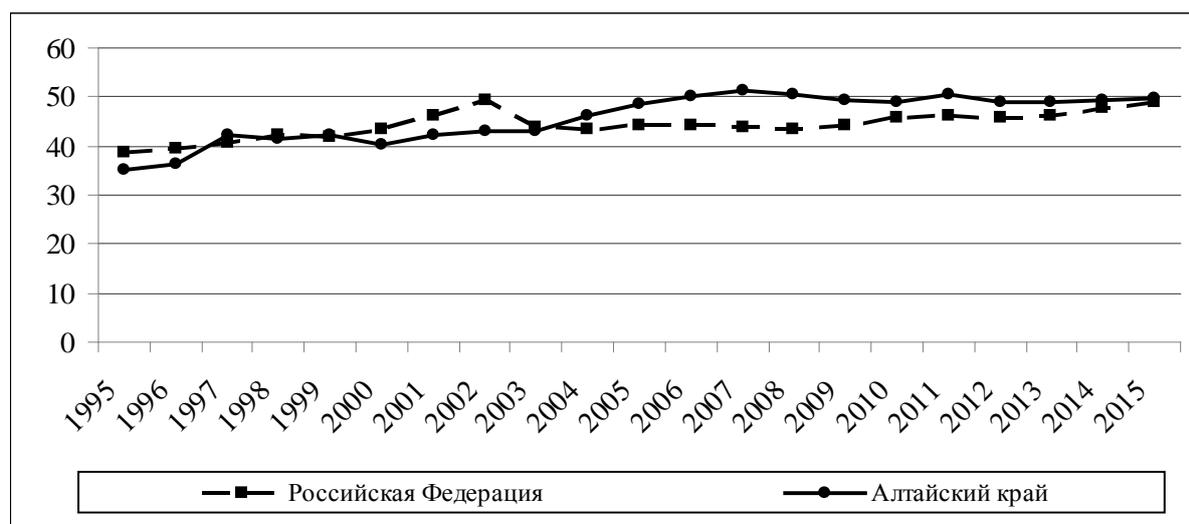
¹ **Инвестиционная** деятельность регионов Сибирского федерального округа. 2014: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. – Томск, 2014 – С. 27.

Таблица 5.3

Динамика видовой структуры инвестиций в основной капитал в Алтайском крае и Российской Федерации в 1999, 2016 гг., %

Виды инвестиций	Алтайский край		Российская Федерация	
	1999	2016	1999	2016
Инвестиции в основной капитал – всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе				
жилища	19,9	18,6	14,3	15,4
здания (кроме жилых) и сооружения	38,1	38,2	41,5	45,2
машины, оборудование, транспортные средства	30,7	38,6	36,3	30,6
прочие	11,3	4,6	7,3	8,8

Источник: Данные Росстата.

Источники: Данные по Алтайскому краю взяты из сборников: **Статистический** ежегодник Алтайский край. 2011–2015. – С. 166; **Статистический** ежегодник Алтайский край. 2010–2014. – С. 195; **Статистический** ежегодник Алтайский край. 2008–2013. – С. 172; **Статистический** ежегодник Алтайского края 2003–2008. – С. 180; **Статистический** ежегодник Алтайского края 2005–2010. – С. 186–187; **Алтайский** край в цифрах. 2008–2013. – С. 80; **Алтайский** край в цифрах. 2007–2012. – С. 72; **Алтайский** край в цифрах. 2006–2011. – С. 72; **Алтайский** край в цифрах. 2001–2005. – С. 40; **Алтайский** край в цифрах. 1997–2001. – С. 30; **60 лет** Алтайскому краю: юбил. стат. сб. – Барнаул : ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1997. – С. 74; Данные по Российской Федерации взяты из сборников: **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2016. – С. 551; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2015. – С. 511; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2014. – С. 382; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2013. – С. 411; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2012. – С. 419; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2010. – С. 393; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2005. – С. 371; **Российский** статистический ежегодник. 2003. – С. 308.

Рис. 5.18. Степень износа основных фондов в экономике Алтайского края и Российской Федерации в 1995–2015 гг., %

В заключение этого раздела работы заметим, что отмеченные выше позитивные тенденции не повлияли кардинально на обновление основных фондов и повышение темпов модернизации производства (рис. 5.18).

Однако нельзя не заметить, что Алтайскому краю, начиная с 2007 г., удаётся, по крайней мере, не допускать роста износа основных фондов в экономике, чего нельзя сказать о России. К началу 2016 г. имевшиеся по сравнению с краем преимущества в части меньшей степени износа основных фондов «среднероссийский» регион потерял.

Преодоление многолетнего отставания края по объёму инвестиций, особо заметного при оценке инвестиций в действующих ценах, возможно лишь путем «инвестиционного рывка». Рассчитывать же на то, что краю удастся сделать такой рывок за счет собственных ресурсов, без помощи федеральных средств нереально в силу того обстоятельства, что край не обладал и не обладает значимыми преимуществами, являющимися по общему признанию, локомотивами регионального экономического роста.

Среди таких преимуществ, как показал анализ территориального развития России в 2000–2012 гг., проведенный Минэкономразвития, два основных – реализация в регионе крупных инвестиционных проектов, в том числе с государственным участием и ускоренный рост агломераций¹.

Речь идет не о том, что в крае нет крупных инвестиционных проектов либо отсутствует инвестиционная поддержка со стороны федерального бюджета. Суть вопроса – в масштабах инвестиционной деятельности, объемах государственной поддержки, благодаря чему можно было бы существенным образом ускорить развитие края. Речь идет о масштабах государственной поддержки развития регионов, соразмерной помощи регионам, входящим в состав, к примеру Южного, Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов, имеющих благодаря этому устойчивую тенденцию к росту.

Что же касается агломерационного развития², то Барнаульская агломерация, как известно, насчитывает сегодня порядка 824,6 тыс. чел., а перспективы ее роста в среднесрочной перспективе вызывают сомнение в силу отсутствия должных ресурсов, в первую очередь, населения. С учетом этого, рассматривать ее сегодня как значимый локомотив регионального роста, сопоставимый по влиянию со сложившимися агломерациями, на наш взгляд, нельзя.

Для Алтайского края, имеющего существенные ограничения в росте валовых сбережений и их трансформации в инвестиции в условиях действующей модели «ресурсной экономики», достижение и удержание показателей инвестиционной активности на уровне «среднего» региона России, – является, как показывает практика, реальной задачей и в то же время достойным результатом.

¹ **Прогноз** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 20.11.2015 г.).

² Как отмечают специалисты Минэкономразвития России, базовой тенденцией развития страны является усиление концентрации человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупных городах и формирование 20 агломераций с численностью населения более 1 млн человек.

Глава 6. ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОСТИ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

6.1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

В настоящее время повышение эффективности функционирования экономики России тесно связано с ускоренным развитием инновационной сферы и созданием национальной инновационной системы.

Ключевым документом, определяющим долгосрочную политику российского государства в сфере инноваций, является Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, разработанная на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

За последние несколько лет государство создало законодательный и организационный каркас национальной инновационной системы (далее – НИС). Функционируют структуры, ответственные за предоставление предпосевных и посевных инвестиций, венчурного финансирования, сформирована правовая база инновационного центра «Сколково». В значительной мере облегчено применение в коммерческих целях разработок, созданных в государственных научных структурах и вузах. Структура НИС содержит блоки, генерирующие знания и занимающиеся подготовкой инновационных кадров, создающие инновационную инфраструктуру, производящие инновационный продукт и проводящие государственную политику.

Тем не менее очевидно, что рост интенсивности инновационных процессов на уровне страны все более тесно «завязан» на регионы, поскольку именно они являются местом экономического взаимодействия и инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Эффективное сочетание потенциала региональных инновационных решений и возможностей федеральных институтов могут обеспечить выход региона на новый уровень и качество экономического роста.

Современное состояние и основные тенденции развития инновационной сферы Алтайского края. Алтайский край обладает многопрофильным научным потенциалом, ориентированным на потребности ОПК, химической промышленности, машиностроения и агропромышленного комплекса. Различными видами научной, проектной и изыскательской деятельности занимаются более 3 тысяч человек в 37 научно-исследовательских организациях, в числе которых академические учреждения, исследовательские подразделения высшей школы, проектно-конструкторские структуры промышленных предприятий.

Приоритетные региональные исследования сосредоточены в области создания новых материалов, живых систем, информационных, химических, энергосберегающих технологий. Особая роль в обеспечении модернизации, усиления экономической базы региона и его выхода на инновационную траекторию отводится малому бизнесу. По удельному весу малых предприятий, осуществляющих затраты на технологические инновации, край занимает первое место в России.

Анализ тенденций и факторов развития экономики региона за период 2006–2013 гг. свидетельствует о том, что инновации постепенно становятся одним из

наиболее важных факторов экономического роста. Все более явной и востребованной становится инновационная функция высшего образования и повышение роли образовательных учреждений высшего профессионального образования в инновационном процессе. Это позволяет позиционировать регион как ведущий на евразийском пространстве центр, осуществляющий подготовку кадров более чем по 200 специальностям; в вузах края разработан и реализуется ряд стратегических программ, получивших федеральную поддержку и направленных на подготовку специалистов для инновационной экономики.

Наука постепенно переориентируется на потребности экономики, в ее развитии отмечаются изменения, связанные с повышением доли предпринимательского сектора как в выполнении, так и в финансировании исследований (73% в структуре объема работ, выполненных научными организациями в 2012 г.), наблюдается увеличение масштабов поисковых исследований, объемов прикладных работ в университетах. Научно-исследовательский сектор региона демонстрирует положительную динамику ключевых показателей. Практически в три раза с 2006 г. выросли затраты на научные исследования (1847 млн руб. по итогам 2013 г.) и объем выполненных научных исследований и разработок, существенно улучшилась материальная база научных организаций (среднегодовая стоимость основных средств в сравнении с 2008 г. увеличилась в 4 раза и составила в 2012 г. 7,3 млрд руб.).

Наблюдается активизация инновационных процессов во всех секторах экономики, в том числе традиционных; опережающая динамика развития высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг (фармацевтики, образования, здравоохранения, информационно-коммуникационных технологий); развитие новых видов экономической деятельности (производство композитов, наноматериалов, биотехнологии); рост инвестиций в научные исследования и разработки (в 2,8 раза к уровню 2006 г.).

В отраслевой структуре промышленности отмечаются сдвиги в сторону видов деятельности, характеризующихся коротким жизненным циклом продукции (производство пищевых продуктов), и снижение доли тех, где цикл длиннее. Лидерами по объемам отгруженной инновационной продукции в крае становятся производители пищевых продуктов (в 2012 г. 46% в структуре отгруженной инновационной продукции против 13% в 2006 г.), химии и электрооборудования. Вместе с тем доминируют исследования и инновации, связанные не с продуктами, а с технологическими процессами (металлургия, производство транспортных средств и другие).

Растет число передовых производственных технологий, используемых организациями края (1959 единиц по итогам 2013 г.). Из общего количества используемых технологий практически 90% приобретено за пределами региона. Вместе с тем технологии, разработанные в регионе, востребованы не только в России, но и в странах ближнего зарубежья. По количеству проданных технологий и программных средств среди регионов Сибирского федерального округа Алтайский край в 2012 г. занимал 2-е место (организациями края продана 71 разработка против одной в 2008 г.), уступая лишь Томской области, а по доле инновационной продукции в объеме экспорта промышленных предприятий регион лидирует в Сибири.

Объем бюджетных инвестиций, направленных в инновационный сектор бизнеса, вырос в 3,3 раза; более чем в 70 раз увеличена поддержка научных коллективов (в сравнении с 2006 г.). Активизируется участие научных коллективов края в федеральных целевых программах и конкурсах Минобрнауки России на выполнение научно-исследовательских работ, развитие кооперации науки и бизнеса, создание инноваци-

онной инфраструктуры. Расширяются и диверсифицируются региональные институты развития инноваций, развивается инновационная инфраструктура.

Позиции края как региона со значительным научно-техническим и инновационным потенциалом подтверждаются экспертными оценками ведущих рейтинговых агентств страны. В рейтинге инновационной активности регионов, составленном Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий в 2013 г., Алтайский край улучшил свои позиции, поднявшись на 8-е место.

Структурные и институциональные изменения в развитии экономики Алтайского края осуществлялись в рамках создания региональной инновационной системы (далее – РИС). Впервые понятие РИС как совокупности субъектов инновационной деятельности, инновационной инфраструктуры, а также органов государственной власти Алтайского края, обеспечивающих реализацию государственной инновационной политики, определено законом Алтайского края от 14 сентября 2006 г. № 95-ЗС «Об инновационной деятельности в Алтайском крае».

Основные этапы становления и развития инновационной системы Алтайского края. Первый (организационный) этап (2006–2007 гг.): создание основ инновационного сектора экономики Алтайского края, формирование правового поля, создание управленческих структур и совещательных органов. Особое место в региональной политике было отведено инновациям в 2006 г., когда был принят закон «Об инновационной деятельности в Алтайском крае». Одновременно с разработкой закона происходило реформирование органов исполнительной власти края: регулирующим и координирующим центром развития инновационной системы стало Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края, в составе которого образовано управление по науке и инновационной политике.

Особое внимание уделялось вовлечению научной общественности и бизнеса в процесс реализации государственной научно-технической и инновационной политики. Для этих целей в 2007 г. образован совещательный орган – Координационный совет Алтайского края по инновационной деятельности.

В 2007 г. были кардинально изменены принципы поддержки научных исследований. В основу положена двухступенчатая процедура выбора проектов, используемая на федеральном уровне. Предусмотрена увязка научных исследований с приоритетами социально-экономического развития Алтайского края. Активизировано сотрудничество с государственными научными фондами России, сформированы экспертные советы. В период с 2006 по 2013 год поддержано 306 проектов на общую сумму 72 млн руб., в том числе 222 проекта совместных региональных конкурсов РФФИ и РГНФ. Выполнение работ на паритетных условиях позволило привлечь более 30 млн руб. средств федерального бюджета.

Основным содержанием второго этапа (2008–2010 гг.) является внедрение кластерного подхода. Новый подход к управлению региональной инновационной системой был заложен в 2008 г. В настоящее время успешно развиваются кластеры в сфере биофармацевтики, аграрного машиностроения, энергомашиностроения и энергоэффективных технологий, производства полимерных композитов. По состоянию на начало 2015 г. в них вовлечено более 80 организаций.

Координацию кластерной политики в регионе с 2010 г. осуществляет Алтайский центр кластерного развития (далее – АЦКР). Деятельность АЦКР сконцентрирована на создании профессиональных лабораторий, разработке программ развития кластеров, проведении маркетинговых исследований и прочих мероприятий.

Удалось укрепить позиции кластерных формирований на федеральном уровне. Программа развития «АлтайБио», разработанная АЦКР (совместно с администрацией г. Бийска и НП «Алтайский биофармацевтический кластер»), включена в перечень 25 пилотных территориальных инновационных кластеров, утвержденный 28 августа 2012 г. поручением Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева. Помимо этого, компании кластера вошли в состав технологических платформ «Медицина Будущего» и «БиоТех 2030».

Для обеспечения ускоренного развития биоиндустрии создан центр инжиниринга «Промбиотех». Его главной задачей является обеспечение взаимодействия между инжиниринговыми компаниями и производственными предприятиями биотехнологического профиля в целях повышения технологической готовности малого и среднего бизнеса к освоению новых видов продукции и внедрению научно-технических разработок.

Третий (интеграционный) этап приходится на 2011–2013 гг. Особую роль в развитии инновационной среды региона сыграла пролонгация в 2011 г. статуса наукограда Российской Федерации научно-техническому центру Алтайского края г. Бийску. Была обеспечена возможность дальнейшего развития города в формате важнейшего элемента не только региональной, но и национальной инновационной системы.

Позитивное воздействие на инновационный сектор экономики оказало включение в 2011 г. в краевую целевую программу «О государственной поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2011–2013 гг. мероприятий по поддержке инновационной деятельности. За три года на условиях долевого финансирования целевых расходов было поддержано 25 стартап-проектов на общую сумму 12,5 млн руб., каждому из которых предоставлен грант на развитие в размере 500 тыс. руб. Для действующих инновационных предприятий апробирован механизм субсидирования части затрат, связанных с производством инновационной продукции. В 2011–2013 гг. на реализацию 33 проектов таких компаний направлено 62,5 млн руб. бюджетных инвестиций. При этом максимальный размер субсидии на одного заявителя ежегодно увеличивался: с 1 млн руб. в 2011 г. до 5 млн руб. в 2013 г.

В 2012 г. инновационные аспекты в развитии экономики края получили отражение в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. (утверждена законом Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС). Документом предусмотрено обеспечение институциональных условий для развития инноваций, совершенствование механизмов государственного содействия коммерциализации научных разработок, стимулирование взаимодействия науки и бизнеса, продвижение собственных инновационных продуктов и технологий на внутреннем и внешнем рынках.

В 2013 г. в целях обеспечения благоприятных условий инновационной деятельности и стимулирования модернизации производства в Алтайском крае принят закон от 04.09.2013 № 46-ЗС «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае», который разграничил полномочия органов государственной власти Алтайского края и закрепил приоритетные сферы инновационной деятельности.

Значимым этапом на пути инновационного развития региона стало вступление Алтайского края в 2013 г. в Ассоциацию инновационных регионов России.

Таким образом, к 2014 г. в крае были созданы ключевые элементы региональной инновационной системы, работающие по принципу «инновационного лифта». В этой системе поддержка инновационной деятельности организаций и отдельных предпринимателей осуществляется на всех этапах жизненного цикла инноваций: от зарождения идеи до реализации конкретного инновационного проекта в виде внедрения технологии, организации выпуска инновационной продукции на действующем производстве, создания нового производства (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Элементы инновационной системы Алтайского края

	Фундаментальные исследования	Прикладные исследования	Опытное производство	Серийное производство	
Ключевые субъекты	Ведущие вузы (10) и научно-исследовательские организации (15) – 2189 чел.		Малые инновационные предприятия (37 компаний)	Крупные и средние высокотехнологичные предприятия	
Инфраструктура	Инфраструктура вузов, НИИ СО РАН	ЦКП, научно-образовательные центры, ЦТТ	Бизнес-инкубаторы, технопарк «Бийск», внедренческие центры	Индустриальный парк «Новоалтайск Южный»	
				АЦКР	
Региональные институты поддержки	Государственная поддержка в виде грантов на исследования в рамках соглашений с РФФИ, РГНФ, Фондом содействия		Государственная поддержка инновационных компаний в виде субсидий	Алтайский гарантийный фонд, Алтайский фонд микрозаймов, Региональный инвестиционный фонд, Алтайский краевой лизинговый фонд	
Полюса инновационного развития	1) Перспективные вооружения, военная и специальная техника; 2) Индустрия наносистем и материалов; 3) Живые системы; 4) Энергетика и энергосбережение	Научно-исследовательские структуры, ОПК, НИИ Россельхозакадемии	Инновационные территориальные кластеры АБФК и АЛТЭК		
		Инновационный территориальный кластер АЛТАКАМ			
		Сферы «новой экономики»: фармацевтика, информационные технологии, биотехнологии, композиты			
Внутренние ресурсы	Ведущие научные коллективы		Высококвалифицированные специалисты		
Центры инноваций	Барнаул, Бийск	Барнаул, Бийск, Рубцовск		Барнаул, Бийск, Рубцовск, Новоалтайск	
Внешние ресурсы	Федеральные институты поддержки	РНФ	Филиал Фонда содействия		
		ФПИ	РВК, венчурные фонды, фонд Сколково		
		РОСНАНО		Внешэкономбанк	
	РФТР				
	Программы развития ведущих университетов, поддержка технологических платформ				
	ФЦП, ВЦП		Программы инновационного развития компаний с госучастием		
	Федеральные программы поддержки	ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России» на 2014-2020 годы; ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы		Развитие ОЭЗ	
Поддержка исследований ведущих ученых		Программа поддержки кооперации вузов и предприятий			
		Поддержка инновационных территориальных кластеров			
		Развитие технопарков			
Поддержка инновационной инфраструктуры ФУ					

Примечания. Используемые в таблице сокращения:

- ОЭЗ – особая экономическая зона;
- ЦКП – центр коллективного пользования;
- ЦТТ – центр трансфера технологий;
- Минобрнауки России – Министерство образования и науки Российской Федерации;
- Минэкономразвития России – Министерство регионального развития Российской Федерации;
- Роспатент – Федеральная служба по интеллектуальной собственности;
- РФФИ – ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований»;
- РГНФ – ФГБУ «Российский гуманитарный научный фонд»;
- РНФ – фонд «Российский научный фонд»;
- ФПИ – фонд «Фонд перспективных исследований»;
- филиал Фонда содействия – представительство ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» – Алтайский региональный фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере;
- РФТР – ФГАУ «Российский фонд технологического развития»;
- Алтайский гарантийный фонд – НО «Алтайский гарантийный фонд»;
- Алтайский фонд микрозаймов – НО «Алтайский фонд микрозаймов»;
- Региональный инвестиционный фонд – фонд «Региональный инвестиционный фонд Алтайского края»;
- Фонд «Сколково» – НО «Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий»;
- РВК – ОАО «Российская венчурная компания»;
- РОСНАНО – ОАО «РОСНАНО»;
- АЦКР – КГБУ «Алтайский центр кластерного развития»;
- АБФК – НП «Алтайский биофармацевтический кластер»;
- АЛТЭК – НП «Алтайский кластер энергомашиностроения и энергоэффективных технологий»;
- АЛТАКАМ – НП «Алтайский кластер аграрного машиностроения»;
- Внешэкономбанк – государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности».

Региональные центры инновационной активности. Современная пространственная структура экономики Алтайского края характеризуется высокой степенью концентрации научно-технической и инновационной активности в ведущих центрах. Так на долю двух городов края – Бийска и Барнаула, приходилось в 2012 г. порядка 91% всех затрат по краю на научные исследования и разработки, 95% всего объема выполненных научных исследований и разработок, 95% всего объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг.

Ключевым элементом региональной инновационной системы является один из тринадцати действующих в настоящее время наукоградов Российской Федерации – г. Бийск. Наличие особого статуса обеспечивает городу возможность привлечения федеральных ресурсов для поддержки социальной, инженерной и инновационной инфраструктуры. С 2005 г. на развитие г. Бийска в статусе наукограда привлечено более 1,4 млрд руб. средств федерального бюджета и свыше 50 млн руб. – из краевого бюджета.

Концентрация в городе ряда научно-исследовательских, промышленных, сервисных и инфраструктурных организаций и их комплексное развитие позволяет реализовать всю инновационную цепочку: от исследований и разработок до выпуска наукоемкой продукции. По объему инновационной продукции на душу населения наукоград в 8 раз опережает среднекраевой уровень (19906 руб. по итогам 2012 г. против 2426 руб. в среднем по краю).

В Бийске функционируют три полюса инноваций: в сфере оборонной промышленности, биофармацевтики и нанотехнологий. Инновационная система города развивается темпами, опережающими средние по краю и стране в целом. Город становится не только научным, но и инновационным центром региона. В 2006–2012 гг. объем научных исследований организаций Бийска вырос в 3 раза, затраты на инновации – в 12 раз, а выпуск новой продукции – в 28 раз. Помимо выполнения федеральной миссии наукограда, Бийск является площадкой формирования и апробирования новых инструментов региональной научно-технической политики. Именно в наукограде в 2008 г. сформирован Алтайский биофармацевтический кластер, а в 2010 г. запущен процесс субсидирования затрат действующим инновационным компаниям, расширенный в последующие годы.

Формирование благоприятных организационных и правовых условий стимулирует развитие кооперации предприятий наукограда с научно-исследовательскими организациями соседних регионов. В 2012 г. завершен реализованный в партнерстве с Томским государственным университетом проект создания на базе ОАО «ФНПЦ «Алтай» единственного в России производства стратегически важного импортозамещающего соединения – кристаллического глиоксаля. Стоимость проекта составила 544 млн руб.

В столице края расположены крупные высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты, сосредоточено около половины инновационно активных компаний региона. Предприятия города осуществляют практически половину затрат на технологические, маркетинговые и организационные инновации в крае. Имеющийся потенциал позволяет г. Барнаулу развиваться в качестве центра подготовки высококвалифицированных кадров, разработок в области медицины, сельского хозяйства и промышленности.

Организации г. Рубцовска, занимающиеся инновационной деятельностью, специализируются на разработках технологий сельскохозяйственного машиностроения, а также новых технологий добычи и обогащения полезных ископаемых. Реструктуризация крупных промышленных предприятий Барнаула и Рубцовска, их консолида-

ция со средними и малыми компаниями, формирование условий для конструктивного сотрудничества с вузами и научно-исследовательскими институтами обусловили возможность формирования НП «Алтайский кластер аграрного машиностроения».

В результате изучения опыта функционирования и развития инновационной сферы нами были выделены следующие сдерживающие факторы инновационного развития Алтайского края:

1. Специфические условия развития производительных сил, обусловленные повышенными затратами на производство в силу сложных природно-климатических условий Сибири.

2. Неравномерный характер инновационного развития муниципальных образований, обусловленный высокой степенью концентрации научно-интеллектуального и инновационного потенциала в границах ведущих промышленных центров; нарастание диспропорций в силу опережающего развития инновационной системы наукограда.

3. Система внутренней кооперации, затрудняющая переориентацию экономики на замкнутый цикл производства с применением высокотехнологичного оборудования и интеллектуальных разработок.

4. Использование региональными компаниями технологий и технологических решений преимущественно сторонних производителей, в том числе зарубежных.

5. Недостаточная степень вовлеченности крупных промышленных предприятий в инновационные процессы, преимущественное вложение ресурсов в инвестиционные, а не инновационные проекты.

6. Фрагментарность инновационной инфраструктуры в сферах «новой экономики» – производство композитов, наноматериалов, биотехнологии.

7. Существенно разный масштаб инновационной деятельности в технологическом секторе и социальной сфере.

8. Недостаток оперативной и комплексной статистической информации для принятия управленческих решений в сфере инноваций (отсутствие систематизированных данных об объектах инновационной инфраструктуры, кластерах, инновационной деятельности в сельском хозяйстве, строительстве и др.; неполнота статистической оценки развития малого инновационного бизнеса, особенно на микропредприятиях).

Учитывая наличие ряд факторов, сдерживающих развитие инновационной сферы Алтайского края, потребуется дальнейшая системная работа, направленная на увеличение эффективности региональной инновационной системы, устранение разобщенности в работе субъектов инновационной деятельности и решение общих задач, обусловленных спецификой инновационной сферы: неразвитость системы проектного и венчурного финансирования, дефицит специалистов по инновационному менеджменту и качественно проработанных инновационных проектов, разрывы в инновационном цикле при переходе от фундаментальных исследований к коммерческим технологиям.

В качестве ключевых направлений развития инновационной системы Алтайского края предлагается:

- дальнейшая переориентация существующей РИС с целью формирования условий для эффективного организационного развития инновационных кластеров;
- развитие новых отраслевых сегментов промышленного комплекса (био- и nanoиндустрии), достройка инфраструктуры новыми элементами в соответствии с потребностями высокотехнологичного бизнеса (инжиниринговые центры, индустриальные и технологические парки, центры прототипирования);

- расширение использования возможностей федеральных программ и проектов для запуска новых инновационных кластеров;
- наращивание инновационной активности в традиционных сферах экономики региона, в первую очередь сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном комплексе, топливно-энергетическом хозяйстве, строительстве с целью общего повышения их эффективности, снижения энергоемкости, перехода на современные технологии и виды сырья;
- усиление инновационных процессов на территории моногородов и сельских муниципальных образований;
- преодоление структурных диспропорций в развитии инновационных начал в технологической и социальной сферах, создание условий для развития специфического института социального предпринимательства, поощрение внедрения новаторских технологий в различных сферах жизнедеятельности;
- развитие «образовательного» сегмента региональной инновационной системы, расширение масштабов программ обучения инновационному предпринимательству и технологическому менеджменту в системе высшего и дополнительного образования, в том числе целевой подготовки специалистов для реализации инновационных проектов;
- расширение существующей практики финансирования инновационных проектов в различных формах (бюджетных кредитов, частичной компенсации процентной ставки по кредитам, лизинга, субсидирования затрат на оборудование и др.); оптимизация инструментов поддержки инновационной деятельности, повышение уровня системности их применения; доработка механизма «инновационного лифта», в том числе за счет активизации взаимодействия с институтами развития, созданными на федеральном уровне;
- развитие государственно-частного партнерства в инновационной сфере, в том числе взаимодействие с банками, страховыми, консалтинговыми компаниями, предприятиями и организациями всех форм собственности;
- развитие и стимулирование потребительского спроса на инновационную продукцию, в том числе через государственные и муниципальные закупки;
- переход от практики поддержки отдельных организационно-имиджевых мероприятий инновационной направленности (форумов, конференций, обучающих и консультационно-методических мероприятий, конкурсов, выставок и ярмарок) к созданию целостной системы коммуникаций как единого механизма взаимодействия участников инновационной деятельности;
- развитие межрегионального взаимодействия инновационных регионов, использование лучших практик региональных инновационных систем; обеспечение открытости региональной инновационной системы, дальнейшая интеграция региона в общероссийские и мировые процессы создания и использования нововведений;
- повышение заинтересованности инновационно активных организаций в достоверном и качественном отражении инновационных процессов в статистической информации, создание единых методологических и методических подходов к проблемам совершенствования статистического инструментария для оценки инновационных процессов на территории региона;
- усиление координации органов исполнительной власти Алтайского края при решении вопросов инновационного развития; создание интегрированной информационной системы мониторинга инновационных процессов.

6.2 ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Основы кластерной политики. В настоящее время установка на формирование и поддержку развития территориальных кластеров является стратегическим приоритетом экономической политики многих стран. Она заключается в создании благоприятных условий и механизмов саморазвития на конкретных территориях в целях формирования территорий-лидеров, развитие которых должно способствовать выходу из кризиса других территорий и регионов.

Современную государственную кластерную политику характеризует множество особенностей. Она может выступать в виде:

- системы мер в составе стратегий экономического развития;
- целевой политики с четко определенной стратегией и выделенным бюджетом, которая охватывает ряд промышленных секторов;
- совокупности различных мероприятий, нацеленных на отдельную отрасль производства;
- политики, сфокусированной на отдельных аспектах развития кластеров, в частности, на сетевые взаимодействия бизнеса и исследовательских организаций, а также малого и крупного предпринимательства.

Особенности проводимой политики определяют многообразие направлений и форм государственной поддержки инновационных кластеров, среди которых можно выделить такие как прямая финансовая поддержка кластерных инициатив; снижение налоговой нагрузки как на НИОКР, так и на расходы, не связанные с инновациями; формирование инновационной инфраструктуры; содействие позиционированию и укреплению имиджа территории (ярмарки, выставки, деловые миссии и пр.); обеспечение взаимодействия между наукой, бизнесом и властью; информационное обеспечение, законодательные новшества и пр.

Как видим, этот список достаточно широк, и в этой связи крайне важной представляется оптимизация и согласование указанных мер поддержки с учетом их востребованности участниками кластерных объединений.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации¹ предусматривается создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, а также создание ряда инновационных высокотехнологичных кластеров² в Европейской и Азиатской части России. В 2013 г. Министерство экономического развития РФ в целях реализации региональной социально-экономической политики и развития механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) в инновационной сфере объявило о

¹ **Концепция** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В данном случае под инновационным территориальным кластером понимается совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием: объединяющей научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности); механизма координации деятельности и кооперации участников кластера; синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации.

формировании перечня инновационных территориальных кластеров, который направлен на решение следующих задач¹:

- содействие повышению конкурентоспособности предприятий и организаций, входящих в состав кластеров, повышению качества жизни на территории их базирования;
- развитие инновационной, производственной, транспортной, энергетической инженерной, жилищной и социальной инфраструктуры кластеров;
- содействие привлечению на территорию базирования кластеров инвестиций (включая в том числе размещение исследовательских, внедренческих и инжиниринговых центров российских и зарубежных компаний, стимулирование трансфера и локализации технологий производства инновационной продукции);
- содействие привлечению квалифицированной рабочей силы;
- развитие системы профессионального и непрерывного образования;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение эффективной поддержки деятельности кластеров из средств различных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и институтов развития, а также из внебюджетных источников;
- формирование, развитие и тиражирование эффективных механизмов ГЧП в инновационной сфере;
- развитие международной научно-технической и производственной кооперации.

По итогам экспертизы из 94 поступивших заявок Минэкономразвития РФ были отобраны программы развития 25 кластеров, которые в соответствии с отраслевой спецификой были разбиты на несколько групп: «Ядерные и радиационные технологии», «Производство летательных и космических аппаратов, судостроение», «Фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность», «Новые материалы», «Химия и нефтехимия», «Информационные технологии и электроника».

Кластеры, вошедшие в данный перечень, характеризуются различными моделями территориальной организации и пропорциями соотношения научно-технической и производственной деятельности. Также представлены как модели кластеров в четко очерченных территориальных границах, практически совпадающих с границами муниципальных образований (гг. Саров, Железногорск, Троицк), так и модели, объединяющие предприятия, научные и образовательные организации в рамках сетевых структур более крупных агломераций (г. Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области). Ведущая роль крупного промышленного производства характерна для кластерных программ Республик Татарстан и Башкортостан, Архангельской и Нижегородской областей, Хабаровского края. Здесь развитие кластера предполагается за счет интенсификации трансфера результатов научно-технических исследований в деятельность уже существующих хозяйствующих субъектов, а также за счет создания новых малых и средних компаний, встраиваемых в формируемые крупными предприятиями цепочки добавленной стоимости. В то же время програм-

¹ **О проведении** конкурсного отбора субъектов Российской Федерации для предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 сентября 2013 г. № 514 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20130906_1 (дата обращения: 20.11.2015 г.).

мы развития кластеров гг. Пушкино, Обнинск, Троицк, Дмитровград, кластера «Физтех-XXI» характеризуются ориентацией в первую очередь на использование потенциала расположенных на их территории научных и образовательных организаций мирового уровня. Это предполагает привлечение крупных российских и зарубежных компаний к развертыванию высокотехнологичных производств за счет имеющегося кадрового потенциала и исследовательской инфраструктуры кластеров, а также активное развитие малого и среднего инновационного предпринимательства за счет коммерциализации разрабатываемых здесь технологий.

Тем не менее, на наш взгляд, созданным на данный момент в российской экономике кластерам присущ ряд недостатков. Среди них можно выделить следующие.

1. Неоднородность элементов. Кластеры создаются во многом искусственно на базе независимых хозяйствующих субъектов разного размера, отраслевой принадлежности и формы собственности, что не способствует появлению у них общих интересов в части создания совместной инфраструктуры (информационной, научно-технической, образовательной, предпринимательской и т.п.).

2. Отсутствие в кластере отдельных обязательных элементов, например, научно-инновационного потенциала, производственных мощностей, сектора специфических бизнес-услуг. Преодолеть эту специфику в обозримой перспективе не представляется возможным исходя из существующих ограничений, которые накладываются факторами размещения.

3. Разобщенность, взаимное недоверие партнеров и, как следствие, отсутствие между ними прочных кооперационных связей. Каждое предприятие производит свою номенклатуру продукции, зачастую схожую с продукцией других участников кластера, что приводит к нездоровой (избыточной) конкуренции за использование общедоступных ресурсов, локализованных на данной территории.

4. Излишняя «гибкость» состава, границ, конфигурации и внутренней структуры кластера. Это проявляется в свободном присоединении предприятий и организаций к кластеру и выходом из него.

5. Формальный характер существующих органов управления кластером, отсутствие у них единой стратегии развития и позиционирования участников на рынке.

Подход к оказанию государственной поддержки кластерных инициатив за непродолжительный период (2013–2015 гг.) существенно изменился. В 2013 г. в рамках перечня отобранных пилотных программ развития кластеров с учетом оценок их инновационного и производственного потенциала из них были сформированы две группы. В первую группу были включены 14 кластеров, программы развития которых поддерживаются посредством предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектам Российской Федерации, на территории которых они базируются. Наиболее востребованным направлением использования субсидии стала транспортная инфраструктура (21% от общего объема запрашиваемых средств), наименее востребованными – развитие энергетической и жилищной инфраструктуры (по 4% от общей суммы средств). На создание инновационной инфраструктуры кластерами предлагалось направить 19% от объема субсидии. Общий объем субсидий за эти годы составил 1,3 млрд руб.

Ко второй группе были отнесены 11 кластеров, чьи программы требовали доработки, в связи с чем их поддержка предполагалась за счет включения в установленном порядке в состав федеральных целевых программ Российской Федерации, а также в рамках деятельности ГК «Внешэкономбанк», ОАО «Российская венчурная компания», Российский Фонд технологического развития, Фонд содействия развитию малых форм

предприятий в научно-технической сфере, ОАО «РОСНАНО», Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий, Фонд инфраструктурных и образовательных программ¹.

В 2014–2015 гг. Министерство экономического развития РФ субсидировало расходы всех 25 кластеров. Подход к распределению средств выглядит достаточно просто: первая половина всего объема субсидии делится между кластерами в равных долях, вторая – пропорционально суммам всех расходов, предусмотренных программами развития каждого из кластеров. И здесь возникает проблема неравенства: регионы, имеющие *большие* бюджетные возможности для развития территории базирования кластера, оказываются в выигрышном положении по отношению к регионам с ограниченными бюджетами. Иными словами, распределение средств субсидии происходит безотносительно к конкретным проектам, которые заявляют или реализуют участники кластеров. Более того, прямая поддержка кластерных проектов сейчас вообще не предусмотрена. Средства субсидии в основном предоставляются на приобретение оборудования для центров коллективного пользования, оборудования или инжиниринговых центров, на повышение квалификации и проведение выставочно-ярмарочных мероприятий.

На наш взгляд, выбор форм поддержки должен, прежде всего, основываться на учете связей между участниками кластеров. Эти связи могут быть как горизонтальными, так и вертикальными.

Горизонтальный кластер формируется на основе одного или нескольких промышленных предприятий, функционирование которых обусловлено местными условиями, обеспечивающими определенные экономические преимущества. Необходимо отметить, что указанные преимущества не всегда строго локализованы, и предприятия могут с почти равным эффектом размещаться в пределах довольно обширной территории, обладающей этими преимуществами. Учитывая, что компании зачастую относятся к одной отрасли, производя схожие товары и услуги, они, безусловно, являются конкурентами. Однако совместное использование общих условий хозяйствования делает очевидными сильные и слабые стороны каждой компании, поскольку пространственная близость позволяет «непосредственно» наблюдать и сравнивать любые различия в политике и результатах работы соседних предприятий. Таким образом, фирмы-участники кластера имеют возможность внедрять подтвержденные достижения других, добавляя при этом свои идеи.

В целом кластер включает в себя четыре группы элементов. Первая группа формирует «ядро», в которое в данный момент времени входит определенный круг звеньев в соответствии с их специализацией.

Вторая группа – это «окружение», образованное смежными предприятиями, расположенными в непосредственной близости от ядра и связанное с ним на базе использования его продукции, технологий, ресурсов.

Третья группа обычно включает ряд дополнительных и обслуживающих организаций, которые, несмотря на то что более или менее тесно связаны с «ядром» и смежными предприятиями, все же не составляют с ним производственно-технологического единства. Сюда входят предприятия и организации жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания, торговые, образовательные, культурно-просветительные, лечебные и т.д.

¹ **Пилотные** инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития / под. ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2015. – 92 с.

К последней, четвертой группе относятся сельскохозяйственные предприятия, непосредственно обслуживающие центр.

Учитывая, что размеры каждого отдельного кластера имеют свои рациональные пределы, а его производственная мощность может быть во много раз меньше потенциальных возможностей территории, не исключена вероятность существования в одном регионе нескольких кластеров, специализация которых неизбежно приведет к их кооперированию. Именно такое широко разветвленное взаимодействие теснее сплачивает между собой все части хозяйства в единый комплекс и в зависимости от природы и масштаба связей формирует технологические системы разного размера – локальные, региональные и национальные.

Основным условием конкурентоспособности региона является его специфичность, основанная на эффективном использовании уникальных компетенций и ресурсов. Эту специфичность нельзя купить, передать куда-либо или легко воспроизвести в другом месте¹. Это приводит нас к пониманию того, что горизонтальные кластеры могут быть основаны как на продуктах, так и на услугах. К первым относятся кластеры по добыче и переработке природных ресурсов; ко вторым – кластеры в сфере здравоохранения, образования, санаторно-курортных услуг, туризма. Таким образом, высокая зависимость от особенностей местности приводит к большей географической концентрации экономической деятельности.

Вертикальный кластер характеризуется, прежде всего, наличием единого центра, сильной кооперацией, четко выраженной специализацией участников и отсутствием конкуренции между ними. Сотрудничество в таких объединениях распространяется на гораздо большие расстояния, нежели чем при горизонтальном взаимодействии и отражает уже существующие производственные и рыночные связи. Таким образом, географическая близость предприятий является желательной, но не необходимой. Наиболее важным условием связанности участников такого кластера являются взаимодополняемость и разделение труда. Компании, входящие в кластер, специализируются на отдельных стадиях производственного процесса, обладая при этом опытом и квалификацией, которые могут быть использованы в осуществлении различной, но дополняющей друг друга деятельности. Синергетический эффект от взаимодействия организаций, входящих в кластер, достигается за счет отрасли, которая представляет собой совокупность компаний, объединенных по технологическому или продуктовому признаку. Существование ядра вертикальных кластеров крайне выгодно для региона, поскольку зачастую они не зависят от местных природных условий и не ограничены локальным рынком².

Выбор модели кластера (горизонтальный или вертикальный) в конкретном регионе зависит от структуры его экономики, от особенностей воспроизводимых материальных и природных активов, от свойств идентичности местного сообщества и т.д.

Кластер «АлтайБио»: структура и формы поддержки. Алтайский биофармацевтический кластер «АлтайБио» был создан в г. Бийске в 2008 г. В настоящее время он входит в перечень 25 территориальных инновационных кластеров. С момента его создания количество участников возросло с 20 до 35 единиц; численность работников

¹ Foss N.J. Higher-order industrial capabilities and competitive advantage // J. Industry Studies. – 1996. – № 3 (1). – Pp. 1–20.

² Porter M.E. The economic performance of regions // Regional Studies. – Vol. 37. – № 6–7. – 2003. – Pp. 549–578, 562.

с 5,6 тыс. до 7,4 тыс. человек. 90% действующих в кластере фирм относятся к категории малых и средних. «Якорными» предприятиями кластера являются лидеры российского рынка биофармацевтической продукции – ЗАО «Эвалар» и ЗАО «Алтайвитамины». Для этого кластера характерен горизонтальный тип связей.

Предприятия кластера выпускают более 600 видов биологически активных добавок, лекарственных средств, фармацевтических субстанций, около 200 наименований функциональных продуктов питания, более 100 видов оздоровительной продукции на основе пантов, а также медицинскую технику и косметику. Часть предприятий, согласно перечню стратегически значимых лекарственных средств, производство которых должно быть обеспечено на территории Российской Федерации, являются единственными в стране производителями целого ряда фармацевтических субстанций и активными участниками программы обеспечения лекарственной безопасности страны.

Для обеспечения конкурентоспособности кластер «АлтайБио» применяет главным образом отраслевые технические знания, осуществляя инновации путем постоянных усовершенствований выпускаемых продуктов, упаковки, дизайна и т.д. на имеющихся производственных линиях. Экспериментирование непосредственно на предприятиях и совершенствование продуктов на основе собственных идей являются ключевыми механизмами внутренней инновационной деятельности компаний. Принципиально новые разработки обычно внедряются не чаще одного раза в год, благодаря тому, что в г. Бийске размещены важные организации НИОКР: ОАО «ФНПЦ «Алтай» и Институт проблем химико-энергетических технологий СО РАН, активно участвующие в инновационной деятельности компаний.

Центром экспертной оценки и корректировки развития производственных структур является ОАО «ФНПЦ «Алтай», которое имеет значительный опыт разработки технологий и продуктов двойного назначения на национальном уровне. Системные взаимосвязи данной организации с малыми и средними предприятиями реализуются через практические научные исследования, специализированные для химической и фармацевтической отрасли. В частности, это открытие важнейших общенациональных производств по выпуску кристаллического глиоксаля, окисленных декстранов, противовирусных препаратов, а также высокоэффективных санитарно-гигиенических материалов нового поколения на основе кристаллических сорбентов. В этом контексте ФНПЦ «Алтай» можно считать краеугольным камнем кластера, без которого не сформировались бы его отличительные характеристики и технологические особенности, лежащие в основе высокой конкурентоспособности продукции. Необходимо отметить, что разработка этих продуктов осуществлялась в сотрудничестве с крупнейшими академическими институтами страны ФГБУ «Научный центр клинической и испытательной медицины СО РАМН», ФГБУН «Институт физики прочности и материаловедения СО РАН» и ФГАОУ ВО «Национальным исследовательским Томским государственным университетом» и частично финансировалась государством.

Институт проблем химико-энергетических технологий является подразделением Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) и занимается разработкой промышленных технологий и методов синтеза высокоэнергетических соединений, лекарственных и биологически активных субстанций. Учитывая, что последние меры, связанные с преобразованием учреждений академической науки в стране имеют большую региональную направленность, обеспечивая более целенаправленную инновационную поддержку в тесной увязке с нуждами промышленности, Институтом разработана и внедрена технология производства лекарственного средства «Тилорон».

Помимо собственно производственных предприятий, важную роль играют инфраструктурные организации и институты, служащие мостом между профессиональ-

ными сообществами и крупными элементами «тройной спирали» (наука, бизнес, власть).

- Во-первых, это – Бийский технологический институт (филиал Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова), который осуществляет подготовку кадров для химических производств и способствует приобретению работниками новых квалификационных навыков, а также тесно сотрудничает с местными компаниями. Кроме этого, реализуются программы по экономическим и организационным проблемам отрасли.

- Во-вторых, это – Бийский бизнес-инкубатор инновационного типа, который оказывает услуги по размещению «старт-ап» компаний, часть из которых созданы крупными резидентами кластера и Бийским технологическим институтом. Спецификой учреждения является наличие 4 лабораторий, в том числе биотехнологического профиля. Здание инкубатора находится в собственности муниципалитета; средства на его реконструкцию и приобретение оборудования привлечены из федерального и краевого бюджетов.

- В-третьих, это – некоммерческое партнерство «Инновационно-производственный технологический парк «Бийск», который выступает связующим звеном между научно-исследовательской деятельностью и производством.

- В-четвертых, это – некоммерческое партнерство «АлтайБио» – сетевая организация, цель которой обеспечение регулярного обмена информацией, координация межфирменных взаимоотношений и выработка договоренностей, укореняющих компании в кластере.

Поддержка деятельности кластера зависит как от регионального, так и федерального уровня, и осуществляется с учетом потребностей компаний, возникающих в силу их специфичности. В качестве примеров можно рассматривать следующее.

Во-первых, научные исследования, а именно: «ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»; «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», Российский фонд фундаментальных исследований.

Во-вторых, сетевое взаимодействие: технологические платформы «Биоэнергетика», «Биоиндустрия и биоресурсы – БиоТех 2030», «Медицина будущего».

В-третьих, субсидирование затрат за счет Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Государственной программы Алтайского края «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 годы»¹.

В-четвертых, повышение конкурентоспособности – краевая программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года»².

¹ **Государственная** программа Алтайского края «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 годы: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 24.01.2014 г. № 20 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altaregion22.ru/official_docs/e318663.html (дата обращения: 20.11.2015 г.).

² **Краевая** программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года»: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 15.07.2014 г. № 329 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/f5f/329_2014.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

Отдельно следует упомянуть Государственную программу Алтайского края «Развитие инновационного территориального кластера «АлтайБио» на 2014–2016 годы»¹, целью которой является ускоренное развитие фармацевтической промышленности региона, базирующейся на выработке инновационных лекарственных препаратов на основе натурального сырья растительного и животного происхождения, а также на дальнейшем расширении производства пищевых продуктов с заданными функциональными свойствами. Ключевыми направлениями реализации этой программы стали мероприятия, направленные на устранение инфраструктурных ограничений деятельности кластера, а именно:

- создание и оснащение аналитического центра коллективного пользования оборудованием распределенного типа и опытно-промышленной биотехнологической лаборатории (2014 г.);
- оснащение пилотного центра промышленных биотехнологий для отработки и масштабирования технологий, производства опытных партий продукции для регистрационных и других испытаний (2015 г.).

Таким образом, как мы полагаем, в кластере «АлтайБио» присутствуют все необходимые элементы производственной, научной, образовательной и предпринимательской инфраструктур. Учитывая, что инновационная деятельность малых и средних предприятий осуществляется на собственных мощностях и своими силами, которых явно недостаточно для создания новых продуктов, меры государственной поддержки должны быть ориентированы на формирование инфраструктуры коллективного доступа к оборудованию, как лабораторному, так и для малотоннажного производства.

Исходя из этого, приоритетными направлениями совершенствования кластерной политики государства должны стать следующие. Прежде всего, формализация самого понятия «кластер» с учетом необходимых и достаточных элементов обеспечивающей его инфраструктуры. Далее, необходим отход от практики субсидирования решения только транспортных, инженерных и социальных проблем территорий базирования кластеров. Необходимо распределение финансовых средств исходя из «проектного» подхода с учетом специфики связей между участниками кластера. Например, в случае «горизонтального кластера» наиболее действенным является создание недостающих элементов предпринимательской и инновационной инфраструктуры; для «вертикального» кластера – поддержка конкретных проектов, например, в форме субсидирования затрат на производство и НИОКР, стимулирования спроса на продукцию и государственный заказ. Наконец, по нашему мнению, финансирование недостающих элементов инновационной инфраструктуры должно предусматривать не только приобретение оборудования, но и капитальное строительство.

¹ **Государственная** программа Алтайского края «Развитие инновационного территориального кластера «АлтайБио» на 2014–2016 годы: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 10.10.2014 № 459 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/d4d/459_2014.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

6.3 СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ: ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Инновации в сельском хозяйстве являются одним из драйверов повышения конкурентоспособности региона и решения проблемы продовольственной безопасности страны. Распространение таких инноваций рассматривается в государственных федеральных и региональных программах в качестве важнейшего механизма формирования устойчивого развития сельских территорий¹. В связи с этим возникают вопросы готовности села и сельского хозяйства к таким инновациям, имеется ли социальная среда их системного развития, можно ли сегодня говорить о движении села к устойчивому формированию такой среды, какие факторы определяют эти тенденции. В данном параграфе рассмотрим, каков вектор социально-экономического развития села Алтайского края с начала 2000-х годов, насколько выражено движение сельских сообществ от выживания в 1990-е годы к системным инновациям, а также каковы социальные ресурсы инновационного развития села, в том числе в области внедрения новых технологий в сельском хозяйстве.

Методологические основы исследования. Под инновациями в социально-экономическом развитии села мы понимаем принципиально новые изменения в социально-экономической сфере жизнедеятельности сельских жителей, связанные с внедрением новых объектов и технологий, получивших одобрение и признание сельского сообщества и далее интегрированных в его культуру. Данное понимание инноваций получено, во-первых, на основе концептов теории инноваций Й. Шумпетера, а также трудов А.И. Пригожина и других ученых², акцентирующих внимание на выделение субъектов инновационных действий и их роли. Инновации рассматриваются как процесс и результат, выделяются адаптация и другие стадии институционализации инновации.

Теоретической базой в понимании механизмов инновационного развития на селе являются теории социального капитала П. Бурдьё и Р. Патнэма, идентифицирующие социальный капитал и социальные сети как факторы инновационного развития³, а также концепция обучающегося региона, где рассматривается состояние и развитие институтов и сетей трансфера знаний об инновациях. Так, например, в рамках кон-

¹ Так, например, целью государственной программы «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 годы является «создание благоприятных социально-экономических условий для комплексного и устойчивого развития сельской экономики», под которым понимается «содействие созданию высокотехнологичных рабочих мест на селе, повышение комфортабельности жизнедеятельности сельских граждан, активизации участия граждан в реализации общественно значимых проектов в сельской местности, формирования позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни». См.: **Государственная программа Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 годы: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 27.10.2014 г. № 497 [Электронный ресурс].** – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/638/497_14.pdf (дата обращения: 25.12.2016 г.).

² См.: **Лапин Н.И.** Теория и практика инноватики. – М., 2008. – 328 с.; **Пригожин А.И.** Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – 270 с.; **Шило И.Н.** Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 114–119; **Шумпетер Й.** Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла): пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

³ См.: **Бурдьё П.** Формы капитала/ пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74; **Putnam R.** Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York, 2000. – 541 pp.

цепции обучающегося региона подчеркивается важность: 1) активации собственного потенциала (локальных знаний), основанных на взаимодействии региональных субъектов; 2) управления знаниями в регионе, усиливающими квалификацию (компетенции) населения; 3) участия населения в текущих процессах, активизации инициатив в регионе; 4) устойчивого развития (через «цепочки добавленной стоимости»)¹.

Опираясь на этот теоретический фундамент, а также на труды российских исследователей в области инновационного социально-экономического развития села², мы можем сделать вывод о том, что масштабы и распространение инноваций в сельских сообществах во многом определяет социальная среда внедрения инноваций. Её образует совокупность социально-экономических, социокультурных и политических условий и факторов активности сельского населения, его социальных групп по внедрению инноваций в сельских сообществах. Среди данных факторов особое значение имеют инновационная культура сельского сообщества (их отношение к инновациям, адаптация, готовность к внедрению), а также наличие и открытость каналов трансфера знаний на селе. В нашем исследовании внимание акцентировано на изучении состава акторов инноваций, информационных каналов и знаний об инновациях, изменений в инновационной культуре сельских сообществ.

Помимо данных государственной статистики результаты исследования развития социальной среды внедрения инноваций в селах Алтайского края основаны на данных проведенных с начала 2000-х годов выборочных опросов сельских жителей (n = 606 в 2002 г.; n = 1011 в 2008 г.; n = 440 в 2011 г.; n = 150 в 2013 г.; n = 260 в 2016 г.) и экспертных опросов представителей местной власти, сельского бизнеса и организаций социальной сферы (n = 56 в 2002 г.; n = 280 в 2008 г.; n = 75 в 2011 г.; n = 40 в 2013 г.; n = 60 в 2014 г.)³. Особое значение имеют результаты исследования

¹ См.: **Healy A., Morgan K.** Space of innovation: Learning, Proximity and the Ecological Turn // *Regional studies.* – Vol. 46.8. – September 2012. – Pp. 1041–1053; **The learning region: foundations, state of the art, future** /edited by RoelRutten, FransBoekema. – Edward Elgar: Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2007. – 320 pp.

² См.: **Виноградский В.Г.** Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы. – Саратов, 2010. –195 с.; **Голубева В.** Инновации и традиции российского агрокомплекса // *Мир России.* – 2013. – № 1. – С. 61–77; **Земельная аккумуляция в начале XXI века: сборн. науч. статей** / под общ. ред. А.М. Никулина. – М., 2012. – 274 с.; **Калугина З.И.** Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.; **Мореханова М.Ю.** Социальные аспекты перехода сельского хозяйства на инновационный путь развития // *Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса.* – М., 2008. – С. 273–275; **Нечипоренко О.В., Самсонова В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю.** Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2015. – 252 с.; **Фадеева О.П.** Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск, 2014. –262 с.

³ Социологические исследования проведены сотрудниками Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН и НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» (под руководством А.М. Сергиенко). Результаты исследования подробнее см.: **Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография** / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.; **Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография** / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.; **Сергиенко А.М.** Динамика бедности сельского населения аграрных регионов России и механизмы ее преодоления // *Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография* / под общ. ред. В.И. Старовойтова. – Уфа : БАГСУ, 2014. – Гл. 12. – С. 183–201; **Сергиенко А.М.** Социальная сфера алтайского села как объект государственной и муниципальной политики // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы.* – 2008. – № 1.– С. 39–42; **Сергиенко А.М., Решетникова С.А.** Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.; **Сергиенко А.М., Родионова Л.В.** Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регион // *Стратегическое управление простран-*

социальных факторов внедрения инноваций в землепользовании, проведенного в рамках российско-немецкого проекта «КУЛУНДА: Как предотвратить глобальный синдром „DustBowl“ – пыльных бурь? Экологические и экономические стратегии для устойчивого земледелия в степях России: возможные решения в условиях климатических изменений» (2011–2016 гг.) и направленного на выявление инновационных способов землепользования, нивелирование экономических и экологических последствий освоения и использования земель в Кулундинской зоне, таких как возникновение эрозии почвы, истоньшение гумуса и кардинальное снижение концентрации углерода в почве, что в конечном счете привело к возникновению пыльных бурь и ухудшению качества жизни населения края. С этой целью в 2013 г. проведен выборочный опрос 150 сельских жителей, проживающих в 6 районах Кулундинской зоны Алтайского края (Мамонтовском, Михайловском, Новичихинском, Павловском, Романовском и Тюменцевском) и 40 полустандартизированных интервью с представителями местной власти и организаций социальной сферы, руководителями и работниками хозяйств¹ и около 100 качественных интервью проведено с экспертами и сельскими жителями в экспедициях в 2013–2015 гг. Кроме того, нами использованы материалы сайтов региональных органов управления и сельских муниципальных районов, а также СМИ (прежде всего публикации в газете «Алтайская нива») за 2011–2016 гг.

Социальные факторы инновационного развития села. Сельские жители связывают инновационное развитие села в первую очередь с информационными технологиями, распространением Интернета (рис. 6.1). Благодаря реализации госпрограмм занятости на селе появились новые возможности (до последних двух-трех кризисных лет) в создании малых форм предпринимательства (например, открывались пекарни, кафе, парикмахерские, транспортные и другие организации, оказывающие услуги населению, действовала программа поддержки молодых предпринимателей в сельском хозяйстве). Хотя создание квалифицированных рабочих мест по-прежнему признается слабым звеном, преобладают низкоквалифицированные и малооплачиваемые рабочие места, что выталкивает молодежь из села.

ственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 377–393; **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография. – Барнаул, 2013. – 330 с.

¹ Подробнее о результатах исследования: **Сергиенко А.М.** Внедрение инновационных технологий как фактор устойчивого землепользования: социальные аспекты исследования в сельских районах Алтайского края // Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях членства России во Всемирной торговой организации: материалы Островских чтений 2014. – Саратов : ИАГП РАН, 2014. – С. 349–354; **Сергиенко А.М.** Социально-экономические и экологические аспекты внедрения инноваций в землепользовании в сельских районах Алтайского края // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России: XIX Никоновские чтения. – М. : Изд-во ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2014. – С. 237–241; **Сергиенко А.М.** Социально-экономические факторы внедрения инноваций в землепользовании в районах Кулундинской зоны Алтайского края // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2014. – № 11. – С. 4–9; **Сергиенко А.М.** Тренды и инновации в социально-экономическом развитии алтайского села в начале XXI века // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования», Барнаул, 11–14 ноября, 2014 г. [Электронный ресурс]. – Барнаул : АлтГУ, 2014. – 1 эл. опт.диск (CD-ROM). – С. 2615–2625.

Рис. 6.1. Инновационные изменения в развитии села за 2008–2013 гг.
(по мнению сельских жителей), %

Инновационную природу имеют отдельные изменения в образовании и здравоохранении, связанные с обновлением материально-технической базы и применением новых технологий. Во второй половине прошедшего десятилетия эти изменения происходили точно и несистемно: в отдельных селах, районах появились новое медицинское и школьное оборудование, компьютерные классы, Интернет, повысилась оплата труда отдельных категорий медработников и учителей. Подтверждая несистемный характер изменений, приведем пример из рассказа одного из руководителей сельских районов: «В школу привезли интерактивную доску, повесили, пошел дождь и через прохудившуюся крышу на эту доску хлынула вода... Денег у сельсовета не было на ремонт крыши». Тогда инновации были, по словам этого главы администрации, словно «красивые пуговицы к старенькому потрепанному платью». За 5–6 лет, предшествующие опросу 2013 г., масштабы инновационных изменений существенно возросли и распространились, стали более системными («меняются не только пуговицы, но иногда и на новое платье хватает»).

Способствовать инновационным изменениям в развитии села будет в первую очередь создание новых рабочих мест (так считают почти $\frac{3}{4}$ сельских жителей) и решение проблем в социальной сфере (в области социальной поддержки, обеспеченности жильем, образования, здравоохранения, культуры, 27–45% респондентов) – рисунок 6.2. Кроме того, по мнению почти каждого третьего респондента положительно повлияет на развитие села обновление сельхозтехники, внедрение новых технологий в земледелии.

Рис. 6.2. Факторы будущих инновационных сдвигов («Что будет способствовать инновационным изменениям в социально-экономическом развитии села?»), по мнению сельских жителей, %

Распространению инноваций на селе способствуют прежде всего традиционные каналы распространения информации (их использует до половины сельчан): это главным образом семейно-родственные и дружеские сети, а также СМИ (рис. 6.3). Значительно выросла роль Интернета (использует около 20%). Эффект совместного действия всех этих информационных каналов, подтверждающий, что село сегодня становится активной инновационной средой, мы обнаружили в одной из наших экспедиций в 2013 г. В поселке Комсомольском Павловского района за несколько месяцев была закуплена многими хозяйками такая бытовая инновация, как мультиварка, потому что их словами «это удобно и экономит время».

Изменилось отношение населения к инновациям. Несмотря на то что среди сельского населения сохраняется преимущественно негативное или равнодушное отношение к переменам (около 60%), в 2013 г. наблюдался небольшой перевес позитивных оценок над негативными (более 40% против 35%) – рисунок 6.4. И, кроме того, активных участников перемен стало больше пассивных противников: 11% тех, кто «старается активно участвовать» в переменам против 7% крайне негативных оценок тех, кто «ощущает отсутствие перспективы для села».

Рис. 6.3. Источники информации об инновациях в сельских сообществах, % (опрос сельских жителей в 2013 г.)

Рис. 6.4. Отношение сельского населения к переменам на селе за 2008–2013 гг., % (опрос сельских жителей в 2013 г.)

Из интервью с экспертом (2013 г.): «Село очень трудно к новому всегда приспосабливается. Есть такие моменты, когда очень трудно мы воспринимаем все новое. И это хорошо, я считаю. За счет села Россия держалась в те сталинские времена, и сейчас еще мы пока держимся. У нас свой менталитет, домострой называется. Поэтому свою нишу мы найдем».

К активным участникам перемен, социальным драйверам инновационного развития села сельские жители отнесли прежде всего местную власть и сельскохозяйственный бизнес (60 и 23% респондентов). Они убеждены, что внедрение позитивных изменений на селе зависит сегодня в первую очередь от этих факторов (60 и 23% респондентов) – рисунок 6.5. Причем, по оценкам местных органов, влияние бизнеса на социальное развитие села и зависимость сельских муниципалитетов от поддержки села бизнесом постоянно растет.

Из интервью с агрономом (Павловский район, 2013 г.): «Понятно, что от социальной сферы мы избавились когда-то, и сейчас муниципальным органам намного тяжелее. Помогаем, чем можем. Допустим, даем деньги на водоснабжение в поселке...Ну наши же работники все-таки в поселке живут, поэтому стараемся».

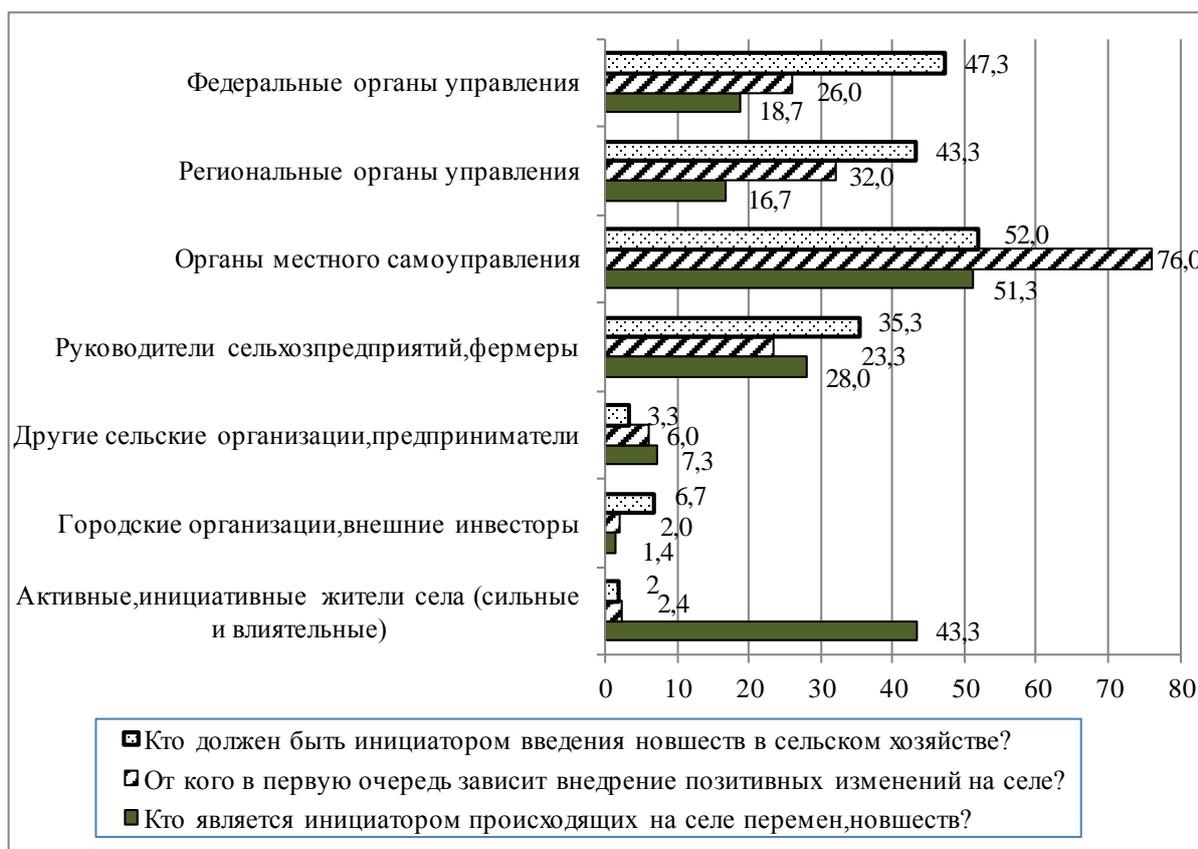

Рис. 6.5. Инициаторы инноваций на селе, %
(опрос сельских жителей в 2013 г.)

Большого участия сельские жители ждут от государства, от региональных органов (32%) и Центра (26%), хотя позитивные сдвиги в федеральной политике по отношению к селу со второй половины «нулевых» ими признаются: это госпрограммы поддержки села, газификации, поддержка молодежи, политика импортозамещения. В связи с этим, как оценивают сельские жители действия государства и местной власти по внедрению инноваций в последние годы? Оценки действий государства преимущественно невысоки по всем сферам (от 8 до 20% «отличных» и «хороших» оценок) – рисунок 6.6.

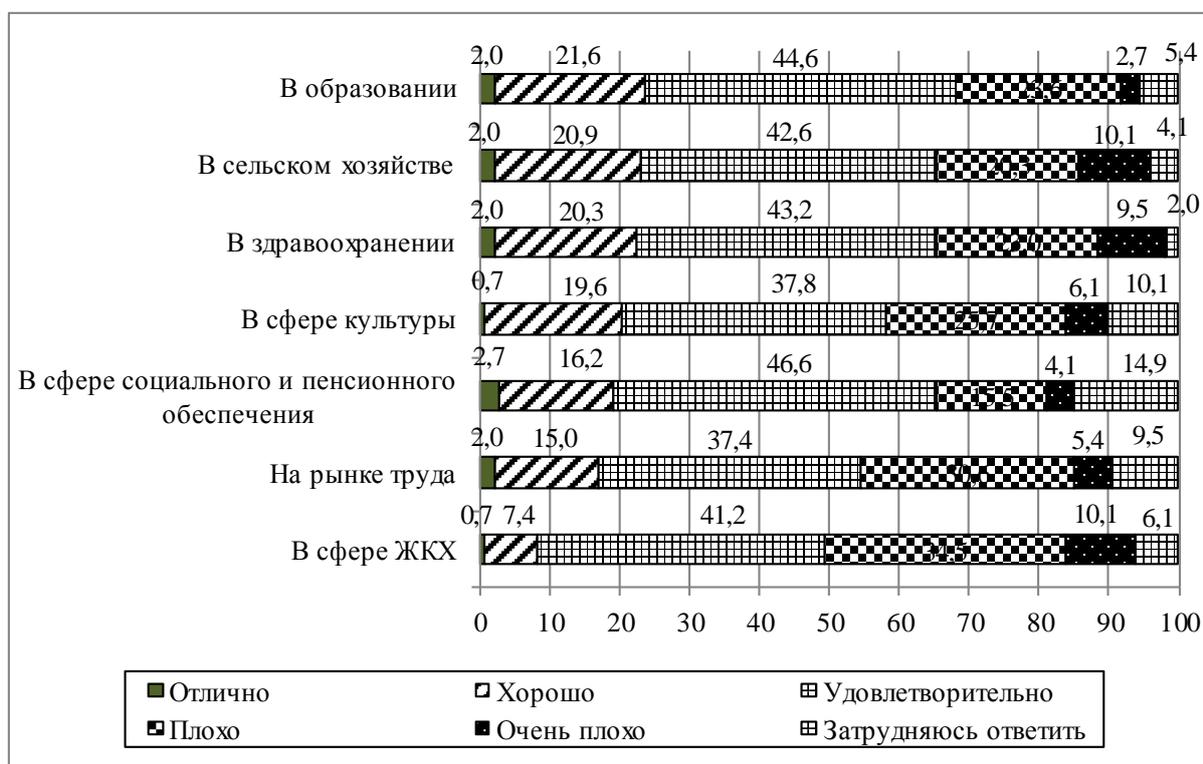

Рис. 6.6. Оценка государства по внедрению инноваций в социальной и экономической жизни села в 2008–2013 гг., % (опрос сельских жителей в 2013 г.)

Наиболее высокие оценки получены в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства, а наиболее низкие (36 и 45% «плохих» оценок) – по развитию рынка труда и жилищно-коммунального хозяйства. В сравнении с данными опросов 2008 г. эти оценки довольно значительно выросли, тогда доля высоких оценок не превышала 10%. Рейтинг оценок действий местных органов управления близок по масштабам и структуре к оценкам действий государства, но чуть более высоки оценки в сфере культуры, более низки – в здравоохранении.

Социальные ресурсы внедрения инноваций в землепользовании. Активные технологические изменения в землепользовании стали проводиться только с конца «нулевых», когда, по мнению руководителей хозяйств, предприятия массово обновили технику, перешли на использование новых технологий обработки земли. Для сравнения: в 1990-е годы позитивные преобразования в использовании техники землепользования изредка наблюдались в половине изучаемых районов, в каждом третьем районе никаких изменений не происходило; в годы экономического роста изменения хотя и стали более распространенными, но они были преимущественно незначительными.

По опросу 2013 г. состояние своего хозяйства руководители оценивали в основном как удовлетворительное, лишь четверть хозяйств активно осваивали новые технологии и участвовали в модернизации инфраструктуры села¹. Относительно новую сельхозтехнику (не старше 5 лет) имело более 80% хозяйств, в том числе в каждом четвертом хозяйстве значительная часть техники была совершенно новой. Около половины опрошенных механизаторов работало на технике не старше 5 лет.

Наряду с развитием возможностей в применении новых технологий землепользования (до последних двух-трех кризисных лет), связанных с улучшением кредитования и реализацией госпрограмм обновления техники и развития АПК, руководители хозяйств отметили, что тормозят инновации удорожание заёмных средств и в целом низкие масштабы стимулирования к этому со стороны Центра и местной власти, а также социально-экономические факторы: более 60% хозяйств ощущают нехватку квалифицированных работников, низкую мотивацию молодежи к сельскохозяйственному труду.

Из интервью с экспертами (2013 г.): «В сельском хозяйстве механизаторов не хватает, хотя у нас ПТУ есть, там готовят их. Вот, скорее всего (в малых селах в основном) доезжают на тракторах, и всё, их там тоже не будет. Сейчас уйдет это поколение, которое на земле и с землей росло, как говорится... А уже приходит поколение, которое выросло с интернетом и компьютером. Поэтому селу очень трудно будет»;

«Люди очень, как говорится, изменились за последние годы. А молодежь сейчас, она не та, молодежь-то, и у нее нет мотивации такой, как вот у нашего поколения. То есть у них нет азарта, нет интереса в работе, только потребительское всё...».

Распространенность знаний об инновационных технологиях в землепользовании среди руководителей хозяйств и механизаторов относительно высока, хотя есть и резерв распространения более глубоких знаний: в 2013 г. каждый пятый руководитель хозяйства имел слабое представление о новых технологиях. Довольно значительным является сектор предприятий, где такие технологии применяются: на каждом третьем в среднем более трех лет. Основными каналами трансфера знаний о новых технологиях являются СМИ (80% ответов), Интернет (половина ответов) и специальные каналы (каждый четвертый); среди последних: курсы повышения квалификации, семинары, сельскохозяйственные выставки («День сибирского поля», выставки поставщиков новой техники). Иногда такую информацию получали от местных властей и Союза крестьянских (фермерских) формирований Алтайского

¹ В экспертном опросе приняло участие 20 руководителей хозяйств различных организационно-правовых форм (превалируют крестьянско-фермерские хозяйства) с площадью сельскохозяйственных земель от 300 до 19 тыс. га (в среднем – около 7 тыс. га). Численность постоянных работников в хозяйствах – от 2 до 400 человек (больше ста в среднем, до 50 человек в каждом втором хозяйстве). Довольно значительна доля сезонных работников: 13–14 человек в среднем. Несмотря на влияние глобального экономического кризиса, с 2008 г. численность работников возросла в среднем на 7%.

края. Более половины механизаторов знакомо с новыми технологиями в земледелии, среди использующих новую технику большинство прошло специальное обучение (обучение «на местах» или специальных курсах)¹. Информацию о таких инновациях механизаторы получили в первую очередь от руководителей хозяйств и других механизаторов, и реже – через СМИ и Интернет.

Преимущества применения новых технологий руководители хозяйств и механизаторы видят в росте урожайности и производительности труда, но и в создании квалифицированных рабочих мест с высокой культурой труда (рис. 6.7).

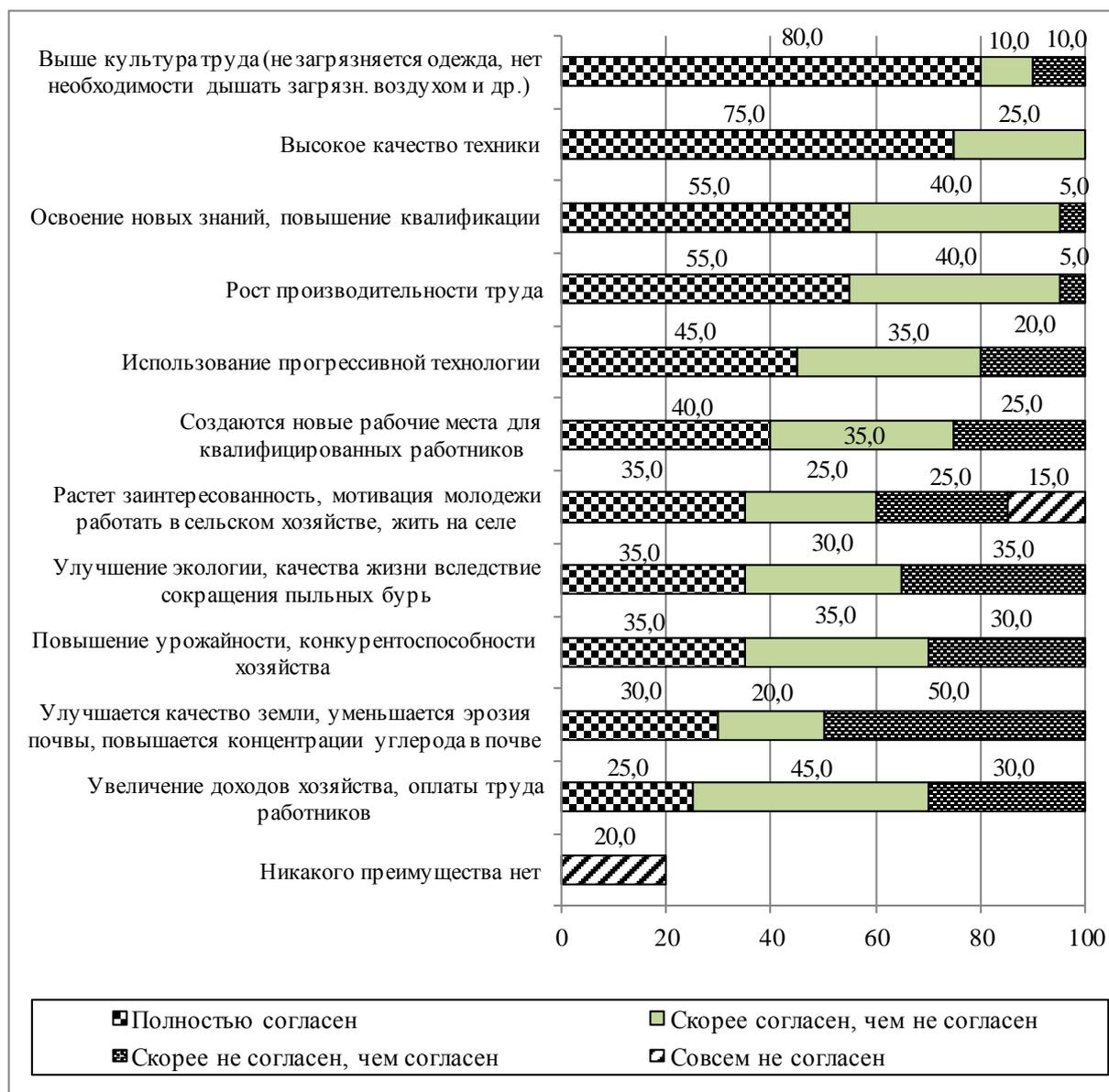

Рис. 6.7. Преимущества применения инновационных (эколого-ориентированных) технологий, % (оценка руководителей хозяйств в 2013 г.)

¹ Среди 39 опрошенных механизаторов (в среднем 40 лет с трудовым стажем около 17 лет) большинство имеет начальное либо среднее профессиональное образование, лишь каждый пятый не имеет профессионального образования. Менее половины механизаторов работает на новой или относительно новой технике (не старше 5 лет).

По словам механизаторов, *хорошо работать на современной технике, получать более высокую зарплату и возвращаться с работы в чистой одежде*. Среди них превалирует положительное отношение к новой технике, отрицательные оценки перевешивали только у механизаторов с низким профессиональным образованием.

Более половины сельчан *позитивно оценивает перспективы изменений в технологиях сельскохозяйственной обработки земли*, даже если они приведут к сокращению занятости, но около 17% отрицательно настроены (рис. 6.8).

Рис. 6.8. Отношение сельских жителей к изменениям в технологиях сельскохозяйственной обработки земли («Как Вы относитесь к тому, что произойдут изменения в технологиях сельскохозяйственной обработки земли, которые помогут решению проблемы пыльных бурь в вашем селе, районе, но, возможно, приведут к сокращению занятости?»), % (опросов 2013 г.)

Из интервью с экспертом – представителем районной администрации (Михайловский район, 2013 г.): *«Скорее всего, в будущем Михайловка – это будет село пенсионеров. Сюда будут приезжать, если работа будет... Но помимо этого здесь есть еще несколько причин. Вот, понимаете, раньше в сельском хозяйстве был же экстенсивный путь развития – все больше земель осваивали и т.п. А когда интенсивный путь идет, то людей много не надо, чтобы обрабатывать земли. Сейчас одним американским комбайном можно все земли Михайловского обработать. И поэтому людям деться некуда. Единственное... пенсионеры никуда не уедут, потому что им здесь жить... А вот именно эта молодежь, которая и есть генофонд..., так вот, генофонд будет уезжать».*

Значимой корреляции между миграционными намерениями сельских жителей, в частности молодежи, и отношением к переменам на селе, инновациям в сельском хозяйстве не обнаружено. Стремятся покинуть село как среди активно поддерживающих инновационные изменения (даже если это ведет к снижению занятости местных жителей), так и среди тех, кто относится к ним крайне отрицательно. Вместе с тем именно среди тех, кто не хочет уезжать из села, больше равнодушно относящихся к изменениям последних лет на селе и к инновациям в сельском хозяйстве.

Что является для хозяйств сдерживающим фактором перехода к новым технологиям в землепользовании? Помимо проблем технического характера (например связанных с ремонтом иностранной техники) признавались сложности освоения работниками такой техники. Для старшего поколения и механизаторов с низким образованием также существует проблема гомеостаза, связанная с привычкой работать на старой отечественной технике, но это менее значимая проблема. Среди социально-экономических препятствий для перехода к инновационным методам выделяется сокращение рабочих мест, поскольку для многих руководителей хозяйств важным является социальное благополучие села¹. Например один из краевых лидеров по внедрению инноваций в сельском хозяйстве признался в интервью, что *«знает, как можно повысить эффективность производства, но не будет этого делать, поскольку будет вынужден сократить значительную часть работников»*.

Вместе с тем мотивация к внедрению инновационных технологий довольно высока: до последних двух-трех кризисных лет около половины руководителей хозяйств потенциально были готовы приобрести такую технику. Главными барьерами для них являлись не только ограниченные финансовые возможности, но и недостаток информации о явных преимуществах таких технологий, полученной на основе опыта других хозяйств.

* * *

Итак, анализ *социальной среды внедрения инноваций в сельских сообществах* Алтайского края позволил выявить *неравномерность и противоречивость ее развития*. С одной стороны, *сохраняются и нарастают в последние годы масштабные проблемы* низкой оплаты труда, безработицы, оттока молодежи из села и нехватки квалифицированных кадров (молодых специалистов), сокращения доступности базовых социальных услуг². Преобладает негативное или равнодушное отношение к происходящим на селе переменам. Но с другой стороны, принципиальным изменением с начала 2000-х годов является *формирование значительного потенциала развития активной социальной среды внедрения инноваций в сельском хозяйстве и сельских сообществах в целом*, основанного на непрерывном нарастании объемов трансфера информации и знаний, существенном повышении значимости образова-

¹См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; Ее же. **Внутренняя** социальная политика агробизнеса в Алтайском крае: современные практики, тенденции и факторы развития // Актуальные проблемы социологии бизнеса: сборник статей / под ред. В.В. Нагайцева. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. – С. 24–40; **Сергиенко А.М., Решетникова С.А.** Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.

²См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Социальное развитие села: от выживания к системным инновациям? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 7 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 132–140; Ее же. Тренды и драйверы социального развития сельских территорий Алтайского края: инновационные аспекты исследования // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 4–5 февраля, 2016 г. / под ред. И.А. Панарина; Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул : АЗБУКА, 2016. – С. 241–246.

ния и квалификации, формировании новых каналов трансфера знаний. Этот потенциал основан на довольно высокой мотивации сельского бизнеса к внедрению новых технологий, на желании работников обучаться и работать на такой технике и в целом на позитивном отношении сельского населения к инновациям, даже несмотря на последствия сокращения рабочих мест.

Хотя кризисные явления в экономике с конца 2014 г. «пошатнули» вероятность реализации данного потенциала, а также привели к обеспокоенности сельских жителей возможным сокращением госпрограмм поддержки села и сельского хозяйства, – реализовать такой потенциал по-прежнему можно различными путями, среди которых большое значение имеют развитие традиционных и новых специальных каналов трансфера знаний (путем усиления взаимосвязей хозяйств, образовательных учреждений, колледжей, вузов, центров занятости, поставщиков сельхозтехники и местных органов), активное государственное стимулирование внедрения инноваций в сельском хозяйстве (через развитие кредитно-денежных, ценовых и других механизмов регулирования).

Особое внимание в государственной политике должно быть уделено сокращению миграционного оттока сельской молодежи как важнейшего ресурса инновационного развития¹. В условиях активного сокращения молодежи в структуре сельского населения, сохранения ее значительного объема миграционных настроений необходимо учитывать неоднозначные последствия модернизации сельского хозяйства, внедрения агротехнологических инноваций: последние срабатывают как на притяжение, так и на выталкивание из села молодых специалистов. К таким последствиям относится также формирование более крупноселенной системы расселения, поскольку дисперсность поселений не требуется для высокотехнологичного сельского хозяйства, а большинство небольших деревень, особенно удаленных от городов и крупных сел («мелкая периферия»), не выдержат конкуренции по комфортности проживания и созданию высокотехнологичных рабочих мест. Даже в кризисных условиях для устойчивого развития сельских территорий в государственной политике должен формироваться акцент на сохранении в сельских поселениях инфраструктурного ядра социальной сферы, обеспечении доступности базовых социальных услуг (здравоохранения, образования, культурно-досуговой сферы) и стимулировании сельского бизнеса и общественных структур, участвующих в социальной поддержке села.

¹ Подробнее см. п. 8.3 монографии.

Глава 7

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА КРАЯ

7.1 ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Вопросы повышения производительности труда имеют фундаментальное значение для роста экономики и ее конкурентоспособности, повышения уровня жизни населения и укрепления социальной стабильности в обществе, сохранения политической независимости и обеспечения национальной безопасности. В условиях усиливающихся демографических ограничений, глобальной экономической неопределенности и нарастающего санкционного давления их актуальность существенно возрастает.

Необходимость специального рассмотрения производительности труда на региональном уровне обусловлена ее значительной межрегиональной дифференциацией, а также разной интенсивностью воздействия общих и наличия на местах специфических факторов и барьеров ее роста. Для агропромышленных регионов, большинство которых отличается крайне низким уровнем производительности труда, эти вопросы в современных условиях приобретают особую значимость.

Производительность труда является объектом активного интереса со стороны отечественных и зарубежных ученых. Однако с началом рыночных преобразований в нашей стране проблемы производительности труда выпали из повестки дня. Многократно сократилось количество научных исследований и публикаций по данной тематике, показатели производительности труда исчезли из государственного статистического учета, а меры по ее повышению – из программных документов на уровне страны и регионов. И только после майских указов Президента 2012 г. интерес к изучению производительности труда стал восстанавливаться. В работах российских ученых – А. Аганбегяна, В. Бессонова, В. Гимпельсона, Е. Гурвича, Р. Капелюшниковой, В. Кондратьева, Я. Кузьминова, Н. Михеевой, Е. Ясина и др.¹ – основное внимание уделяется проблемам измерения производительности труда, оценке ее уровня и тенденций изменения в сравнении с другими странами, изучению соотношения производительности и заработной платы, отраслевой и региональной дифференциации, анализу факторов и механизмов изменения производительности труда. Наряду с перечисленным зарубежные ученые рассматривают роль производительности труда в конкурентоспособности стран и регионов, изучают взаимосвязь производительности труда и справедливости в распределении доходов, определяют границы роста производительности труда и причины замедления темпов ее роста, строят регрессионные

¹ Аганбегян А.Г., Михеева Н.Н., Фетисов Г.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 7–44; Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики: доклады X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля, 2009 г. – М. : ИД ГУ ВШЭ – 2009. – 66 с.; Вакуленко Е., Гурвич Е. Моделирование механизмов российского рынка труда // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 5–29; Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. – 2014. – № 3. – С. 36–61; Михеева Н.Н. Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1. – С. 6–28.

модели зависимости производительности труда от различных факторов – M. Alle, O. Blanchard, T. Dohmen, L. Katz, H. Lehmann, N. Meager, M. Porter, V. Schaffer, S. Speckesser и др.¹

Аналізу производительности труда на региональном уровне посвящены работы А. Зайцева, Н. Зубаревич, Б. Лавровского, Р. Мельникова, Н. Михеевой и др.² Однако изучению специфики производительности труда в агропромышленных регионах сегодня не уделяется достаточно внимания.

Предметом нашего исследования является производительность труда в одном из крупнейших агропромышленных регионов России – Алтайском крае.

Для оценки уровней и динамики производительности труда в регионе использовались данные Росстата об объемах валового регионального продукта (ВРП, до 1996 г. – оценка) и среднегодовой численности занятых в экономике. Измерение уровней производительности труда осуществлялось путем деления ВРП на численность занятых. Для определения уровней производительности труда в сопоставимых ценах объемы ВРП в текущих ценах пересчитывались в постоянных ценах 1995 г. с применением соответствующих индексов физического объема. Индексы производительности труда по экономике в целом рассчитывались как частное от деления индексов физического объема ВРП и индексов изменения среднегодовой численности занятых.

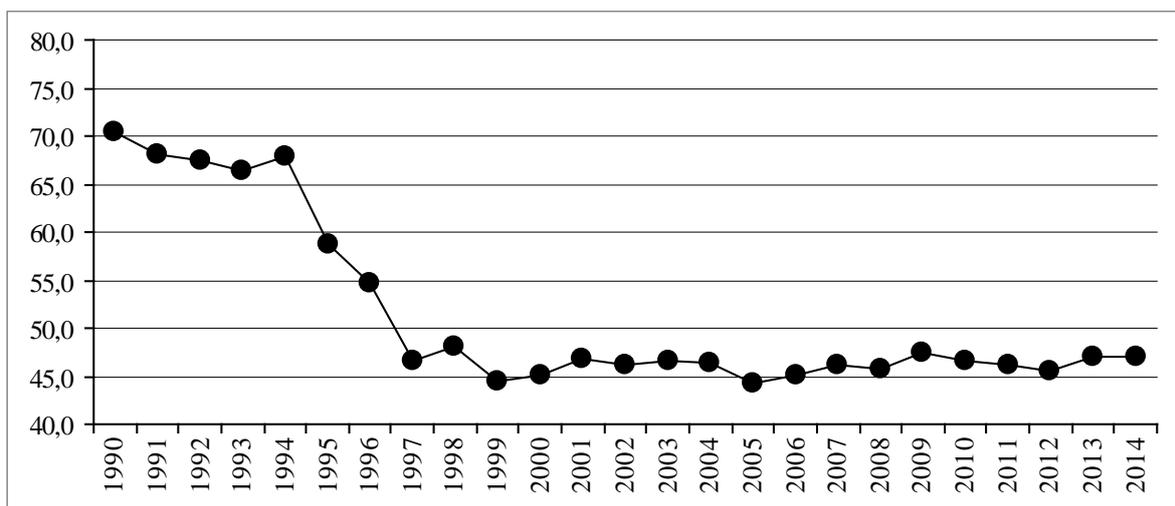
Для оценок уровней производительности труда по видам экономической деятельности (ВЭД, до 2004 г. в отраслях) бралось отношение производимой валовой добавленной стоимости (валовой продукции отраслей) к среднегодовой численности занятых соответствующими видами экономической деятельности (в отраслях). Расчет индексов производительности труда по ВЭД (отраслям) осуществлялся путем деления индексов физического объема выпуска по видам деятельности (валовой продукции отраслей) на индексы изменения среднегодовой численности занятых в них.

Авторы отдают себе отчет в том, что за столь продолжительный период времени неоднократно менялись методики учета как результатов экономической деятельности в регионе, так и затрат живого труда. При этом корректировка данных за предыдущий период либо не проводилась вовсе, либо проводилась, но на очень ограниченном отрезке времени, либо – за разные периоды времени для России и регионов. Вместе с тем на основе имеющейся информации самое общее представление об уровне производительности труда, тенденциях ее изменения и месте региона в общероссийских показателях составить можно.

¹ **Blanchard O., Katz L.** Wage dynamics: Reconciling theory and evidence. *American Economic Review*. – 1999. – Vol. 89, No 2. – Pp. 69–74; **Meager N., Speckesser S.** Wages, productivity and employment: A review of theory and international data. *European Employment Observatory Thematic Expert ad-hoc Paper*. Institute for Employment Studies. – 2011; **Dohmen T., Lehmann H., Schaffer V.** Wage policies of a Russian firm and the financial crisis of 1998: Evidence from personnel data – 1997 to 2002. *Industrial and Labor Relations Review*. – 2014. – Vol. 67, No 2. – Pp. 504–531; **Алле М.** Условия эффективности в экономике / пер. с фр. Л.Б. Азимова, А.В. Беянина, И.А. Егорова, Н.М. Калмыковой. – М. : Научно-издательский центр «Наука для общества». – 1998; **Портер М.** Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли: Т. 6. Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – 720 с.

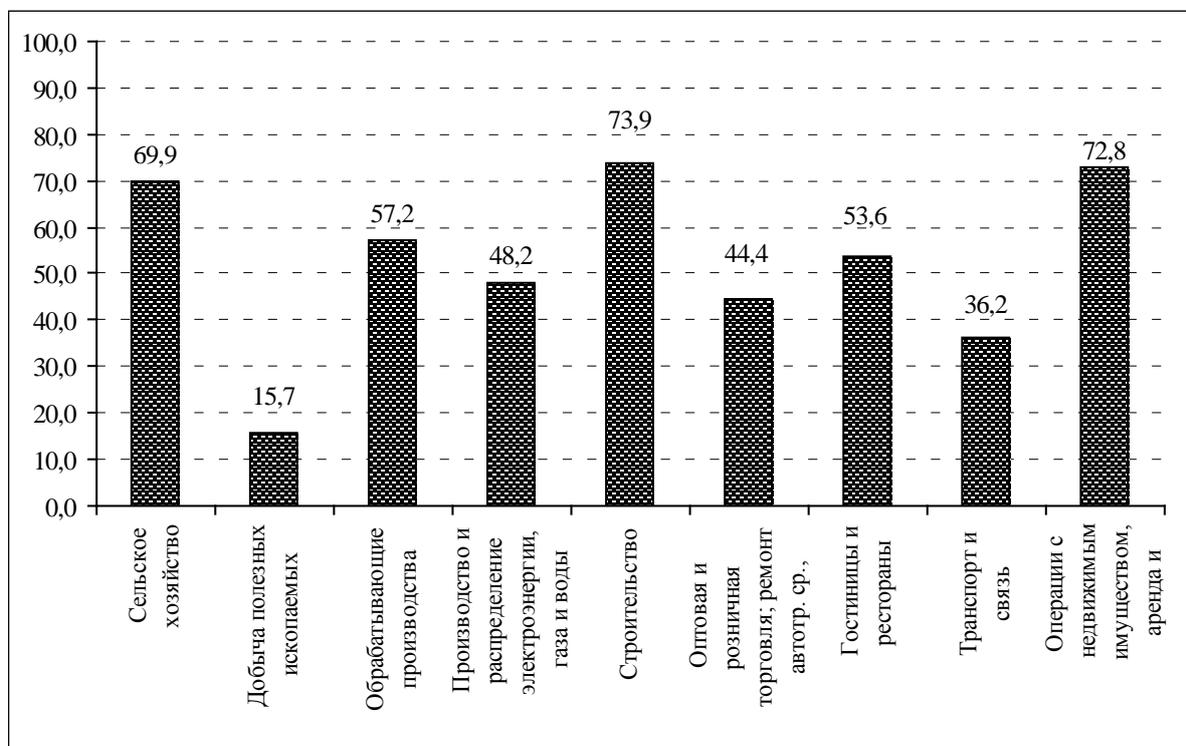
² **Зайцев А.** Региональная диагностика и отраслевой анализ производительности труда // Федерализм. – 2013. – № 1. – С. 54–77; **Зубаревич Н.В.** Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 38–53; **Лавровский Б.Л., Мурзов И.А.** Большая Сибирь: тенденции производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 103–117; **Лавровский Б.Л., Позднякова И.В.** Самое важное, самое главное для победы // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 83–95; **Михеева Н.Н.** Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 2. – С. 86–112.

По уровню производительности труда Алтайский край традиционно уступает большинству регионов России и существенно отстает от средних показателей по стране. К сожалению, со временем это отставание только нарастало. Если в 1990 г. производительность труда в регионе составляла около 70% от уровня РФ, то в 2014 г. – менее 50% (рис. 7.1).

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 7.1. Производительность труда в Алтайском крае по отношению к производительности труда в России, в ценах 1995 г., %

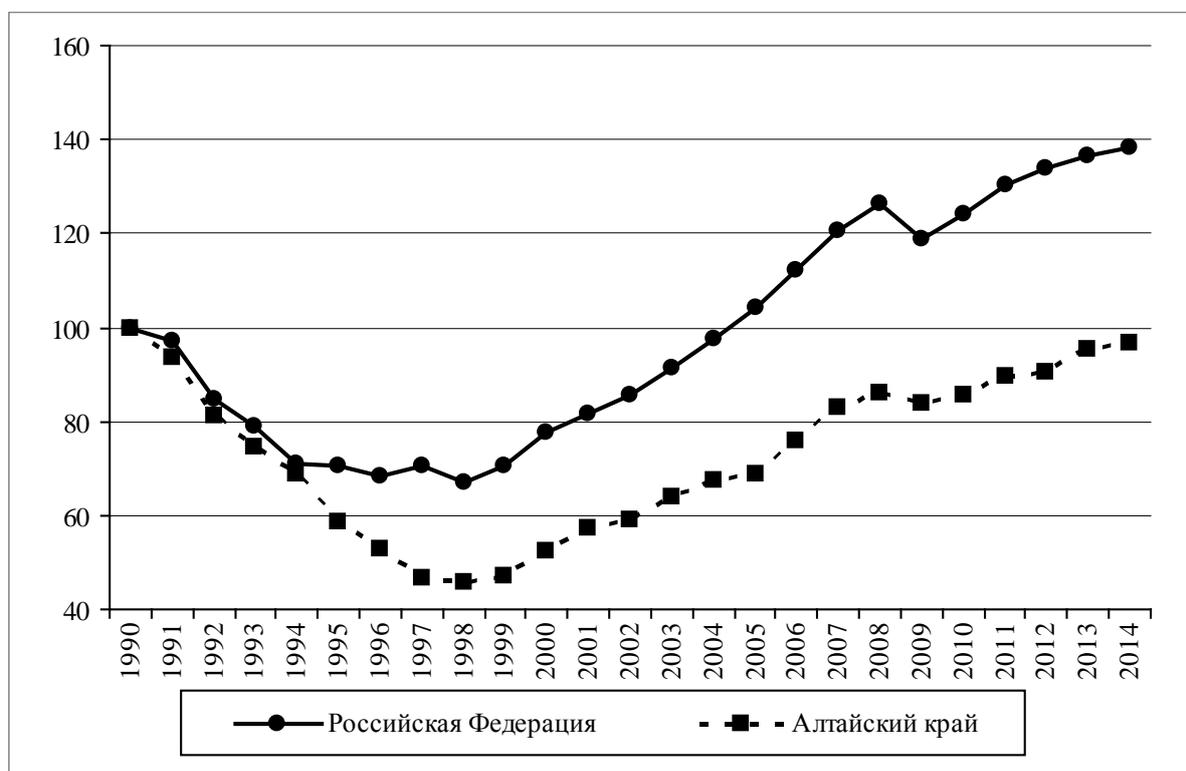

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 7.2. Производительность труда по видам экономической деятельности в Алтайском крае относительно среднероссийских показателей в 2014 г., РФ = 100%

Картина отраслевых значений производительности труда в крае довольно многолика и в ряде отраслей специализации не столь удручающа. Так, в 2014 г. в важнейших видах экономической деятельности – сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах – она составляла 70 и 57% от соответствующих общероссийских показателей, строительстве и операциях с недвижимым имуществом – 74 и 73% соответственно, в торговле – 44%, на транспорте и предприятиях связи – 36%, а в добывающих отраслях – только 16% (рис. 7.2).

Динамика региональных уровней производительности труда носит ярко выраженный проциклический характер, в ней просматривается несколько волн повышения и понижения, выделяются долговременные позитивные и негативные тренды в сочетании с частыми краткосрочными незначительными колебаниями. Она характеризуется более глубоким по сравнению со среднероссийскими показателями падением в 1990-е годы и очень близким к этим показателям ростом и меньшим падением в 2000-е годы (рис. 7.3).

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 7.3. Динамика производительности труда в Алтайском крае и Российской Федерации, % к 1990 г.

В анализируемый период в движении производительности труда в Алтайском крае, как и в России в целом, можно выделить два качественно отличающихся друг от друга этапа. Первый этап пересекается с фазой российского трансформационного кризиса, охватившего все сферы жизнедеятельности и все регионы страны. Он распространяется на период до 1998 г. и характеризуется устойчивым снижением производительности труда темпами почти в два раза превышающими среднероссийские (табл. 7.1). Самыми драматичными в динамике производительности труда на этом этапе были 1995–1998 гг.

Таблица 7.1

Среднегодовые темпы снижения производительности труда в 1991–1998 гг., %

	1991–1994	1995–1998	1991–1998
Алтайский край	–8,9	–9,6	–9,3
Российская Федерация	–8,2	–1,5	–4,8

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Если обратиться к отраслевым показателям, то наибольшее падение производительности труда наблюдалось в машиностроении, легкой промышленности и торговле, а наименьшее – в сельском хозяйстве. По сравнению с общероссийскими индикаторами в краевых «отраслях-лидерах» и «отраслях-аутсайдерах» по динамике производительности труда темпы ее падения были в 2 и более раз ниже или выше, за исключением легкой промышленности (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Среднегодовые темпы снижения производительности труда в основных отраслях специализации экономики Алтайского края в 1991–1998 гг., %

Показатель	Алтайский край	Российская Федерация
Промышленность	–7,2	–3,9
В том числе:		
машиностроение	–13,3	–5,3
химия и нефтехимия	–6,3	–7,1
легкая промышленность	–14,6	–14,1
пищевая промышленность	–7,1	–7,8
Сельское хозяйство	–2,2	–5,7
Строительство	–6,0	–7,3
Транспорт	–8,4	–5,1
Розничная торговля	–15,7	–9,2

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Столь негативному развитию событий способствовали низкое стартовое положение экономики региона накануне рыночных реформ и крайне неблагоприятное сочетание факторов его экономического развития. Особо здесь следует выделить: разрыв традиционных экономических связей, прежде всего с новыми государствами Средней Азии (в бывшие союзные республики Алтайский край поставлял в основном зерно и продукцию сельхозмашиностроения, а получал от них хлопок и фрукты); высокую концентрацию в экономике региона предприятий военно-промышленного комплекса (преимущественно в машиностроении и химической отрасли), обвальное сокращение государственного заказа на продукцию оборонного назначения, непродуманную программно и ресурсно необеспеченную конверсию; в значи-

тельной мере аграрный характер региональной экономики с недостаточно конкурентным низкопроизводительным сельским хозяйством¹.

Последнее было обусловлено рядом объективных и субъективных причин. В частности, неблагоприятными климатическими условиями (Алтай – зона рискованного земледелия), устаревшей материально-технической базой, диспропорциями в развитии агропромышленного комплекса (доминированием производства сельскохозяйственного сырья и отставанием сельхозпереработки), диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, необоснованным ростом транспортных тарифов и др.

Перед началом рыночных преобразований доля предприятий упомянутых выше отраслей в общекраевом производстве превышала 80%. Именно на этих предприятиях произошел наибольший экономический спад в 1991–1998 гг., а многие из них были остановлены вовсе. По данным Алтайкрайстата, на предприятиях машиностроения и металлообработки объемы производства сократились в 7 раз, легкой промышленности – в 12 раз, химической и нефтехимической промышленности – в 2,5 раза. В натуральном выражении производство тракторов уменьшилось почти в 20 раз, паровых котлов – в 18 раз, дизелей и станков – в 10 раз, химических волокон – в 8 раз, лакокрасочных материалов – в 7 раз, хлопчатобумажных тканей – в 48 раз.

В аграрной экономике снижение производства оказалось существенно меньше по сравнению с промышленностью, но и здесь негативные процессы были налицо. Валовой сбор зерна в хозяйствах всех категорий сократился на 43%, производство мяса – на 25%, молока – на 30%, шерсти – на 62% и т.д. Интенсивность падения объемов производства в большинстве отраслей специализации алтайской экономики в 1,5–2,0 раза превышала среднероссийские показатели. При этом темпы сокращения численности занятых на предприятиях рассматриваемых отраслей хотя и превышали средние показатели по стране, но не столь значительно, и были существенно ниже темпов падения объемов производства.

Сохранение избыточной рабочей силы на предприятиях было характерно для всей страны и, по мнению российских и зарубежных ученых, было обусловлено целым комплексом общих и специфических факторов, в частности:

- экономической политикой государства, которое с целью предотвращения социального взрыва стимулировало излишнюю занятость, используя при этом целый арсенал инструментов от прямого субсидирования оказавшихся неэффективными предприятий до предоставления хозяйствующим субъектом дешевых кредитов и налоговых льгот в обмен на отказ от массовых увольнений;
- широким распространением неполной и неоплачиваемой занятости. В условиях экономического кризиса работодатели отдавали предпочтение не высвобождению работников, а снижению заработной платы, ее многомесячным задержкам, сокращению продолжительности рабочего времени;
- особенностями российской приватизации, при которой в руках трудовых коллективов оказался значительный пакет акций предприятий, и многие менеджеры предпочитали не вступать в открытый конфликт с работниками-акционерами;
- сохранением патерналистских установок и стереотипов поведения, сформировавшихся в советский период у значительной части директоров, а также их стремле-

¹ Троцковский А.Я., Чертов Н.А. Экономика Алтайского края в условиях реформирования. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2001. – 139 с.; Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. Экономические реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда). – Барнаул, 1996. – 193 с.

нием сохранить кадровый потенциал своих предприятий для возможного развития в будущем;

- значительными финансовыми и другими издержками, связанными с высвобождением излишней рабочей силы, необходимостью выплаты увольняемым работникам компенсаций в размере двух-трех окладов, их предварительного уведомления об увольнении за два месяца, согласования массовых увольнений с профсоюзами и региональными органами управления и получения согласия последних на подобные действия и др.¹

В Алтайском крае действие выделенных факторов усиливалось аграрной спецификой его экономики и повышенной долей сельского населения. В сельской местности сокращение реальной заработной платы, невыплаты заработной платы и время ее задержек в разы были больше, чем в городах. Вынужденные неоплачиваемые отпуска и сокращенные графики работы на селе также были распространены в большей степени. Относительное число собственников среди селян превышало их число среди горожан, поскольку почти все взрослое сельское население в отличие от городского, наряду с акциями своих предприятий, получило в собственность земельные паи. Кроме того, в сельских сообществах более развита сеть неформальных связей, соседские и родственные отношения, им присущ больший консерватизм².

Таким образом, структурные диспропорции в экономике Алтайского края, более ярко выраженные деструктивные процессы в ее развитии в 1990-е годы и непропорциональное сокращение численности занятых вызвали обвальное падение производительности труда на первом этапе в экономике региона в целом и ее ведущих отраслях. Это падение было настолько глубоким, что не смотря на последующие 17 лет почти непрерывного роста, производительность труда не достигла дореформенного уровня и по сей день. Заметим, что, по нашей оценке и данным других исследователей, дореформенный уровень производительности труда в России был восстановлен в 2005 г.³ Вместе с тем в анализируемый период были созданы некоторые предпосылки для роста экономики и производительности труда в дальнейшем. В частности, разработаны правовые основы рыночных отношений, создана новая банковская система, проведена приватизация и сформирован класс частных собственников, экономические субъекты накопили определенный рыночный опыт.

Второй этап в движении производительности труда охватывает 1999–2014 гг. На этот период пришлось фаза восстановительного роста (до 2008 г.), экономический кризис 2008–2009 гг. и фаза затухающего роста и стагнации 2010–2014 гг. В процессе изменения производительности труда здесь наблюдался долговременный позитивный тренд с падением в 2009 г., преодоленным уже в 2010 г. (табл. 7.3).

¹ **Обзор** занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М. : ТЕИС, 2002. – С. 99–101; **Капелюшников Р.И.** Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – 308 с.; **Commander S., McHale J., Yamtsor R.** Russia // Unemployment, Restructuring and the Labour Market in Eastern Europe and Russia / ed. by S. Commander, F. Coricelli. – Washington : World Bank, 1995.

² **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Родионова Л.В., Родионова О.Е.** Региональный рынок труда: проблемы формирования и регулирования. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 204 с.

³ **Лавровский Б.Л., Мурзов И.А.** Большая Сибирь: тенденции производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 103–117.

Таблица 7.3

Среднегодовые темпы прироста производительности труда в 1999–2014 гг., %

	1999–2008	2009	2010–2014	1999–2014
Алтайский край	5,9	–2,6	3,0	4,7
Российская Федерация	6,5	–6,2	3,1	4,9

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

На этом этапе производительность труда в Алтайском крае демонстрировала динамику, близкую к среднероссийской. До кризисного 2009 г. среднегодовые темпы прироста производительности труда составили почти 6% (табл. 7.3). Достаточно быстрый ее рост был обусловлен, во-первых, восстановлением производства на сохранившихся мощностях и наращиванием выпуска на новых предприятиях, а во-вторых, сокращением в отличие от России в целом численности занятых. Постоянно увеличивали объемы производства предприятия, работающие на местном сырье, интегрированные в экономику Сибири и торгующие с государствами Таможенного Союза. Расширилось производство продуктов питания, комбикормов, ликероводочных изделий, лекарственных средств и биологически активных добавок, росли поставки кокса, форсунок для двигателей внутреннего сгорания, котлов и других изделий.

Особые успехи были достигнуты в пищевой промышленности, включая мукомольно-крупяную. По данным Алтайкрайстата, производство муки в эти годы увеличилось более чем в 2 раза, растительного масла – в 4 раза, крупы, макаронных изделий и сыров – в 5 раз. Численность занятых в пищевой промышленности, хотя и выросла в эти годы, но существенно в меньшей степени. Предприятия сельхозпереработки были приближены к ресурсной базе и относительно равномерно размещены по территории края, что также способствовало сокращению затрат и повышению производительности труда, увеличению поступлений денежных средств в местные бюджеты и сохранению сельских поселений.

Восстановление государственного заказа оживило производство на ряде предприятий оборонного комплекса. Сохранение производственных мощностей и кадрового потенциала в годы кризиса позволило им достаточно быстро нарастить объемы производства.

Благодаря высокому качеству своих изделий некоторые алтайские предприятия вышли на рынки Китая, Монголии, Индии, Италии, Германии и др. Среди них следует выделить закрытые акционерные общества – «Алтайский завод прецизионных изделий» и «Алтан», открытые акционерные общества – «Алтайвагон», «Сибэнергомаш», «Пава», «Алейскзернопродукт», «Рубцовский молочный комбинат» и др.¹

Увеличение объемов производства и сокращение численности занятых в экономике Алтайского края в целом обеспечили почти двукратный рост производительности труда в рассматриваемый период. При этом ее ускоренный рост был отмечен в добыче полезных ископаемых, некоторых видах обрабатывающих производств (в частности, производстве продуктов питания, пластмассовых изделий, транспортных средств и оборудования, полиграфической деятельности), строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе. В таблицах 7.4 и 7.5 представлены среднегодовые темпы прироста производительности труда по отраслям специализации экономики Алтайского края в 1999–2004 гг. и укрупненным видам экономической деятельности 2005–2014 гг. на общероссийском фоне.

¹ Мищенко В.В. Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 423 с.

Таблица 7.4

**Среднегодовые темпы прироста производительности труда
в основных отраслях специализации экономики Алтайского края в 1999–2004 гг., %**

Отрасль	Алтайский край	Российская Федерация
Промышленность	9,1	7,2
В том числе:		
машиностроение	10,7	13,2
химия и нефтехимия	5,4	9,8
легкая промышленность	26,4	10,8
пищевая промышленность	5,0	6,7
Сельское хозяйство	5,5	8,4
Строительство	7,8	9,5
Транспорт	7,9	4,0
Розничная торговля	6,6	3,6

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

В кризисный 2009 г. производительность труда в крае снизилась. Однако в промышленности и сельском хозяйстве она продолжала расти (см. табл. 7.5). Падение производительности труда в регионе в силу отраслевой специфики его экономики было менее глубоким по сравнению с производительностью труда в Российской Федерации в целом, а восстановление более быстрым. Уже в 2010 г. рост производительности труда возобновился, и ее уровень превысил докризисный. Вместе с тем динамика производительности труда заметно ухудшилась, среднегодовые темпы ее прироста в 2010–2014 гг. сократились почти в 2 раза (см. табл. 7.3 и 7.5).

Снижение темпов роста производительности труда в анализируемый промежуток времени в Алтайском крае, как и в России в целом, связывают с исчерпанием традиционных источников роста (в первую очередь постоянно растущей природной ренты, перераспределяемой во все сектора экономики и регионы страны), отсталой структурой экономики, износом основных фондов и крайне низкой инвестиционной активностью в предшествующие годы¹. Более глубокий анализ ключевых факторов регионального развития дан в главах 4–6, 8–10 настоящей монографии.

Изменение производительности труда по видам экономической деятельности в рассматриваемый период оценивается неоднозначно. Более высокими темпами она росла в обрабатывающих производствах, на транспорте и предприятиях связи, в строительстве и сфере гостиничного обслуживания; темпы роста производительности труда в торговле были на уровне средних, а добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство по этому показателю попали в аутсайдеры (см. табл. 7.5).

В целом за 1999–2014 гг. производительность труда в регионе увеличилась в два с лишним раза. Самый интенсивный ее рост наблюдался в строительстве, добыче полезных ископаемых и операциях с недвижимым имуществом, а меньше всего она выросла в торговле и сельском хозяйстве.

¹ Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 3–16.

Таблица 7.5

**Среднегодовые темпы прироста производительности труда
по основным видам экономической деятельности в 2005–2014 гг., %**

Показатель	2005–2008		2009		2010–2014		2005–2014	
	Алтай-ский край	Россия						
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,4	7,0	31,7	1,7	–3,0	4,9	1,7	3,6
Добыча полезных ископаемых	23,7	2,6	10,9	3,6	–1,2	2,6	6,1	1,8
Обрабатывающие производства	4,8	6,7	1,4	–5,1	4,7	6,3	2,9	3,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,8	1,8	2,4	0,8	0,6	1,3	2,1	1,0
Строительство	16,0	7,8	–11,8	–10,7	12,4	2,0	7,3	1,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	7,9	8,0	–21,9	–12,5	3,3	2,2	1,5	1,9
Гостиницы и рестораны	15,3	11,5	–30,4	–14,7	6,6	2,5	3,6	2,7
Транспорт и связь	10,2	9,1	–11,9	–8,3	5,2	3,7	3,5	3,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,1	10,6	7,4	–4,1	5,3	1,6	4,9	3,0

К сожалению, обобщающими данными для оценки динамики производительности труда в Алтайском крае в 2015–2016 гг. на момент подготовки настоящего раздела авторы не располагали. Однако на основе анализа отдельных показателей можно сделать вывод о том, что производительность труда по основным видам экономической деятельности в эти годы преимущественно росла. Устойчивое движение к росту демонстрировала производительность труда в обрабатывающих производствах, энергетике и сельском хозяйстве. Многие предприятия пищевой и легкой промышленности, химической и деревообрабатывающей отраслей, некоторых сегментов машиностроительного комплекса и фармацевтики, а также растениеводства и животноводства сумели нарастить объемы производства, снизить издержки и повысить эффективность использования живого труда. При сохранении отмеченных тенденций и прочих равных условиях, в 2017 г. производительность труда в экономике Алтайского края должна, наконец-то, превысить уровень 1990 г.

Вместе с тем снижение реальных доходов населения и доступности кредитных ресурсов и, как следствие, потребительского спроса, а также более медленное сокращение занятости негативно отразилось на динамике производительности труда в торговле, строительстве и в сфере услуг.

Темпы роста производительности труда в большинстве из упомянутых выше отраслей в анализируемый промежуток времени превосходили среднероссийские, а темпы ее сокращения были ниже. В ряде отраслей рост производительности труда в крае происходил на фоне ее падения в соответствующих отраслях России в целом.

Такому развитию событий в регионе способствуют благоприятные погодные условия в последние два года и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, западные санкции и ответное продовольственное эмбарго со стороны Российской Федерации, военные угрозы и возрождение оборонного комплекса. Мы становимся свидетелями того, как наши структурные недостатки перед началом рыночных реформ превращаются в современных условиях в наши конкурентные преимущества. И нужно воспользоваться настоящим моментом для создания в Алтайском крае более эффективной экономики.

7.2 ОПЛАТА ТРУДА НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ РЕГИОНА

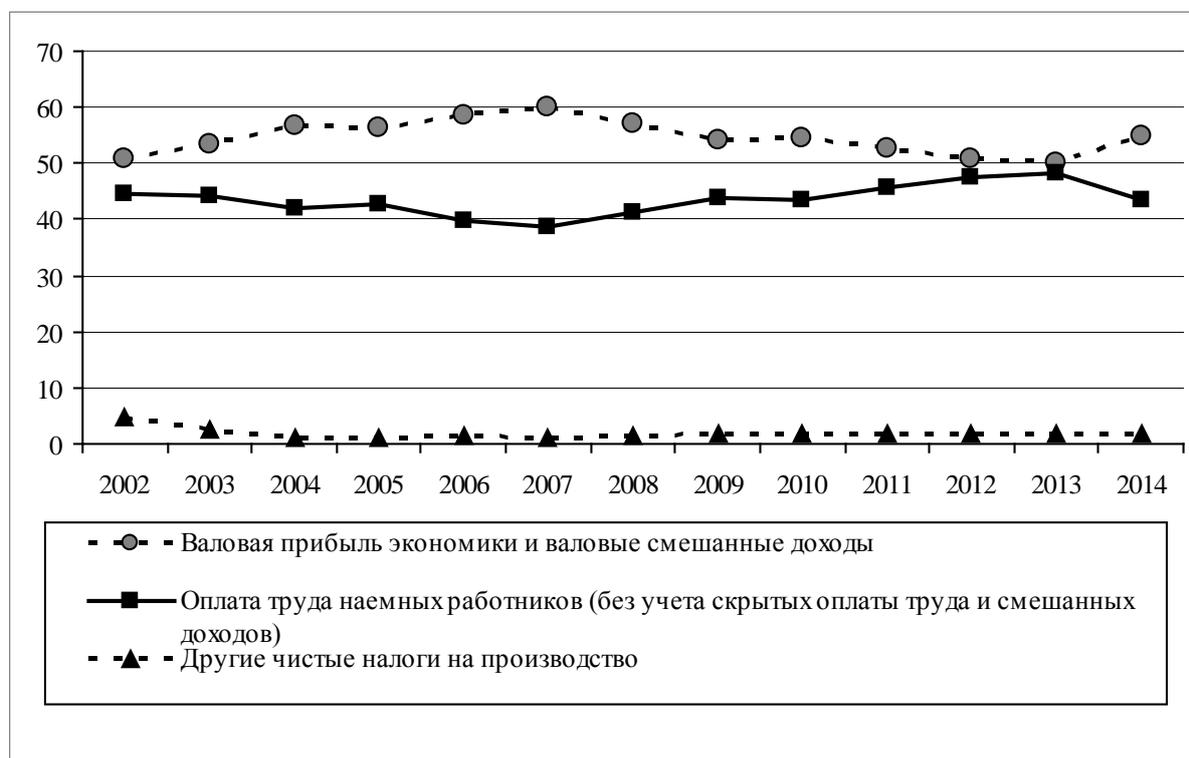
Уровень оплаты труда работников является одним из основных показателей состояния экономики региона. Исходя из теории М. Портера, именно состояние спроса, определяемое уровнем дохода, предпочтениями покупателей и т.п., является одним из основных элементов формирования конкурентных преимуществ¹. С нашей точки зрения, получаемые доходы в форме заработной платы, с одной стороны, являются основным источником воспроизводства рабочей силы², а с другой – через расходы работников, – основой прироста прибыли предприятий за счет создания и развития в регионе внутреннего рынка. Единство данных концептуальных положений в понимании сущности заработной платы выступает предпосылкой в исследовании оплаты труда как фактора формирования конкурентных преимуществ региона на фоне происходящих трансформационных процессов 1990–2015 гг.

Исследование динамики заработной платы направлено на изучение основных тенденций изменения оплаты труда в Алтайском крае на этапах трансформационного кризиса 1992–1998 гг., восстановительного роста 1999–2008 гг., кризиса 2008–2009 гг., а также следующего за ним нового этапа восстановительного роста 2010–2011 гг. с последующим периодом стагнации экономики в 2012–2015 гг. Учитывая приведенную особенность анализа, а также обозначенные выше концептуальные положения в понимании сущности заработной платы, важным методическим аспектом исследования является рассмотрение динамики заработной платы в регионе с учетом происходящих за выделенные периоды изменений ВРП, индекса потребительских цен, среднегодовой численности занятых и др.

¹ См. подробнее: **Портер М.** Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли. – Т. 6: Международная экономика / под. общ. ред. А.П. Киреева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». – М.: ТЕИС, 2006. – С. 555.

² Основываясь на трудовой теории стоимости, К. Маркс определял стоимость рабочей силы рабочим временем, необходимым для ее производства и существования. В частности, он писал: «Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности». Но помимо удовлетворения естественных потребностей в пище, одежде, жилье и т.п., «сумма жизненных средств» должна быть достаточной для воспитания детей и тем самым включать «жизненные средства ... детей ...». См. подробнее: **Маркс К.** Избранные сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – В 9-ти т. – Т. 7. – М.: Политиздат, 1987. – С. 162–163.

Макроэкономические основы исследования оплаты труда позволяют рассмотреть основные экономические пропорции, сложившиеся в экономике в распределении первичных доходов в структуре валового продукта¹. За период 2002–2014 гг. доля оплаты труда наемных работников в формируемом валовом региональном продукте Алтайского края принимала значения от 40 до 50%. Так, с 2002 по 2007 год наблюдалось снижение удельного веса данного показателя в структуре образования ВРП. Во многом подобная тенденция объяснима тем, что на этом этапе происходило восстановление экономики России от последствий предыдущего периода кризиса (1992–1998 гг.). Ежегодный рост номинального объема производимого валового регионального продукта в экономике Алтайского края осуществлялся за счет увеличения удельного веса валовой прибыли и валовых смешанных доходов в его структуре. Соответственно, доля оплаты труда наемных работников снизилась за период с 2002 по 2007 год на 5,7 п.п. достигнув в 2007 г. уровня 38,8% от образуемых доходов в ВРП Алтайского края. Увеличение валовой прибыли Алтайского края за этот период составило 9,5 п.п., и к 2007 г. превысило 60% (рис. 7.4).

Примечание. Ввиду ограниченности сопоставимой статистической информации, при проведении анализа были использованы данные за 2002–2014 гг.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.4. Структура формирования валового регионального продукта в Алтайском крае по источникам доходов, %

¹ Согласно распределительному методу, при определении валового продукта в основе добавленной стоимости учитываются такие виды первичных доходов: оплата труда наемных работников, налоги, валовая прибыль и валовые смешанные доходы. См. подробнее: Агапова Т.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика: учебник / под общ. ред. д.э.н., проф. А.В. Сидоровича; МГУ им. М.В. Ломоносова. – 6-е изд. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2004. – С. 28.

Наступление кризиса 2008 г. послужило причиной снижения удельного веса валовой прибыли экономики в объеме создаваемого ВРП Алтайского края на 5,9 п.п. в 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. Данное уменьшение объема валовой прибыли и валовых смешанных доходов в экономике продолжилось до 2014 г. В 2013 г. данный показатель составил 50,1% в структуре формирования ВРП Алтайского края. Однако в 2014 г. было зафиксировано увеличение доли валовой прибыли и валовых смешанных доходов в ВРП Алтайского края на 4,6 п.п. Столь существенное увеличение этого вида дохода в формируемом валовом продукте на территории региона не является положительным изменением с точки зрения развития экономики. Поскольку основой данного показателя стало не увеличение производства ВРП Алтайского края, темп роста которого по данным статистики в 2014 г. составил 100,4% относительно его величины за 2013 г. Основой для увеличения удельного веса валовой прибыли в формируемом валовом продукте стало снижение доли оплаты труда на 4,5 п.п.

Доля оплаты труда наемных работников в валовом региональном продукте в среднем по регионам РФ за период с 2002 по 2014 год в целом также имела тенденцию роста. Однако в сравнении с экономикой Алтайского края, увеличение данного показателя в среднем по российской экономике началось с 2007 г. Кризис 2008 г. способствовал росту доли оплаты труда на 2,1 п.п. от уровня предыдущего года. Пик роста данного показателя был достигнут в 2009 г., составив 41,6% в структуре ВРП в среднем по субъектам Российской Федерации (рис. 7.5).

Примечание. Ввиду ограниченности сопоставимой статистической информации, при проведении анализа были использованы данные за 2002–2014 гг.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.5. Структура формирования валового регионального продукта в среднем по субъектам Российской Федерации по источникам доходов, %

В период с 2007 по 2009 год в российской экономике также наблюдалось снижение валовой прибыли. Однако в последующий этап посткризисного восстановления российской экономики, в отличие от экономики Алтайского края, происходил рост валовой прибыли и валовых смешанных доходов. Так, в 2012 г. в сравнении с уровнем 2009 г. увеличение данного показателя составило 4,5 п.п. Изменение доли оплаты труда наемных работников в ВРП регионов России в этот период имело иную траекторию, нежели в экономике Алтайского края. С 2009 по 2011 год было зафиксировано падение данного показателя на 2,7 п.п. Однако в 2012 г. произошло увеличение доли оплаты труда наемных работников в ВРП в среднем по регионам России на 1,5 п.п., вызванное падением доли чистых налогов на производство в общей структуре формирования валового регионального продукта. В 2013 г. доля оплаты труда в ВРП регионов РФ вернулась к уровню 2009 г., а в 2014 г. достигла 42%. Доля валовой прибыли в 2014 г. снизилась в сравнении с уровнем 2012 г. на 1,6 п.п., составив 56,4% в формируемом ВРП в среднем по регионам России.

Сформировавшуюся в последние годы в целом в российской экономике тенденцию роста доли заработной платы в валовом продукте В. Мау охарактеризовал как проявление «социально-ориентированной особенности» новой модели роста. Характеристикой данной особенности стало «смещение баланса между трудом и капиталом в пользу труда»¹. Однако исходя из сложившейся структуры экономики Алтайского края, обозначенная тенденция, на наш взгляд, имеет иное научное объяснение.

Обеспечение роста ВРП на данном этапе посткризисного восстановления экономики Алтайского края происходило во многом за счет увеличения доли оплаты труда наемных работников. Наступление кризиса 2008 г. и проявление его последствий в 2009–2013 гг. послужило причиной снижения удельного веса валовой прибыли экономики в объеме создаваемого ВРП Алтайского края по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. На первый взгляд зафиксированный рост доли оплаты наемного труда в валовом региональном продукте в этот период можно оценить как увеличение платежеспособного спроса, способного за счет возросшего потребления расширить рынки сбыта готовой продукции в регионе. Подобный подход способен стать основной формирования новых конкурентных преимуществ региона и развития его экономики в долгосрочной перспективе. Однако в 2014 г. произошло изменение данных тенденций, и соотношение показателей оплаты труда и валовой прибыли в структуре ВРП Алтайского края вернулось к уровню 2010 г.². Признать позитивными произошедшие изменения с точки зрения формирования предпосылок для развития экономики региона не приходится. Поскольку изменение данных структурных пропорций произошло за счет номинального увеличения валовой прибыли, полученной предприятиями в Алтайском крае, при одновременном снижении объема оплаты труда в валовом продукте.

Из данных, приведенных в таблице 7.6, видно, что за период с 2005 по 2014 год происходило снижение удельного веса оплаты труда в общей структуре в таких ведущих видах экономической деятельности, как сельское хозяйство и обрабатывающие производства, а также в сферах транспорта и связи.

Несмотря на выделенные тенденции, за обозначенный период в экономике Алтайского края сохранялся рост номинального ВРП за счет данного источника дохода. Исследование структуры оплаты труда наемных работников свидетельствует о том,

¹ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 12.

² Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 22.04.2016 г.).

Таблица 7.6

**Динамика удельного веса оплаты труда наемных работников
по видам экономической деятельности в формировании ВРП
Алтайского края в 2005–2014 гг., %**

Виды экономической деятельности	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Основные виды экономической деятельности										
Сельское хозяйство	7,7	6,7	7,3	7,2	9,1	8,6	8,3	6,9	6,8	5,7
Обрабатывающие производства	18,0	19,2	19,1	17,4	14,8	15,6	17,5	15,8	14,3	16,6
Оптовая и розничная торговля	7,2	6,5	7,3	8,4	8,8	11,7	10,9	13,5	14,3	11,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,4	6,1	5,6	5,4	5,9	5,9	5,5	7,4	6,3	6,3
Справочно										
Транспорт и связь	17,2	9,6	9,2	10,2	7,7	7,5	7,6	5,9	9,1	7,8
Государственное управление	11,4	17,5	17,9	18,0	18,7	17,0	15,0	16,5	16,0	17,2
Образование	11,3	10,9	10,0	10,0	10,6	8,9	9,6	9,5	9,5	10,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	10,5	11,5	11,6	12,3	12,3	11,0	11,0	11,2	11,1	12,8

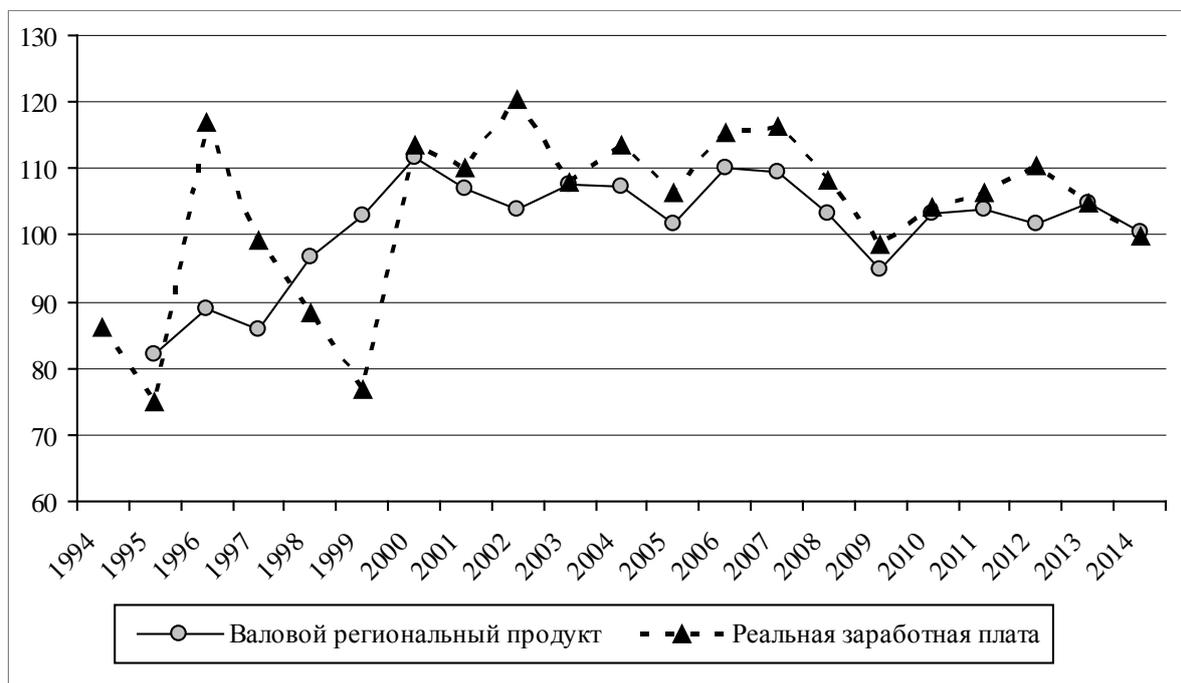
Примечание. Ввиду ограниченности сопоставимой статистической информации, при проведении анализа были использованы данные за 2005–2014 гг.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

что оплата наемного труда в основных для Алтайского края видах экономической деятельности (сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах, торговле и в сфере недвижимости) составляет порядка 40% в формировании ВРП.

Увеличение удельного веса оплаты труда в формировании ВРП в 2014 г. в сравнении с 2005 г. было зафиксировано в сфере торговли (в 1,5 раза). Отличительной особенностью преобладающих тенденций в формировании валовой добавленной стоимости за счет оплаты труда наемных работников в российской экономике, в сравнении со спецификой формирования структуры ВРП Алтайского края, явилось увеличение доли оплаты труда в сферах здравоохранения, государственного управления, финансовой деятельности.

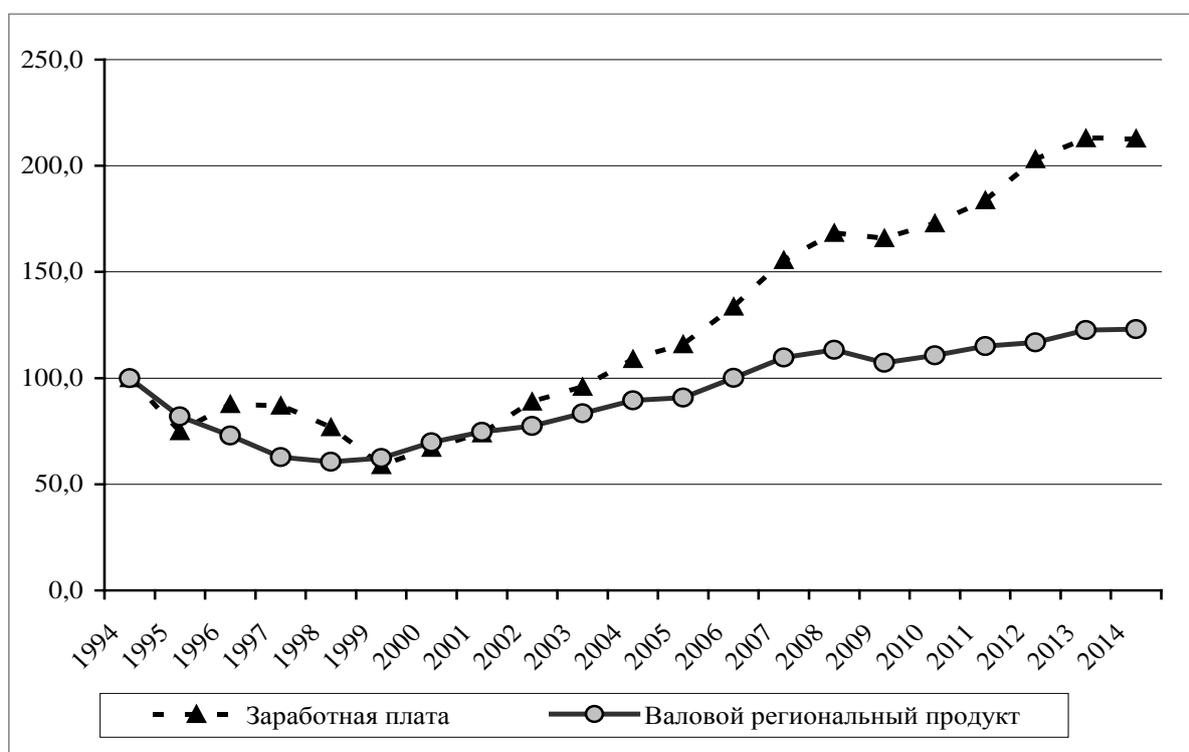
Динамика индексов физического объема ВРП и реальной заработной платы в Алтайском крае за 1994–2014 гг. свидетельствует о том, что заложенные тенденции в их изменении за первое десятилетие данного периода являлись определяющими в характеристике удельного веса заработной платы в ВРП в 2000-х годах. С 1994 по 2000 год (за исключением падения индекса физического объема ВРП от уровня предыдущего года на 3,1 п.п. в 1997 г.) в экономике Алтайского края преобладали ежегодные темпы роста ВРП (рис. 7.6).

Примечание. За 1994–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.6. Динамика индекса физического объема ВРП и объема реальной заработной платы в Алтайском крае в 1994–2014 гг., % к предыдущему году

Примечание. За 1994–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Рис. 7.7. Динамика ВРП и заработной платы в Алтайском крае в сопоставимых ценах, 1994 г. = 100%

С позиции существовавшего в российской экономике в этот период трансформационного кризиса данные темпы прироста валового продукта не способствовали выходу экономики Алтайского края из кризисного состояния. И вплоть до 1998 г. включительно происходило падение объема ВРП от уровня 1994 г. (рис. 7.7).

Проведенный анализ динамики оплаты труда в Алтайском крае показал, что в первом десятилетии экономических преобразований (до 2000 г.) происходило падение реального уровня средней заработной платы в регионе. После начала 2000-х годов, на фоне наметившейся стабилизации российской экономики, в Алтайском крае также стали формироваться тенденции роста реальной заработной платы. Однако ее изменения за период с 1994 по 1999 год несколько отличались от динамики ВРП. Отличия состояли в увеличении индекса реальной заработной платы в 1996 г. в сравнении с 1995 г. на 42 п.п. (см. рис. 7.6). Однако в последующие 3 года преобладавшие темпы ее ежегодного падения способствовали снижению реальной заработной платы в Алтайском крае в 1999 г. до 59% от уровня 1994 г. Начиная с 2000 по 2012 год ежегодные темпы роста реальной заработной платы были большими, чем темпы роста ВРП в регионе. Данный факт объясним прежде всего тем обстоятельством, что падение реальной заработной платы в период трансформационного кризиса было настолько существенным, что на последующем этапе восстановительного роста, начиная с 2002 г., ее темпы роста были больше темпов роста ВРП Алтайского края.

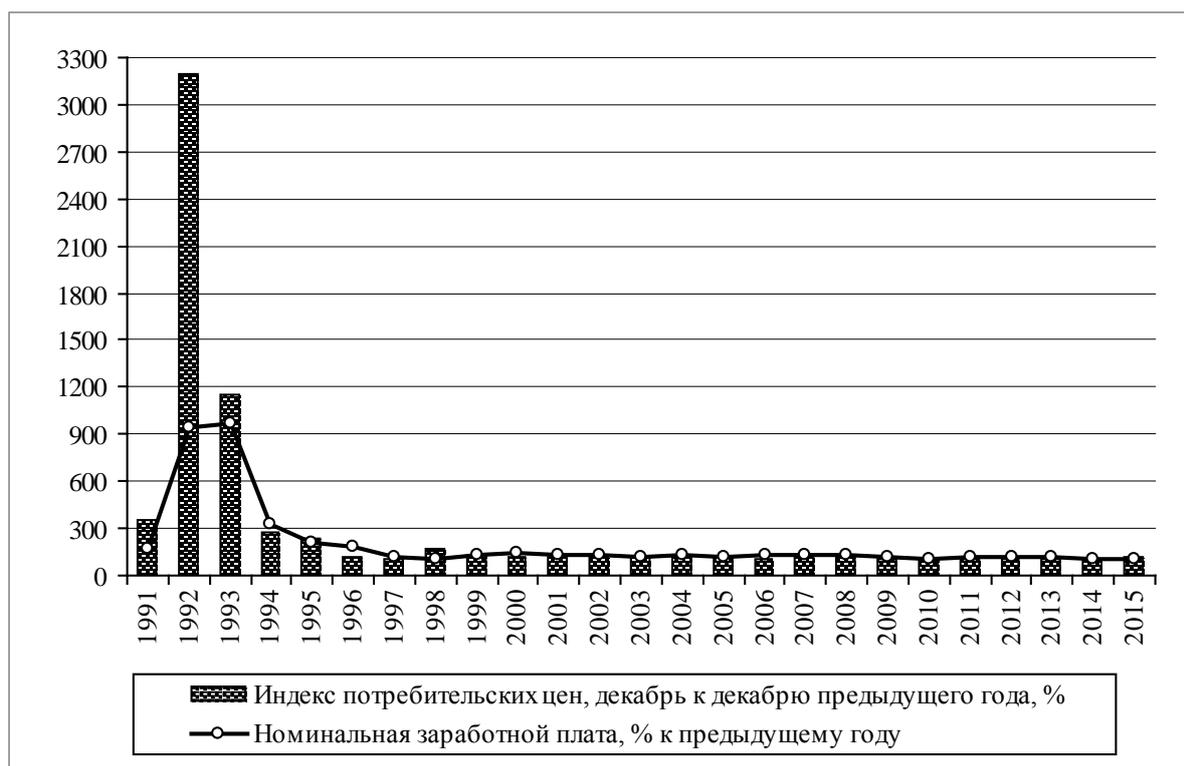
За 2013–2014 гг. данные тенденции изменились. В 2013 г. прирост ВРП и реальной заработной платы в экономике Алтайского края был одинаковым¹. В 2014 г. прирост валового продукта составил 0,4%, а снижение реальной заработной платы составило 0,1% от уровня предыдущего года.

Анализ динамики номинальной заработной платы и индекса потребительских цен в Алтайском крае показал, что за первые 3 года рыночных реформ потребительские цены существенно превосходили уровень начисленной номинальной заработной платы в регионе. Несмотря на ежегодные темпы ее роста, превосходящие уровень цен (в 1996–1997 гг., 1999–2013 гг.), произошедшее обесценение средней заработной платы в 1991–1993 гг. не было компенсировано (рис. 7.8).

Период восстановительного роста (2000–2007 гг.) и наступление кризиса 2008 г. способствовали ежегодному увеличению средней номинальной заработной платы в регионе в среднем на 29% в год. При этом монетарного воздействия на экономику региона в этот период не было. Рост средней заработной платы в 2000–2008 гг. не оказал влияния на рост потребительских цен (в среднем 14%) в регионе в этот период.

Исследование среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности и среднегодовой численности занятых в них наемных работников позволяет оценить, насколько оплату труда наемных работников, как одного из источников дохода в валовом региональном продукте, можно рассматривать с позиции потенциальных расходов для формирования внутреннего рынка и развития экономики региона в целом.

¹ Особенностью российской экономики в 2013 г. было превышение темпов роста заработной платы над темпами роста ВВП. См. подробнее: **Май В.** В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 12.

Примечание. 1994–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Рис. 7.8. Номинальная заработная плата и индекс потребительских цен в Алтайском крае, %

Несмотря на происходящие положительные изменения в динамике величины средней заработной платы, по ряду ведущих отраслей в экономике региона получаемые трудовые доходы по-прежнему остаются ниже среднерегionalного значения. Так, по официальным статистическим данным, в 2015 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, занятых в ведущих для экономики Алтайского края видах экономической деятельности, была ниже средней по региону¹. В одной из ведущих отраслей специализации, какой является отрасль сельского хозяйства в Алтайском крае, – на протяжении всего анализируемого периода средняя заработная плата оставалась ниже средней по региону (за исключением 1990 г.). На этапе трансформационного кризиса 1992–1998 гг. заработная плата в данной сфере снизилась до 56% от средней по региону.

В сфере промышленности на протяжении 1990–1998 гг. заработная плата занятых превосходила среднее значение по региону (кроме 1994 г.). Аналогичная тенденция наблюдалась в сферах строительства, транспорта и связи. По данным статистики, в 1998 г. в данных сферах заработная плата составляла 116,0%, 151,8% и 165,3% от средней по региону соответственно. Еще большее значение средней заработной платы наблюдалось в сферах финансов и государственного управления – 220 и 176% от среднерегionalного значения, соответственно. В отраслях социальной сферы (здравоохранении, образовании, культуры) заработная плата составляла в этот период 60–80% от средней по региону.

¹ Алтайский край в цифрах. 2011–2015 : крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – 2016. – С. 54.

В 1999–2008 гг. средняя заработная плата в рассматриваемых отраслях в сравнении со средним значением по региону в целом сохранила сформированные в предыдущем периоде пропорции. Так, в отрасли сельского хозяйства отставание средней заработной платы от среднего значения по региону сохранилось, а в начале 2000-х годов даже увеличилось. В 2005 г. данный показатель составил 50,3% от средней по региону.

В сфере промышленности в последующие 3 года после кризиса 1998 г. средняя заработная плата составляла 115–116% от среднерегионального значения. Однако начиная с 2002 г. данный показатель стал снижаться, и в 2007 г. в сфере обрабатывающих производств Алтайского края снизился до 96,7% от средней по региону. Прежнее значение наблюдалось в сфере производства и распределения электроэнергии – 110–130% от среднего значения по региону.

Сферами экономической деятельности, сохраняющими высокий уровень средней заработной платы относительно среднего значения по региону, оставались государственное управление и финансовая деятельность. За 1999–2007 гг. средняя заработная плата работников сферы государственного управления составляла 155–178% от средней по краю, в финансовой деятельности – превосходила в 2,5–3,5 раза.

В сферах образования и здравоохранения заработная плата оставалась ниже средней по краю. Так, к 2007 г. в сфере образования заработная плата составляла 76,9% от средней по региону, в здравоохранении – 95%.

Этап мирового финансового кризиса 2008 г. и следующий за ним 2009 г. сопровождался ростом средней заработной платы по ряду отраслей. В сравнении с 2007 г. рост средней заработной платы в сельском хозяйстве относительно среднерегионального значения составил 9,3 п.п., в сфере операций с недвижимостью – 16,7 п.п. Снижение заработной платы в этот период произошло в сфере строительства, составив 16,4 п.п., финансов – 53 п.п., торговли – 5,4 п.п., здравоохранения – 4 п.п.

Следующий этап восстановления экономики Алтайского края, начавшийся в 2010 г., и продолжавшийся на протяжении 2011 г., положительно сказался на росте заработной платы в ведущих отраслях. Так, в сравнении с докризисным периодом 2007 г. и кризисом 2008 г., увеличение средней заработной платы произошло в сфере сельского хозяйства, обрабатывающих производств и торговли относительно среднего значения по экономике региона.

В 2012–2014 гг. на этапе стагнации экономики происходило увеличение номинального значения средней заработной платы в отраслях, и в экономике всего региона. Однако соотношение средней заработной платы по отраслям со средней по региону изменилось. Так, в ведущих отраслях экономики края в 2012–2013 гг. средняя заработная плата занятых в сельском хозяйстве увеличилась до 73% от средней по региону, в сфере торговли – до 77%.

Изменение заработной платы нельзя рассматривать без исследования динамики численности занятых. Среди основных факторов, сказавшихся на возрастании доли оплаты труда в ВВП, в докладе И.А. Погосова, Е.А. Соколовской обозначены структурные сдвиги, связанные с увеличением численности занятых в финансовой сфере и сокращением количества работников в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве¹.

В целом необходимо отметить, что за период 1990–2014 гг. в экономике Алтайского края произошло снижение общей численности занятых. На этапе трансформационного кризиса были сформированы изменения в структуре распределения занятых по

¹ Погосов И.А., Соколовская Е.А. Факторы долговременного экономического роста в России: научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – С. 20–21.

отраслям экономики. Прежде всего, начиная с 1991 по 1998 год, в экономике Алтайского края происходило снижение среднегодовой численности занятых. В этот период в сфере сельского хозяйства численность занятых уменьшилась, но в общей структуре занятых в экономике края ее доля составила 21–23%. Существенные изменения в структуре занятых за этот период произошли в сфере промышленности. Если в 1990 г. в общей структуре занятых в экономике Алтайского края около 30% было занято в сфере промышленности, то в 1998 г. была занята только пятая часть. Аналогичные изменения произошли в сфере строительства. Снижение численности занятых в общей структуре с 10,6% в 1990 г. до 6,2% в 1998 г. при сохранении в этот период заработной платы, превышающей среднерегиональное значение, несло в себе отрицательные тенденции для экономического развития края.

Завершение этапа трансформационного кризиса сопровождалось снижением общей численности занятых в экономике Алтайского края. Распределение занятых в ведущих для экономики края отраслях в 1998 г. свидетельствует о сокращении общей численности в сфере промышленности до 20,4%, в сельском хозяйстве – до 21,8%. В торговле среднегодовая численность занятых увеличилась, составив в 1998 г. 13,1% от общей численности занятых в экономике Алтайского края.

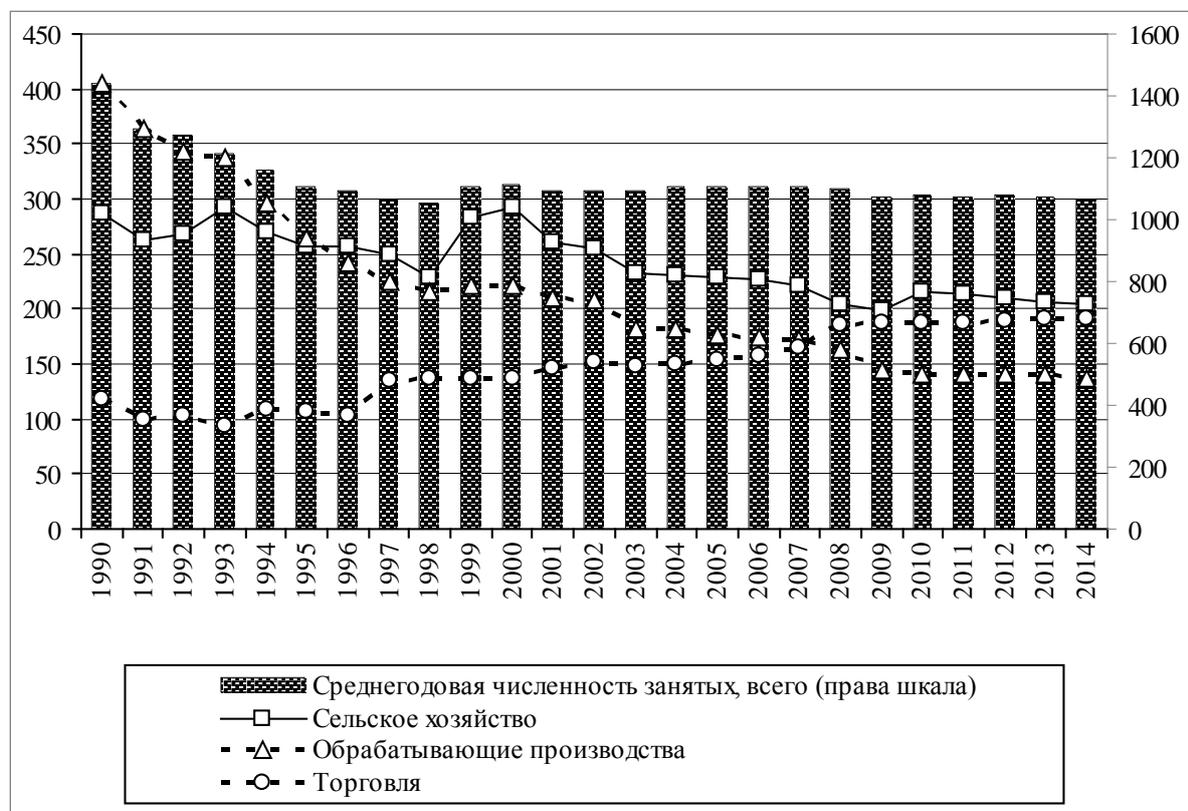
После кризиса 1998 г. наступивший этап восстановительного роста позволил увеличить среднегодовую численность занятых за 1999–2000 гг. в сфере сельского хозяйства до 291,9 тыс. чел. В последующие годы численность занятых в данной отрасли снижалась и в период наступления новой волны кризиса 2008–2009 гг. достигла 199,4 тыс. чел. Аналогичная тенденция наблюдалась и в сфере промышленности, достигнув минимального значения в сфере обрабатывающих производств до 139,9 тыс. чел. В 2010 г. в сфере торговли за период восстановительного роста приток численности занятых составил порядка 20%. Новая волна кризиса 2008–2009 гг. способствовала увеличению численности занятых до 187 тыс. чел. в данной сфере и сохранению наметившихся тенденций в обозначенных отраслях до 2014 г. В 2014 г. среднегодовая численность занятых в экономике Алтайского края уменьшилась до значения 1997 г., составив 1063,8 тыс. чел. (рис. 7.9).

Важным условием сохранения экономически активного населения на территории региона как одного из основных факторов формирования его конкурентных преимуществ является наличие рабочих мест с оплатой труда, позволяющей обеспечить необходимый уровень воспроизводства рабочей силы. Последнее предполагает, что нижней границей начисляемой оплаты труда наемных работников должен быть установленный в регионе прожиточный минимум, ниже которого воспроизводство рабочей силы является невозможным. Однако в 2015 г. заработная плата около 1/4 работников организаций в Алтайском крае была ниже величины прожиточного минимума¹, а для 5,1% работников от общей численности занятых в регионе² заработная плата была зафиксирована на уровне и менее установленного в РФ минимального размера оплаты труда³. Немногим больше, чем установленный МРОТ для внебюджетного сектора в Алтайском крае (от 5965,1 до 7400,0 руб.), получали в этот период 8,3% занятых (табл. 7.7).

¹ Труд и занятость в России. 2015: региональное приложение [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.03.2016 г.).

² Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года: стат. бюллетень / Росстат. – М., 2015. – С. 68–76.

³ Согласно ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 01.12.2014 г. № 408-ФЗ с 1 января 2015 г. МРОТ на территории Российской Федерации был установлен в размере 5965 руб. в месяц.

Примечание. С 1990 по 2002 год данные по численности занятых приведены в целом по отрасли «Промышленность».

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.9. Среднегодовая численность занятых в экономике Алтайского края в 1990–2014 гг., тыс. чел.

Таблица 7.7

Распределение численности работников организаций по размерам начисленной заработной платы в Алтайском крае за апрель 2015 г.

Величина начисленной заработной платы, руб.	Численность занятых, %
До 5965,0	5,1
От 5965,1 до 7400,0	8,3
От 7400,1 до 9000,0	7,8
От 9000,1 до 18600,0	38,5
От 18600,1 до 30000,0	23,5
От 30000,1 до 75000,0	15,5
От 75000,1 до 250000,0	1,3

Источник: Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 г.: статистический бюллетень / Росстат. – М., 2015. – С. 68–76.

Такой размер трудового дохода наемных работников не позволяет обеспечить удовлетворение минимальных потребностей в еде, одежде, жилье. В этом смысле у работника утрачивается экономический мотив для реализации своей рабочей силы и увеличения производительности труда. При таких условиях собственники рабочей силы теряют возможность не только для развития своего человеческого капитала при получении дополнительного образования и повышения квалификации, но и в целом для воспроизводства своей рабочей силы.

В основе сложившейся за годы экономических реформ дифференциации в размерах начисляемой заработной платы работников организаций Алтайского края отсутствует принцип научно обоснованного установления заработной платы работников, позволяющий сочетать специфику отраслей региона и уровень образования рабочей силы¹. Данный факт подтверждается наличием существенной разницы в уровне средней заработной платы квалифицированных работников сферы промышленного производства, строительных организаций, транспорта и связи, ДПИ и средней заработной платы квалифицированных работников ЖКХ и торговли. Более того, заработная плата квалифицированных рабочих сферы промышленного производства, строительства, транспорта и связи в среднем не на много отличается от оплаты труда специалистов высшего уровня квалификации (табл. 7.8).

Таблица 7.8

Отклонение средней начисленной заработной платы работников организаций по занятиям от средней по Алтайскому краю в 2013 г., руб.

Показатель	Отклонение
Руководители организаций и их структурных подразделений (служб)	12629
Специалисты высшего уровня квалификации	3434
Специалисты среднего уровня квалификации	-1843
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	-6240
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	-6235
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства и рыболовства	-6000
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	2384
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	1107
Неквалифицированные рабочие	-8061

Источник: Труд и занятость в России. 2015: региональное приложение [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.03.2016 г.).

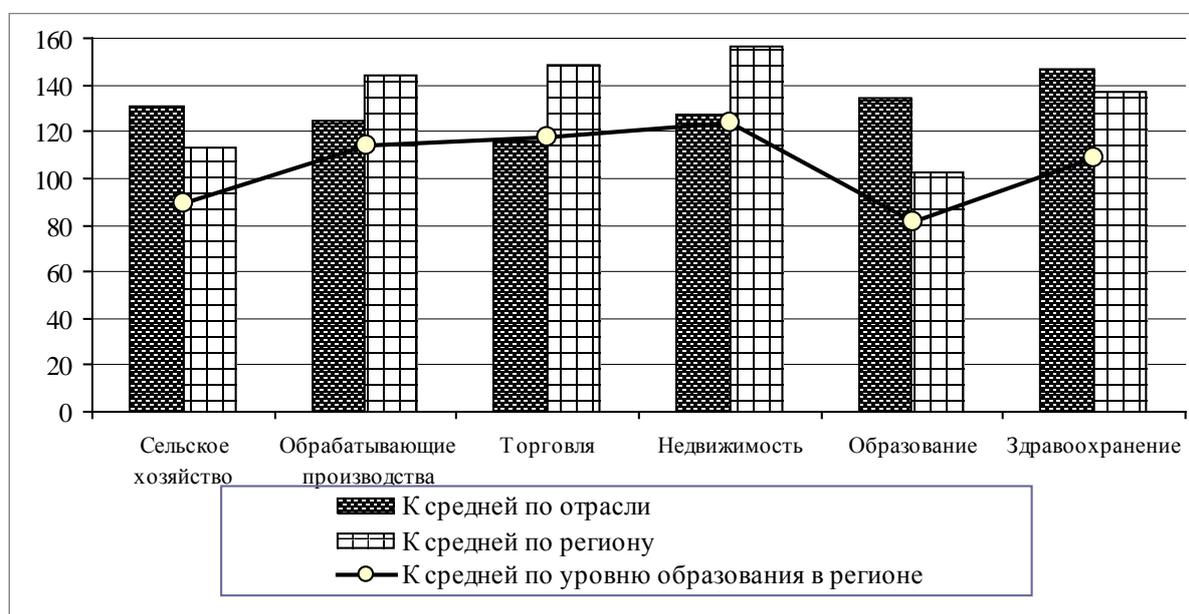
¹ Сохранение дифференциации в заработной плате как между работниками организаций различных отраслей, так между категориями работников, характерно в целом для российской экономики. См. подробнее: Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Российская экономика на повороте [Текст] : докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / Н.В. Акиндинова, Я.И. Кузьминов, Е.Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 17–18.

Установление заработной платы в отраслях экономики Алтайского края, исходя из уровня образования работников, имеет следующие особенности.

Во-первых, заработная плата работников, имеющих высшее образование, в 2015 г. превосходила как средний размер заработной платы, сложившийся в отдельно взятой отрасли, так и величину средней заработной платы по региону. Сравнительный анализ средней начисленной заработной платы работников с высшим образованием и величины средней заработной платы по региону для работников данного уровня квалификации позволяет выявить две отрасли – сельское хозяйство и образование, – где заработная плата была существенно ниже установленного среднерегионального значения (рис. 7.10).

Соотношение средней начисленной заработной платы работников, имеющих среднее профессиональное образование, со средней по региону заработной платой работников данного образовательного уровня позволило выявить сферы обрабатывающих производств, торговли и недвижимости, в которых заработная плата работников организаций Алтайского края превосходила средний уровень по региону на 29,7%, 34,4% и 6,6% соответственно.

Оплата труда работников, имеющих среднее общее образование, была ниже средней заработной платы по каждой отдельной отрасли. Оплата труда работников со средним общим образованием, занятых в торговле, недвижимости и обрабатывающих производствах, оставалась выше средней по соответствующему уровню образования в регионе (табл. 7.9).

Источник: Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 10.09.2016 г.), расчеты автора.

Рис. 7.10. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций Алтайского края в 2015 г. с высшим образованием, %

Таблица 7.9

Средняя начисленная заработная плата работников организаций
Алтайского края в 2015 г. по уровню образования, %

Вид экономической деятельности	К средней по отрасли			К средней по уровню образования в регионе		
	высшее	среднее профобразование	среднее общее	высшее	среднее профобразование	среднее общее
Сельское хозяйство	130,5	100,6	94,7	89,3	98,0	98,7
Обрабатывающие производства	125,0	99,7	90,3	114,2	129,7	125,7
Торговля	115,6	92,6	91,3	117,8	134,4	141,7
Недвижимость	126,9	76,7	73,8	123,9	106,6	109,8
Образование	134,5	67,5	51,3	81,1	57,9	47,1
Здравоохранение	147,1	91,6	59,6	108,6	96,3	67,0

Источник: Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 10.09.2016 г.), расчеты автора.

Во-вторых, работники одного уровня образования, но разных сфер экономической деятельности, имеют различный уровень оплаты труда. Исходя из данных, приведенных в таблице, видно, что оплата труда работников сферы образования на 18,9% ниже среднерегионального значения заработной платы в сфере высшего образования. Оплата труда работников сферы образования, имеющих среднее профессиональное образование ниже заработной платы занятых в данной образовательной группе, например, в сфере торговли на 76,5 п.п.

Таким образом, необоснованная дифференциация в оплате труда работников разных отраслей во многом основана на снижении значимости уровня образования как критерия установления оплаты труда.

Несмотря на рост средней заработной платы, сложившееся за годы реформ отставание начисленной заработной платы работников сельского хозяйства, торговли, отраслей, формирующих человеческий капитал, от среднерегионального значения, а во многих случаях установление ее размера на уровне одного прожиточного минимума и ниже, не создает экономических предпосылок для воспроизводства работника и членов его семьи. Низкий уровень заработной платы порядка 2/3 занятого населения Алтайского края¹ не позволяет им активно участвовать в формировании платежеспособного спроса в сфере жилищного строительства, финансовых операций, развития сектора оказания платных услуг населению и т.д. При сохранении данной ситуации в области оплаты труда будет происходить увеличение бедности и сокращение квалифицированных кадров в значимых для развития региона отраслях, что является серьезным ограничением в повышении конкурентоспособности его экономики.

¹ Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 г.: статистический бюллетень / Росстат. – М., 2015. – С. 68–76.

Глава 8

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА И СБЕРЕЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАЯ

8.1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

В условиях сокращения численности населения вопросы сбережения и повышения качества человеческого потенциала, его трудовой компоненты приобретают особую актуальность для устойчивого развития территориальных образований различного уровня, в том числе сельских. Именно от степени и качества их решения в значительной мере зависит экономическое и социальное развитие деревни, продуцирование современных рабочих мест в индустриальной экономике и сфере услуг и их обеспечение необходимыми трудовыми ресурсами, снабжение городов продовольствием и поддержание экологического равновесия, сохранение культурного наследия и социального контроля над обширной российской территорией¹.

Под трудовым потенциалом сельских территорий будем понимать совокупность динамично развивающихся физических и духовных сил сельских сообществ, которые могут быть использованы в процессе трудовой деятельности. При определении трудового потенциала авторы опирались на научные подходы российских и зарубежных ученых к изучению человеческого потенциала в целом и трудового в частности, и в первую очередь труды Т.И. Заславской². Раскрывая его сущность и особенности, следует акцентировать внимание на следующих основных моментах:

1) трудовой потенциал является важнейшей компонентой человеческого потенциала и характеризует не только достигнутый уровень развития и использования ресурсов труда, но и оценивает возможности их совершенствования в перспективе;

2) трудовой потенциал не равен сумме потенциалов отдельных работников (реальных и потенциальных), это некоторое другое качество, характеризующее сельское трудовое сообщество как нечто целостное, динамичное, способное к саморазвитию;

¹ Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416; **Стратегия** развития сферы труда и занятости населения Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] (утверждена Постановлением администрации Алтайского края от 24.12.2013 № 684) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/04a/Post684_131224.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

² Заславская Т.И. Избранное в 3-х т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – С. 348–387; Заславская Т.И. Динамика человеческого потенциала / Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск : Наука, 2003. – С. 75–92; **Перспективы** и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.; Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416..

3) трудовой потенциал неразрывно связан с трудовой деятельностью, которая лежит в основе его формирования и реализации, а также с другими компонентами человеческого потенциала;

4) трудовой потенциал играет ключевую роль в устойчивости сельских территориальных социально-экономических систем, являясь ее системообразующим фактором и движущей силой развития.

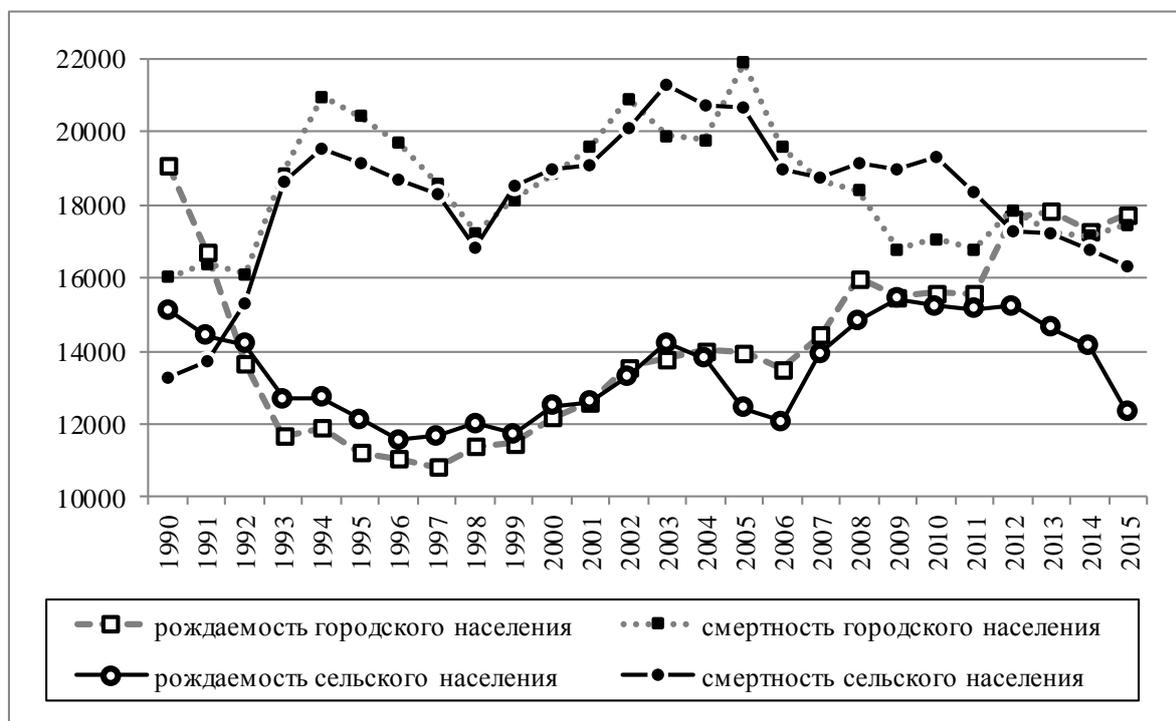
Исходя из вышеизложенного, трудовой потенциал сельских территорий – это интегральная оценка трудоспособности сельского населения, отражающая масштабы, уровень и перспективы ее развития.

В основу количественной оценки трудового потенциала можно взять показатели численности экономически активного населения, трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте, базирующиеся на данных обследований населения по проблемам занятости (с 2015 г. – рабочей силы), балансов трудовых ресурсов и переписей населения. Трудовой потенциал можно рассчитать как сумму произведений возрастных показателей соответствующих групп населения на потенциальную продолжительность их трудовой активности, или в более общем виде как произведение численности экономически активного населения (трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте) на среднюю продолжительность его (их) трудовой активности.

В данной работе мы попытаемся оценить трудовой потенциал сельских территорий Алтайского края на основе показателей экономической активности населения. По данным Росстата, в 2015 г. численность экономически активного сельского населения Алтайского края составила 468 тыс. человек, его средний возраст был равен 40,9 лет, а максимальный возраст трудовой активности, принятый в нашей стране, – 72 года. Исходя из этих данных, трудовой потенциал сельских территорий составлял 14,6 млн человеко-лет. По сравнению с 2000 г. он уменьшился на 17%. Устойчивая тенденция его сокращения наблюдается с 2006 г. и сохранится и в долгосрочной перспективе. Прогнозные расчеты показывают, что в зависимости от варианта развития в 2020 г. трудовой потенциал сельских территорий края может составить от 12 до 16 млн человеко-лет.

Наибольший вклад в сокращение трудового потенциала села внесла естественная убыль населения. Начиная с 1992 г. за счет превышения смертности над рождаемостью алтайская деревня потеряла более 120 тыс. человек. После начала «шоковых» экономических реформ ежегодно умирает 15–20 тыс. селян (рис. 8.1) – это в 1,5 раза больше, чем в 60–80-е годы прошлого столетия. Этот рост был вызван как увеличением возрастных интенсивностей смертности, так и повышением доли лиц старших возрастов в структуре населения. Среди причин смерти доминируют болезни систем кровообращения, онкологические заболевания и так называемые внешние причины (несчастные случаи, травмы, отравления, убийства и самоубийства, особенно среди мужчин в возрасте до 49 лет), – их суммарная доля в общей структуре смертности превышает 75%. В Российской Федерации, в одной из первых из числа развитых стран, граждане в наиболее трудоактивном возрасте, столкнувшись с ситуацией, при которой ухудшилось их социальное положение, потеряв работу и лишившись надежды ее найти, стали «убивать себя» умышленно и непреднамеренно, быстро и медленно¹.

¹ Sandbu M. (2015). The underemployment epidemic. Financial Times, November 6.

Источник: Данные Алтайкрайстата, расчеты авторов.

Рис. 8.1. Рождаемость и смертность населения Алтайского края, чел.

Если в 1990-е годы абсолютные индикаторы смертности сельского населения в целом были ниже, чем городского, то в 2000-е годы преобладало обратное соотношение. Общие коэффициенты сельской смертности традиционно превосходили аналогичные показатели в городах на протяжении всего исследуемого периода. Смертность мужчин, проживающих в сельской местности, на 20% превышает смертность сельских женщин, а в трудоспособном возрасте – более чем в 3 раза. Вместе с тем необходимо отметить, что начиная с 2011 г. наметилась тенденция устойчивого снижения смертности всех категорий сельского населения, а ее абсолютные значения стали меньше, чем в городах.

Если показатели смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте, непосредственно влияют на текущие оценки трудового потенциала, то рождаемость в значительной степени определяет их динамику в перспективе.

В динамике рождаемости в 1990-е годы также преобладали негативные тенденции (см. рис. 8.1). Среднегодовая численность родившихся в сельской местности Алтайского края в эти годы уменьшилась более чем в 1,5 раза по сравнению с предшествующим аналогичным периодом, общий коэффициент рождаемости снизился на 8,3 пунктов промилле, а суммарный – на 40%. Этот процесс в той или иной мере затронул почти все категории родившихся, независимо от возраста матери, очередности рождений, места проживания и уровня образования родителей. На протяжении почти всего исследуемого периода показатели рождаемости не обеспечивали простого воспроизводства сельского населения, а их существенное падение сформировало новую отрицательную демографическую волну, последствием которой является ничем невозполнимое сокращение населения сначала в младших группах репродуктивного и трудоспособного возрастов, а затем и в более старших.

В 2000-е годы наблюдалась волнообразная динамика рождаемости, но преобладала тенденция ее роста. Этому способствовало вступление в детородный возраст относительно многочисленного поколения женщин, родившихся в 80-е годы прошлого столетия, и меры по ее стимулированию. Среднегодовое число родившихся по сравнению с 1990 годами увеличилось более чем на 1000 человек. Общий коэффициент рождаемости вырос на 18,3%. В течение почти всего периода отмечался рост суммарного коэффициента рождаемости, а с 2010 г. он превышает 2,15, т.е. создаются предпосылки для расширенного воспроизводства сельского населения. Однако в настоящее время оба источника увеличения рождаемости близки к исчерпанию.

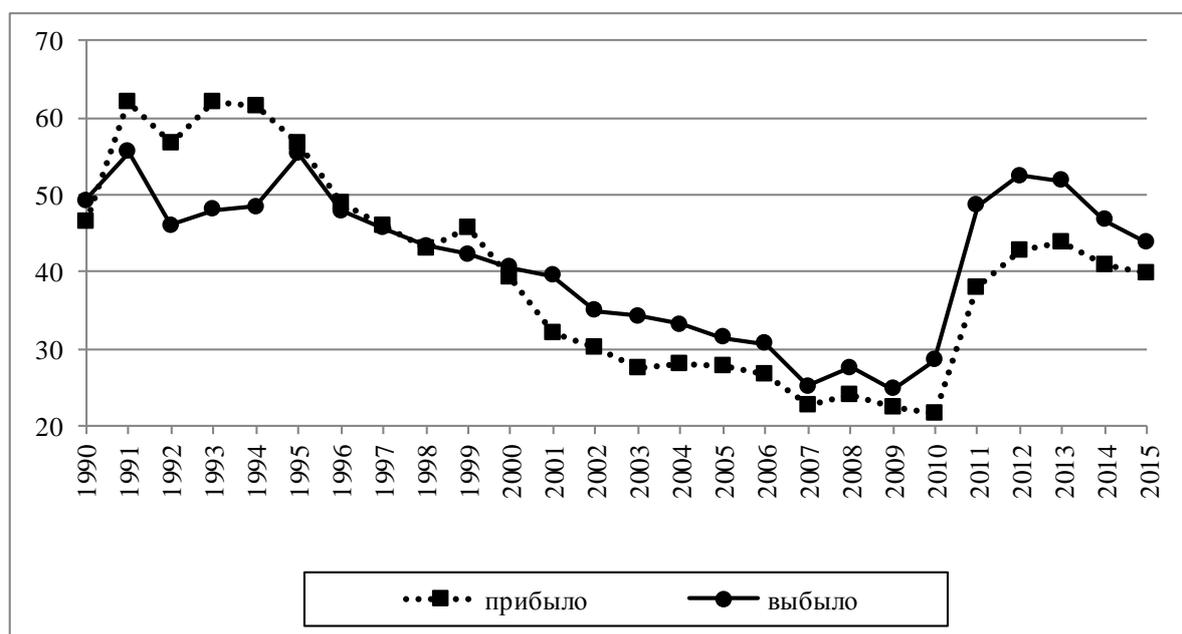
На протяжении всего анализируемого периода общие коэффициенты рождаемости в сельской местности превосходили аналогичные показатели в городах. Тренды в ее динамике в основном совпадали с трендами рождаемости в городах. Однако темпы изменения сельской и городской рождаемости заметно отличались.

По данным социологических опросов, 13% сельских жителей моложе 45 лет намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка, 19% – 2 и 5% – 3 и более. Вместе с тем 63% респондентов не хотят (или больше не хотят) заводить детей, из них 9% – по состоянию здоровья, примерно столько же – из-за низких доходов и плохих жилищных условий и около 30% – «просто не хотят». Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы в зависимости от их социально-демографических, социально-экономических и социально-психологических характеристик. Больше других социальных групп детей хотят: мужчины, лица в возрасте до 24 лет, холостые и не замужем, с более низким уровнем образования, занятые в экономике, материально обеспеченные, проживающие с родителями, уверенные в настоящем и с оптимизмом смотрящие в будущее.

Следующим по значимости фактором, определяющим динамику трудового потенциала в сельской местности, является миграция¹. В рассматриваемый период в Алтайском крае она характеризовалась сокращением миграционной активности сельского населения, его перераспределением из республик Средней Азии и Казахстана на Алтай, появлением беженцев и вынужденных переселенцев, массовым оттоком немцев в Германию, ухудшением миграционных связей с регионами Российской Федерации, увеличением доли внутрикраевых перемещений населения, развитием новых видов трудовой миграции. Новые тенденции наблюдались в сельско-городской миграции – замедление процессов урбанизации и преимущественное переселение горожан в село в отдельные годы. Существенные деформации произошли в механизме территориального перераспределения населения. Среди факторов, определяющих миграционное поведение населения, наряду с социально-экономическими важное место заняли национально-этнические, демографические и политические. Следует также отметить снижение управляемости миграционными процессами и увеличение масштабов нелегальной миграции.

В настоящее время миграционная активность сельского населения края довольно низкая. Если в 1980 годы в территориальных перемещениях участвовало более 100 тыс. человек в год, то сегодня этот показатель снизился почти в полтора раза (рис. 8.2). Миграционный прирост сельского населения наблюдался в течение первых пяти лет исследуемого периода и являлся основным источником сохранения демографического потенциала алтайского села. Однако в 1995 г. он сменился на ми-

¹ **Taylor J.E.** Human Capital: Migration and Rural Population Change // Handbook of Agricultural Economics. [Electronic resource]. – URL: <http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf> (дата обращения: 13.08.2016 г.).

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 8.2. Миграция сельского населения Алтайского края, тыс. человек

грационную убыль, которая в 2015 г. составила 3,9 тыс. чел., положительный миграционный баланс сохраняется только со странами ближнего зарубежья. Отличительной чертой этого вида миграций являлось возвращение бывших сельских жителей края, ранее его покинувших, и их детей в места первоначального проживания.

Именно эта категория граждан обеспечивала основной механический прирост сельского населения в 1990-е годы. Значительная часть этих миграций в первое десятилетие анализируемого периода носила вынужденный характер.

По данным социологического обследования, в структуре движущих сил миграции из новых независимых государств в Алтайский край в эти годы первое место занимали национально-этнические факторы. Более 80% респондентов подвергались дискриминации по признаку национальной принадлежности. Ущемление своих прав они ощущали в сфере занятости (при приеме на работу, в уровне заработной платы, в продвижении по службе), во время приватизации, в учреждениях образования (при поступлении на учебу, в отказе обучаться на родном языке), в сфере законодательства, при получении гражданства, а также в сокращении времени вещания радио и телевидения на русском языке, в переименовании поселений и улиц, на бытовом уровне. На втором месте находились социально-экономические причины, связанные с потерей работы, отсутствием возможностей оплачивать жилье и получать хорошее образование, неясностью перспектив для себя и детей. Третье место занимали демографические факторы. И на последнем месте находились экологические факторы. В последнее десятилетие происходило постепенное восстановление доминирующей роли социально-экономических факторов миграции, что свидетельствует о преобладании в территориальных перемещениях населения добровольных миграций.

Наиболее тесные миграционные связи из стран СНГ у Алтая сложились с Казахстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. В 2014–2016 гг. существенно увеличился приток иммигрантов с Украины.

В миграциях со странами дальнего зарубежья наибольшее распространение получили процессы выбытия алтайских немцев в Германию, в 1990–2000 гг. алтайское село покинуло около 80 тыс. человек. Однако миграционный потенциал немцев Алтая постепенно снижался и в последние годы на историческую родину выезжает около 300 человек в год.

Наибольший вклад в миграционную убыль сельского населения вносят межрегиональные миграции, особенно с ближайшими соседями – Новосибирской и Кемеровской областями, которые отличаются более высоким уровнем экономического и социального развития. В рассматриваемый период в межрегиональных территориальных перемещениях участвовало от 14 до 32 тыс. сельских жителей в год, а их вклад в миграционный оборот составлял от 21–35%. Особый интерес с точки зрения привлечения в регион дополнительных финансовых ресурсов представляют миграционные связи Алтая с северными и восточными территориями России. В то время как их среднегодовой миграционный потенциал оценивался в последние годы почти в 250 тыс. человек, в крае оседало менее 1% от общей численности выбывающего с этих территорий населения.

Значительная часть сельских жителей меняли место жительства в пределах края. В анализируемый период внутрирегиональный миграционный оборот составлял от 30 до 69 тыс. чел. в год, а его доля в общем объеме миграционных потоков – от 47 до 65%. Однако поскольку эти миграции носили более эквивалентный характер, их вклад в формирование миграционной убыли или прироста сельского населения была не столь значительна (менее 15%). Кардинально новые процессы наблюдались в сельско-городских миграциях в 1991–1993 гг., 1999 г. и 2005–2006 гг. из города в село выезжало больше переселенцев, чем в обратном направлении. Масштабы, направления и результаты внутрикраевого перераспределения населения определялись, главным образом, социально-экономическими факторами.

В результате межрегиональных и международных миграций алтайское село теряет более молодое и более образованное население. Исключение здесь составляют 1990-е годы, когда после распада Советского Союза в сельскую местность Алтая вынуждено устремились активные, дееспособные, высокообразованные и квалифицированные мигранты из новых независимых государств.

В годы социально-экономических преобразований одной из массовых стратегий активного экономического поведения сельского населения выступили временные трудовые миграции. Работа на выезде стала источником выживания для одних семей, сохранения привычного уровня жизни – для других и повышения материального благосостояния – для третьих.

Выездная работа явилась способом самореализации и условием экономической безопасности значительной части сельских жителей. По данным социологических опросов, в разные годы в трудовых миграциях участвовало от 2 до 5% сельских жителей. Подавляющая часть сельских жителей выезжали на работу в города края. Основными сферами приложения их труда являлись торговля, строительство, охранный бизнес. Кроме того, сельские трудовые мигранты Алтая работали на нефте- и газодобывающих предприятиях Тюменской области, металлургических предприятиях Кузбасса, в рыбной отрасли Дальнего Востока.

Отметим, что миграция является не только фактором, определяющим изменение трудового потенциала сельских территорий, но и важнейшим индикатором их привлекательности для населения. Миграционная убыль сельского населения свидетельствует о низкой конкурентоспособности сельских территорий.

В контексте устойчивого развития сельских территорий особое значение приобретает изучение миграционных установок и поведения молодежи. По данным социологических опросов, проведенных в 2008 г. и 2011 г., 95% молодых выходцев из села, обучающихся или работающих в городах, не намерены возвращаться в деревню, и от 50 до 65% молодых сельских жителей планируют уехать из села. Главными причинами формирования миграционных установок сельской молодежи являются отсутствие работы и желание улучшить свое материальное положение.

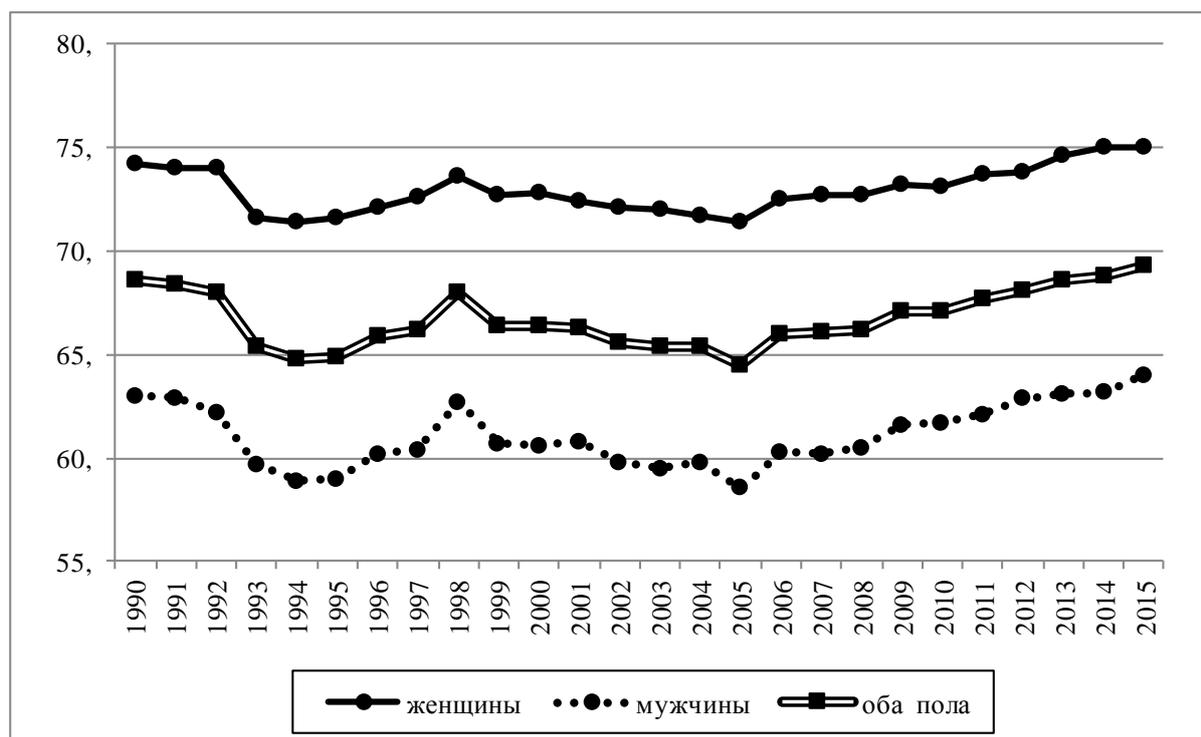
Степень использования трудового потенциала можно оценить через соотношение используемого в экономике трудового потенциала и общего трудового потенциала, в частности – через уровень занятости. В 2015 г. уровень занятости сельского населения Алтайского края был равен 53,5%, что на 7,2 п.п. ниже, чем в целом для российского села. За последние 10 лет он снизился на 12%. Все это свидетельствует о существенном недоиспользовании трудового потенциала и усилении негативных тенденций в данной сфере.

* Поскольку $Y_s = \frac{E}{MP_p + MP_{np}} = \frac{E \times (T - t)}{(MP_p + MP_{np}) \times (T - t)} = Y_L$ где Y_s – уровень занятости; E – численность занятых; MP_p – численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет; MP_{np} – численность экономически неактивного населения в возрасте 15–72 лет; Y_L – степень использования трудового потенциала; T – максимальный возраст трудовой активности, t – средний возраст экономически активного населения.

К качественным характеристикам трудового потенциала относятся образование, квалификация и состояние здоровья реальных и потенциальных работников.

Важнейшим индикатором здоровья населения является показатель ожидаемой продолжительности жизни. Он показывает число лет, которое предстоит прожить в среднем новорожденному при условии, что на всем протяжении его жизни при переходе из одного возраста в другой интенсивность смертности будет соответствовать современному уровню во всех возрастных группах. Этот показатель формируется под воздействием самых разнообразных факторов, начиная от уровня развития и эффективности функционирования системы здравоохранения, состояния окружающей среды и заканчивая сложившимися стереотипами поведения и психологическим самочувствием населения. В анализируемый период ожидаемая продолжительность жизни сельского населения Алтайского края 1990–1994 гг. и в 1999–2005 гг. уменьшалась, а в другие годы росла. Наихудшие значения этого показателя наблюдались в 1994 и 2005 гг., с 2006 г. отмечалась некоторая его стабилизация, а с 2008 г. – преимущественно рост (рис. 8.3). По продолжительности жизни село уступает городу (на 2,1 года), а сельские мужчины – сельским женщинам (на 11 лет).

Для измерения образовательной компоненты трудового потенциала чаще всего используются такие показатели, как охват населения различными видами обучения; среднее число накопленных лет образования; показатели, отражающие образовательную структуру населения, численность и долю в населении исследователей, обладателей научных степеней, занятых в НИОКР и в сфере образования; частные и бюджетные инвестиции в образование и т.п. Для оценки качества образования применяются различные виды тестирования, позволяющие измерить грамотность населения, потенциал обучаемости, уровень развития базовых навыков, необходимых для ориентации в обществе, уровень остаточных знаний у различных групп учащихся и студентов по

Источник: Данные Росстата.

Рис. 8.3. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения Алтайского края при рождении, лет

базовым предметам и др.¹ Рассмотрим некоторые из этих показателей применительно к сельскому населению Алтайского края, Сибири и России.

Уровень образования сельского населения Алтайского края несколько ниже аналогичных среднероссийских показателей и выше среднесибирских. По нашей оценке, в 2010 г. среднее число накопленных лет образования (уровень образования) алтайских селян составляло 11,0 лет, сельского населения России – 11,1, а СФО – 10,9. Образовательная структура сельских жителей Алтая несущественно отличалась от подобной структуры в России и Сибири. Несмотря на то что сельское население обладает достаточно высоким образовательным потенциалом, по уровню образования российское село в целом и алтайское в частности значительно уступают городу, здесь на 1,5 года меньше среднее число накопленных лет образования по сравнению с городом, более чем в 2 раза ниже доля лиц с высшим образованием и в 2 раза выше доля лиц с начальным образованием (табл. 8.1).

По сравнению с переписью 2002 г., в образовательной структуре сельского населения Алтайского края в целом произошли прогрессивные изменения, увеличилась доля лиц с более высоким общим и профессиональным образованием и сократилась – с более низким. При этом максимальные темпы прироста (снижения) отмечены в группах с высшим образованием (40%) и начальным профессиональным (–47%).

¹ Унтура Г.А., Яковлева Т.И., Евсеенко А.В. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2010. – С. 77–88.

Таблица 8.1

**Образовательная структура населения в возрасте 15 лет и старше (%)
и уровень образования (лет)**

Показатель	Год	Высшее и послевузовское	Неполное высшее и среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее и ниже	Уровень образования
Алтайский край								
Всего	2002	12,3	28,6	15,7	16,5	14,7	12,2	11,0
	2010	17,6	34,4	7,5	18,9	13,3	8,3	11,6
Город	2002	16,4	32,6	13,0	17,5	12,8	7,7	11,7
	2010	23,3	38,9	5,4	16,8	10,3	5,3	12,3
Село	2002	7,5	23,7	18,9	15,3	17,0	17,6	10,2
	2010	10,5	29,0	10,0	21,5	17,0	12,0	10,8
Сибирский федеральный округ								
Всего	2002	14,0	30,3	13,3	17,4	15,1	9,9	11,2
	2010	20,3	35,6	5,7	18,5	12,9	7,0	11,9
Город	2002	16,8	33,2	11,9	17,7	13,2	7,2	11,7
	2010	24,3	38,5	4,7	17,2	10,2	5,1	12,4
Село	2002	6,6	22,5	17,1	16,5	20,2	17,1	10,1
	2010	10,1	28,1	8,4	21,8	19,8	11,8	10,7
Российская Федерация								
Всего	2002	16,2	30,6	12,8	17,7	13,9	8,8	11,4
	2010	23,4	35,8	5,6	18,2	11,0	6,0	12,2
Город	2002	19,2	33,4	11,6	17,7	12,1	6,0	11,8
	2010	27,7	38,4	4,6	16,5	8,7	4,1	12,7
Село	2002	7,4	22,8	16,2	17,9	19,0	16,7	10,2
	2010	11,4	28,6	8,0	23,3	17,6	11,1	10,9

Источник: Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. и 2010 г., расчеты авторов.

В условиях сокращения контингента учащихся и стремительного роста количества вузов учреждения начального профессионального образования оказались наименее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг.

Другой негативной и отличительной для Алтайского края характеристикой последнего межпереписного периода является увеличение доли неграмотных среди сельской молодежи в целом на 24%, а в возрастной группе до 20 лет – в 2,5 раза. И хотя абсолютные значения показателей неграмотности невелики – это очень тревожная статистика. В стране до недавнего прошлого всеобщей грамотности относительно увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. И это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития?!

В целом в пореформенные годы в сфере общего и профессионального образования наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, строятся новые школы, улучшается их техническая база, развивается интернет, растет число высших учебных заведений, введение ЕГЭ увеличивает доступность качественного образования для талантливой молодежи. С другой стороны, закрываются малокомплектные школы и, соответственно, снижается территориальная доступность школьного образования для жителей малых поселений, непомерно разрастается административно-управленческий аппарат, униженно низко оплачивается труд преподавателей, растет его интенсивность, стареют кадры, меняется и, по мнению экспертного сообщества, не в лучшую сторону сама концепция образования – из сферы развития человека оно постепенно превращается в сферу все больше платных услуг со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими, культурологическими и другими последствиями. Качество образования в целом снижается, по яркому высказыванию Т.И. Заславской «дипломированных специалистов в стране становится все больше, а квалифицированных и ответственных работников – меньше»¹. Отмеченные процессы негативно сказываются на формировании трудового потенциала – как в городах, так и в сельской местности.

Распределение сельского населения по уровню образования тесно связано с его профессиональным составом, поскольку принадлежность работника к определенной профессионально-должностной группе предполагает наличие у него соответствующей квалификации и специализации. В процессе обучения и практической деятельности реальные и потенциальные работники приобретают необходимые знания, умения и навыки, требуемые для выполнения трудовых функций по определенным видам занятий. Сдвиги в профессиональной структуре показывают направления и темпы экономических, технико-технологических и социальных перемен. Основными инструментами, которые позволяют анализировать, измерять и сопоставлять профессиональную структуру населения, являются Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) и разработанный на ее основе Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ)², который представляет собой систематизированный перечень видов трудовой деятельности и предназначен для решения задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, оценки состояния и динамики структуры рабочей силы, анализа и прогноза показателей в сфере занятости и профессионального образования.

¹ Заславская Т.И. Избранное в 3-х т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – С. 378.

² Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 (ОКЗ) [Электронный ресурс] (утвержден постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих. В ОКЗ выделено 9 укрупненных профессиональных групп для гражданских занятий и 1 группа для военнослужащих, это – руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий; специалисты высшего уровня квалификации; специалисты среднего уровня квалификации; работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием; работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности; квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства; квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин; неквалифицированные рабочие; занятые на военной службе.

Исключение профессиональных характеристик населения из Всероссийской переписи населения 2010 г. не позволяет дать развернутую и более точную оценку профессионального состава сельских работников. По данным же социологического исследования, проведенного в 2011 г., в профессионально-должностной структуре сельского населения Алтайского края представлены все выделенные в соответствии с ОКЗ профессионально-должностные группы: руководители и специалисты высшего и среднего уровня квалификации, квалифицированные и неквалифицированные работники производственной и непроизводственной сфер экономики, а также занятые на военной службе (табл. 8.2). Для нее характерно преобладание носителей профессий неквалифицированного труда (примерно 24%), высокая доля специалистов высшего уровня квалификации, работников сферы обслуживания, торговли и ЖКХ, руководителей всех уровней управления (11–15%), значимая доля приходится на операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, квалифицированных рабочих сельского, лесного хозяйства, специалистов среднего уровня квалификации (6–10%), низкая доля работников, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом, и военнослужащих (0,8–2,5%).

К сожалению, сопоставимыми данными об изменениях в профессионально-должностной структуре сельского населения за весь анализируемый период мы не располагаем, однако отдельные оценки сделать можем. Сокращение реального сектора аграрной экономики и закрытие предприятий привели к тому, что многие квалифицированные специалисты и рабочие сменили высококвалифицированные занятия и профессии на менее квалифицированные. Массовым стало явление, когда лица с высшим образованием заняли места продавцов, экспедиторов, охранников. Квалифицированный труд с крупных сельхозпредприятий в значительных объемах вытеснен в ЛПХ и малый бизнес – сферы преимущественно ручного неквалифицированного труда.

Таблица 8.2

**Профессионально-должностная структура сельского населения
Алтайского края, %**

Группы занятий	Профессии и должности	%
1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	Руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, Россельхознадзора; директора школ, домов культуры, предприятий; заведующие детским садом, столовой; предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и др.	11,0
2. Специалисты высшего уровня квалификации	Учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и др.	15,2
3. Специалисты среднего уровня квалификации	Воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.	7,5
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	Секретари, операторы ПК, кассиры и др.	2,5
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	Продавцы, повара и другие работники общественного питания, парикмахеры, швея и массажистка	14,1
6. Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства	Фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.	6,4
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	Монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и др.	8,2
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	Водители, трактористы, машинист тепловоза	9,7
9. Неквалифицированные рабочие	Технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.	24,0
10. Занятые на военной службе	Техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок	0,8
11. Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия	–	0,6
Итого	–	100,0

Источник: Результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Из сказанного следует, что несмотря на некоторые позитивные изменения, трудовой потенциал сельских территорий Алтайского края сокращается и в значительной своей части не востребован, что негативно сказывается на устойчивости их развития и конкурентоспособности. Для сохранения демографического и трудового потенциалов в рамках Стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года и в соответствии с ней в крае разработаны Стратегия развития человеческого капитала, Стратегия развития сферы труда и занятости, ряд краевых и ведомственных целевых программ, реализуются приоритетные национальные проекты, направленные на улучшение материально-технической базы учреждений образования и здравоохранения, повышение качества и доступности образовательных и медицинских услуг, формирование и пропаганду здорового образа жизни, обеспечение доступности жилья, улучшение экологической ситуации в регионе¹. Их целью выступает стабилизация численности населения Алтайского края, в том числе в трудоспособном возрасте, и создание предпосылок для его роста. На основе краевых программ в ряде сельских территорий приняты муниципальные программы демографического развития.

8.2 ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ НА СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

В настоящем разделе мы остановимся на тех направлениях демографической и социально-трудовой политики, которые чрезвычайно актуальны для устойчивого инновационного развития сельских территорий, но не отражены или недостаточно глубоко проработаны в стратегических и программных документах их развития.

Повышение рождаемости. При решении данного вопроса необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время в репродуктивном возрасте пока еще находится последнее относительно многочисленное поколение россиян, родившихся в 1980-е годы (поколение 1990 гг. рождения почти в два раза малочисленнее), и если его представители не нарожают детей, то будущего у России в ее современных границах нет!

Вместе с тем по данным социологического опроса, проведенного в селах Алтая в 2011 г., 52% опрошенных в возрасте 20–49 лет на момент опроса не имели детей, 32% – имели по одному ребенку, 12% – двух детей и 2% – трех и более. Лишь 39% ре-

¹ **Стратегия** развития сферы труда и занятости населения Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] (утверждена Постановлением Администрации Алтайского края от 24.12.2013 № 684) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/04a/Post684_131224.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.); **Концепция** демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24.09.2001 № 1270-р) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт] – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya.html> (дата обращения: 20.11.2015 г.); **Концепция** демографического развития Алтайского края на период до 2025 г. (утверждена распоряжением Губернатора Алтайского края от 31.07.2015 № 54-рг) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/7a5/54r_2015.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.); **План** первоочередных мероприятий на 2002–2005 гг. по реализации в Алтайском крае Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://altai.news-city.info/docs/sistemasz/dok_ieqzwm.htm, **Стратегия** социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] (утверждена законом Алтайского края 21.11.2012 № 86-ЗС) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf.

спондентов из этой возрастной группы намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка. Однако, как показывают исследования демографов, только 40% репродуктивных намерений реализуется¹.

На рождаемость оказывают влияние многие факторы, в том числе условия жизни, состояние здоровья, нравственные установки, национальные традиции, образ жизни, уверенность в будущем и др. Опыт нашей страны показывает, что даже частичное использование отдельных факторов дает заметный эффект. Так, активная демографическая политика государства в 1980 годы позволила в кратчайшие сроки повысить рождаемость в крае до 17,5‰. В наши дни введение материнского капитала, увеличение пособий по беременности, родам и уходу за ребенком, наряду с чисто демографическими факторами, привели к росту рождаемости на 20%, а сельской – на 24%. Заметим, что сельчане в силу своего менталитета более отзывчивы на управленческие воздействия в сфере демографического воспроизводства, и это надо учитывать при формировании и реализации демографической политики.

Для того чтобы максимально использовать репродуктивный потенциал поколения перестройки и последующих поколений, важно задействовать весь комплекс экономических, институциональных, идеологических и других мер. Необходимо переориентировать экономику, политику, идеологию на приоритетное решение демографических проблем.

Сегодня наличие двух и более детей является одним из главных факторов сельской бедности. По мнению одного из экспертов, *«...около 70% семей, имеющих двух и более детей – это бедные семьи. Потому что сегодня иметь детей – большая роскошь. А семьи с тремя детьми – идут уже с минусом от прожиточного минимума. Мы проехали 48 районов и видели проблемы этих людей...»*.

Иметь детей должно быть идейно привлекательно, ценностно востребовано, морально ответственно и экономически выгодно. А для этого нужно пересмотреть налоговую, кредитную, страховую, а также жилищную, земельную, пенсионную и другие виды политик в пользу семей с детьми и предпринимателей, у которых работают взрослые члены этих семей и которые оказывают последним значимую поддержку. В частности, сократить подоходный налог и платежи в социальные фонды за работников, имеющих несовершеннолетних детей; предоставлять на льготных условиях семьям с детьми земельные участки, кредиты, в отдельных случаях безвозмездные ссуды для приобретения или строительства жилья, сокращать ипотечные кредиты, давать отсрочку по их платежам при рождении каждого ребенка, обеспечивать нуждающихся строительными материалами; повысить пенсионный возраст женщин до 60-х лет, с последующей возможностью его сокращения на 1–5 лет при рождении и воспитании одного, двух, трех и более детей.

Особую материальную поддержку оказывать одиноким матерям. В условиях глубоких гендерных диспропорций государство должно создать нормальные условия для рождения и воспитания детей каждой женщине, желающей их иметь. Необходимо строить и предоставлять нуждающимся социальное жилье, многократно увеличить материнский капитал и расширить направления его использования, в том числе на текущее потребление (при соответствующем контроле), удовлетворить потребность в детских дошкольных учреждениях.

¹ Снявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2009. – № 10. – С. 137.

Важно полнее учитывать духовно-нравственную составляющую демографического развития России и ее регионов, максимально задействовать потенциал многовековой российской культуры и традиционных религий в преодолении депопуляционных процессов. Проводить активную работу по созданию привлекательного образа семьи с детьми через СМИ, образовательные программы, социальную рекламу и т.п. Способствовать формированию негативного отношения к абортам, которые убивают более 30% зачатых детей и наносят невосполнимый вред репродуктивному здоровью женщин. Совершенствовать законодательное обеспечение демографической политики, ввести демографическую экспертизу нормативно-правовых актов, повысить качество и доступность демографической информации.

Укрепление здоровья населения и снижение смертности. По оценкам специалистов, каждое последующее поколение россиян обладает худшим здоровьем, чем предшествующее¹. Для того чтобы преодолеть долговременные негативные тенденции в этой сфере, необходимо укрепить здоровье детей и подростков, улучшить физическое и психическое состояние трудоспособного населения и сохранить здоровье пожилых людей. Здесь важно сделать правильный выбор приоритетов, который позволил бы сконцентрировать имеющиеся ресурсы на наиболее важных и перспективных направлениях работы, на решении проблем, которые достигли критической остроты и в то же время относятся к практически разрешимым.

Согласно данным ВОЗ, здоровье населения на 50% зависит от условий и образа жизни, на 20% – от состояния окружающей среды, на 20% – от генетических факторов и на 10% – от уровня медицинского обслуживания. Среди факторов здоровья более 70% занимают уровень, качество, условия и образ жизни населения, и было бы целесообразно основные усилия направлять в первую очередь на использование именно этих групп факторов.

В России почти половина всех смертей прямо или косвенно связана с потреблением алкоголя, наркотиков и с табакокурением². Ежегодно почти 1000 тыс. человек погибает от чрезмерного употребления спиртосодержащих напитков, болезней, вызванных курением, и от передозировки наркотиков. В сельской местности алкоголизм, наркомания и табакокурение распространяются все интенсивнее. В Алтайском крае имеются примеры, когда спиваются целые деревни, пьют дети и подростки; более половины взрослого населения и треть подростков курит; приграничный статус региона и прохождение через его территорию наркотрафика усиливают угрозу наркотизации населения. По данным социологического опроса, 45% сельских жителей выделили алкоголизм и наркоманию в числе наиболее острых социальных проблем села.

Активная антинаркотическая (в широком смысле) работа может привести к хорошим демографическим результатам. Следует восстановить госмонополию на производство и продажу алкогольных напитков, ограничить территориально-временную доступность спиртосодержащей и табачной продукции; многократно увеличить акцизные сборы на алкогольные и табачные товары, ввести полный запрет на их рекламу (явную

¹ Римащевская Н.М. Здоровье человека – здоровье нации // Человек и реформы: секреты выживания. – М., 2003. – С. 74–84.

² Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. – М., 2003. – 136 с.; Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 720–738; Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 299–312.

и скрытую), запретить курение в общественных местах (в том числе на улицах, в парках, подъездах и т.п.), формировать негативное отношение к употреблению спиртных напитков, наркотиков, табакокурению, ужесточить антинаркотическое законодательство (включая антиалкогольное и антитабачное) и усилить административную и уголовную ответственность за его нарушение. Реализация этих мер позволит ежегодно сохранять в сельской местности края до 10 тыс. жизней. (Напомним, что естественная убыль сельского населения региона в 2015 г. составляла 4 тыс. человек.) Кроме того, они позволят сократить преступность, травматизм, количество разводов и, как показывает антиалкогольная кампания 1980-х годов, повысить рождаемость и продолжительность жизни. Опыт северных стран также свидетельствует о том, что жесткие ограничительные меры в этой сфере дают хорошие демографические результаты. Несоблюдение в полном объеме федеральных законов «Об ограничении потребления табака» и «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» равносильно ежемесячной потере более 500 сельских жителей края.

Значительное негативное воздействие на здоровье населения оказывает потребление некачественных продуктов питания и воды. По данным российских и европейских исследователей, искусственные красители, вкусовые добавки, консерванты, генно-модифицированные продукты, а также широкое использование пестицидов, всевозможных стимуляторов, антибиотиков и т.п. в сельском хозяйстве снижают иммунитет человека, приводят к гиперактивности и быстрой утомляемости детей, постепенно отравляют потребителей малыми дозами вредных веществ¹. Закрытость государства в советский период, выдвигаемые приоритеты его развития и слабая восприимчивость к инновациям существенно замедлили распространение так называемых передовых технологий в производстве и переработке сельхозпродукции внутри страны, и сделали недоступными результаты их использования для большинства советских граждан. Однако с началом рыночных преобразований в Россию устремилась лавина вредных для здоровья продуктов питания. Вступление РФ в ВТО и повышение конкуренции на продовольственном рынке заставляют и отечественных производителей применять подобные технологии. Воспрепятствовать этому можно посредством развития инфраструктуры проверки качества продовольствия, перераспределения налогов и таможенных сборов с полезных продуктов питания на вредные, информирования населения о качестве продовольствия, его натуральности или искусственности, вреде или пользе, усиления административных барьеров на пути некачественной продукции, широкого использования антисанкционных механизмов.

В условиях высокого уровня заболеваемости населения важным приоритетом демографической политики является повышение качества и доступности медицинских услуг. Для своевременного выявления заболеваний и их эффективного лечения необходимо усилить роль первичной медикосанитарной помощи, особенно в сельской местности, активизировать работу выездных медицинских бригад, оптимизировать размещение объектов здравоохранения по территории края, улучшить их материально-техническую базу, повысить обеспеченность квалифицированными специалистами, поднять доступность федеральных и региональных медицинских учреждений для нуждающихся в их услугах жителей, повысить заинтересованность работников здравоохранения в профилактике заболеваний и т.п.

¹ **Соболева С.В., Чудаева О.В.** Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 724–725.

Реализация программы «Демографическое развитие Алтайского края на 2008–2015 гг. и приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2006–2015 гг. показала, что в сфере здравоохранения имеются значительные резервы для сохранения демографического потенциала, смертность сельского населения в крае за этот период сократилась на 17,7%, а трудоспособного – на 25%, существенно упали младенческая и материнская смертность.

Где взять ресурсы для решения демографических проблем? Одним из источников может стать природная рента. Если мы не хотим потерять Сибирь и Дальний Восток, то большая часть природной ренты должна оставаться на их территории для улучшения демографической ситуации.

Оптимизация миграционных связей и системы расселения. При определении стратегических целей миграционной политики следует исходить из того факта, что в ближайшие годы миграция будет являться важным резервом увеличения демографического потенциала региона и единственным источником пополнения его трудового потенциала. В качестве приоритетных направлений здесь следует рассматривать:

- внесение концептуальной ясности относительно роли и места миграции в стратегическом развитии Алтайского края, ответов на вопросы, сколько мигрантов нужно региону и его территориям, каких и откуда; а также механизмов привлечения необходимых мигрантов и ограничения притока нежелательных. Особое внимание уделить образовательной миграции как наиболее эффективному способу привлечения и дальнейшего закрепления в регионе наиболее молодых, активных, образованных, включенных в местные социальные сети переселенцев;

- создание социально-экономических условий и правовой базы для сокращения миграционного оттока населения из края, закрепления молодежи, оптимизации внутрикраевых миграционных потоков, привлечение квалифицированных специалистов, менеджеров и рабочих в село, увеличение финансовой помощи семьям, переселяющимся в другую местность; стержневым направлением в миграционной политике должно стать расширение возможностей для проявления личной инициативы мигрантов в обеспечении себя жильем и работой путем наделения их земельными участками, льготными кредитами, строительными материалами и т.д.;

- установление прямых связей с финансово благополучными северными территориями страны по переселению на Алтай избыточного населения; создание в крае условий для проживания нефтяников Западной (а в перспективе и Восточной) Сибири, работающих вахтовым методом, отдыха и лечения других категорий северян, выделение для этих целей земельных участков, использование местной строительной базы;

- проведение комплекса правовых, организационных и экономических мер, направленных на легализацию и лучшую адаптацию иммигрантов в крае, распространение на них норм трудового законодательства, социальной защиты, а также налогообложения; более активное использование миграционной амнистии; разработка программ интеграции мигрантов в местные сообщества, включая создание региональных центров социально-психологической помощи мигрантам, обучения их русскому языку, основам трудового и миграционного права РФ, развития межкультурных коммуникаций, активное использование для этих целей механизмов гражданского общества;

- заключение двусторонних соглашений с приграничными странами об упорядочении миграционных потоков, режиме пересечения границ, создании совместных пунктов пограничного и миграционного контроля, обмене информацией о ситуации на рынке труда и рынке образовательных услуг, нарушителях миграционного законодательства и т.п.;

- создание законодательной базы, материальной, финансовой и социальной инфраструктуры для трудовых мигрантов (с тем, чтобы исключить или хотя бы ограничить злоупотребления как со стороны самих мигрантов, так и со стороны работодателей и государственных структур; положительное влияние на снижение незаконных трудовых миграций могло бы оказать использование механизмов государственно-частного партнерства, в том числе создание при региональных отделениях РСПП аккредитованных саморегулируемых организаций, осуществляющих набор, перемещение, трудоустройство и жилищно-бытовое обслуживание мигрантов и несущих солидарную ответственность за соблюдение законов в данной сфере; открытие в странах потенциальных мигрантов служб по организованному набору граждан этих стран на работу и профессиональное обучение в регионе¹.

В условиях нарастающих угроз со стороны международных террористических организаций особое внимание необходимо уделять вопросам контроля за миграционными потоками, особенно в приграничных территориях.

Депопуляция населения ведет к обезлюдению значительных территорий и утрате социального контроля над ними. Одним из способов решения этой проблемы и ряда других может стать *развитие усадебного типа расселения*. Для этого необходимо выделять в бессрочное бесплатное наследуемое пользование значительные участки земли, разработать проекты недорогих экологически чистых домов из местных стройматериалов, осуществлять производство средств малой механизации сельскохозяйственного труда по доступным ценам. Каждый желающий жить и работать на земле должен иметь возможность построить свой дом, посадить сад, развести цветник, выращивать овощи, ухаживать за животными. Свободной земли хватит и нынешним поколениям россиян, и их потомкам. В Алтайском крае связь населения с землей особенная, так как подавляющая часть его жителей имеет сельские корни, и край может выступить в качестве экспериментальной площадки для развития нового в современной России типа расселения.

Развитие трудового потенциала. В условиях ограниченных возможностей для количественного роста трудового потенциала выход представляется в повышении степени его использования и улучшении качественных характеристик.

Необходимы конструктивные реформы в системе образования. В настоящее время в рамках государственной программы «Образование» и президентской инициативы «Наша новая школа» предполагается создание при ведущих университетах школ для одаренных детей, обеспечивающих как очное, так и дистанционное образование. Предусматривается, что не менее 10% сельских школьников старших классов будут получать дополнительное образование в таких школах. Особое внимание планируется уделить дошкольному образованию, как этапу, на котором закладываются основы навыков по критическому восприятию информации, способности к нестандартным

¹ Курцер М. Парадоксально, что на фоне огромного количества внешних мигрантов внутренняя миграционная подвижность россиян остается очень низкой // Человек и труд. – 2013. – № 9. – С. 11–12.

решениям, креативность, изобретательность¹. Но этого недостаточно. Каждый ребенок должен иметь возможности для получения качественного базового образования и развития творческих способностей.

Каждый молодой человек должен быть ориентирован на получение современного профессионального образования, освоение новых технологий, генерирование новых идей. В условиях высокой степени неопределенности нужно готовить умных, трудолюбивых, динамичных работников, владеющих базовыми профессиональными знаниями на высоком уровне и способных к непрерывному образованию. Задача работодателей – довести конкретного работника до конкретного рабочего места. При этом могут быть использованы разные формы: целевая практика учащихся и студентов; стажировка молодых специалистов или их направление на обучение к разработчикам нового оборудования; приглашение специалистов на предприятие для подготовки и переподготовки персонала.

Особое внимание необходимо уделить подготовке молодых специалистов и квалифицированных рабочих для модернизирующейся экономики, их закреплению в реальном секторе путем формирования обоснованного регионального заказа на подготовку специалистов и рабочих традиционных и новых профессий, совершенствования механизма целевого набора учащихся в профессиональные учебные заведения в направлении повышения ответственности всех участников этого процесса, развития системы льготных образовательных кредитов, создания приемлемых условий для приобретения молодыми работниками благоустроенного жилья, установления для них достойной заработной платы.

Каждый зрелый работник должен иметь возможность совершенствовать свое мастерство, получать новые знания, осваивать новые компетенции через повышение уровня и доступности профессиональной подготовки, распространение системы непрерывного профессионального образования, внедрение дистанционных форм обучения. Для устойчивого развития территорий важно создать кадровый резерв из высокообразованных руководителей и специалистов, квалифицированных рабочих, разработать специальную программу поддержки этой категории работников при направлении их на отсталые, нерентабельные предприятия.

Каждый пенсионер при желании должен иметь возможность работать. В условиях дефицита кадров повышение доли старших возрастных групп в экономически активном населении, обладающих, с одной стороны, высокой квалификацией, трудолюбием, дисциплинированностью, а с другой – ограниченными физическими возможностями, относительно худшим здоровьем, меньшей восприимчивостью к инновациям, требует создания условий для продления трудовой жизни этой категории граждан, особенно в реальном секторе экономики. Поколение пятидесятилетних и старше должно успеть передать свои знания и опыт молодежи, поскольку среднее поколение здесь малочисленно и не сможет обеспечить воспроизводство квалифицированных кадров. Лица старшего поколения нуждаются в особых условиях труда, более гибких формах его организации, сокращенном рабочем дне. Они могут трудиться в качестве экспертов, консультантов, наставников молодежи, работников экспериментальных хозяйств и малых предприятий, а также на неквалифицированных работах, не требующих больших физических затрат.

¹ Инновационная Россия – 2020 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.

Решение вопросов развития профессионального образования в крае предполагает объединение бюджетных средств, средств населения и работодателей. При этом целесообразно более активно использовать инструменты налоговой и кредитной политики. В частности, установить льготы по налогообложению прибыли для организаций, направляющих средства на обучение своих работников, освободить их от части налогов в местный бюджет; предоставлять безвозвратные ссуды предприятиям на полное или частичное возмещение затрат на производственное обучение лиц, особо нуждающихся в социальной защите, освобождать их от части выплат в социальные фонды.

Страны и регионы, создавшие наиболее эффективные модели формирования и развития трудового потенциала, получают значительные преимущества в инновационном обществе. Такая модель должна отвечать принципам непрерывности образования, всеобщности, интеграции с наукой, глобализации и индивидуализации, сочетания государственных и частных инвестиций в образование, инновационности¹. Применительно к сельской местности особо важно развитие информационно-коммуникационных технологий в образовании, позволяющих повысить уровень доступности качественного образования для сельских жителей, обеспечить его непрерывный характер, предоставить возможность в составлении индивидуальных образовательных программ из наиболее востребованных модулей, усилить связь с практической работой, сократить финансовые затраты. Движение должно быть двусторонним, не только сфера образования должна подстраиваться под потребности экономики, но и экономика должна создавать современные рабочие места.

Реализация этих мер требует объединения усилий федеральных, региональных и местных органов управления, предпринимателей и общественных организаций, активизации самого населения и позволит в перспективе сократить убыль трудового потенциала, а при определенных условиях добиться его количественного и качественного роста.

8.3 МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Перспективы устойчивого социально-экономического развития села, его инновационных перемен и, как следствие, конкурентоспособности Алтайского края зависят во многом от миграционных процессов. Воздействие последних определяется, с одной стороны, масштабами миграционных настроений сельских жителей и их реализации, социальным составом уезжающих из села. Рост миграционных настроений, особенно среди наиболее молодой и экономически активной части сельского населения, девальвирует уже имеющиеся достижения в АПК и других отраслях экономики и социальной сферы, парализует стремления бизнеса и властных органов к их модернизации².

С другой стороны, Алтайский край, как приграничный регион, является притягательным для жителей других регионов и близлежащих стран с более низким уровнем жизни – как для переезда на постоянное местожительство, так и в целях

¹ Мау В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 120–124.

² См.: Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов, 2012. – 340 с.; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: кол. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2013. – 330 с.

сезонной, маятниковой трудовой миграции. Потребность сельской экономики в заполнении рабочих мест в АПК и других сегментах рынка труда со специфическими стандартами занятости и качества формирует потоки трудовых мигрантов соответствующего профессионально-квалификационного и социально-демографического состава¹.

Для исследования миграции как фактора формирования трудового потенциала в сельской местности Алтайского края рассмотрим две составляющие разнонаправленных процессов миграции (миграция сельских жителей и трудовая миграция в сельские районы) и попытаемся ответить на вопрос, какова их результирующая для обеспечения конкурентоспособности региона, его сельских территорий. С этой целью для изучения динамики потенциала миграционных настроений сельского населения и ее причин воспользуемся данными государственной статистики, проведенных нами региональных выборочных опросов сельских жителей в 2002 г., в 2008 г., в 2011 г., в 2013 г. и в 2016 г.², результатами глубинных интервью с представителями местной власти и бизнеса, сельской молодежью (2013–2015 гг.), материалами СМИ³. Информационная база изучения трудовой миграции в сельскую местность сформирована на данных экспертного опроса 63 руководителей органов местного самоуправления в 39 сельских районах и на материалах нарративных интервью с трудовыми мигрантами, занятыми в сельском хозяйстве (2014 г.)⁴.

Миграционные настроения сельских жителей и их реализация: масштабы, динамика, социальный профиль, причины. Результаты опроса сельских жителей Алтайского края в 2013 г. показали, что более 77% респондентов не желали менять место жительства. Миграционный потенциал на селе составлял более 19% (рис. 8.4), т.е. почти каждый пятый сельанин планировал уехать за пределы сельской местности (в города своего региона, в другой регион или страну) или хотел бы поменять место жительства, но пока не имеет возможности (главным образом из-за отсутствия денежных средств на переезд). Причем каждый десятый респондент имел определенные планы по смене места жительства, последние были связаны преимущественно с переездом в один из городов Алтайского края или в другой регион страны.

¹ См.: **Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е.** Трудовая миграция в Алтайском крае: состояние, динамика и социально-экономические последствия // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5 (103). – С. 129-133; **Нефедова Т.Г.** Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. Административная реформа. – М., 2004. – № 2. – С. 441–458; **Трудовые мигранты в российском селе: монография / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др.** – Саратов : Саратовский источник, 2015. – 293 с.

² Опросы проведены в различных по урбанизированности (периферийности) районах, в селах с различной численностью по квотной выборке (по полу и возрасту в каждом районе).

³ Результаты исследований см.: **Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития:** колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2011. – 296 с.; **Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления:** коллективная монография / под общ. ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты:** коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

⁴ Результаты исследований см.: **Сергиенко А.М.** Трудовая миграция в сельские районы Алтайского края и политика ее оптимизации: экспертные оценки руководителей сельских муниципалитетов // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2015. – № 12. – С. 29–33; **Сергиенко А.М., Гончарова Н.П.** Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона // Известия Алтайского государственного университета. – № 3–1(87). – 2015. – С. 190–194; **Трудовые мигранты в российском селе: монография / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др.** – Саратов : Саратовский источник, 2015. – 293 с.

Рис. 8.4. Миграционные установки сельских жителей («Хотели бы Вы сменить место жительства? Куда планируете переехать?»), % (по опросам 2008 г., 2011 г. и 2013 г.)

За предшествующие пять лет миграционный потенциал сильно сократился. В 2008 г., накануне глобального экономического кризиса, наблюдался значительный массив миграционных установок: каждый третий сельский житель хотел уехать из села, в 2011 г. таковых уже было существенно меньше (22%) и в 2013 г. осталось 19%, т.е. за рассматриваемые 5 лет удельный вес данной группы сократился в 1,6 раза (см. рис. 8.4). В основе снижения масштаба миграционных установок на отъезд из села лежат социально-экономические причины, в том числе существенное улучшение материального положения сельских жителей¹. Кроме того, вследствие значительного улучшения транспортной обеспеченности и качества дорожной сети альтернативой переезду в город постепенно становится маятниковая трудовая миграция, которая в последние годы набрала значительный вес. По словам руководителей сельсоветов, близко расположенных к Барнаулу, «каждое утро в город на работу выезжает от трети до половины жителей, села пустеют».

В половине случаев миграционные установки определяют низкий уровень жизни (планируют «улучшить материальное положение семьи»), в каждом третьем случае – отсутствие перспектив для детей, в каждом четвертом – нехватка «хороших» рабочих мест (с адекватной трудовому вкладу оплатой труда). Гораздо реже (до 10% случаев) в качестве причин миграционного настроения выделяются неблагоустроенность поселения, жилищные проблемы и отсутствие коммунальных удобств, низкое качество медицинского обслуживания. За последние пять лет структура причин формирования миграционных установок существенно не изменилась.

¹ Подробнее см. п. 8.3.

Миграционное настроение чаще формируется среди молодежи, сельских жителей с более высоким уровнем образования, среди не имеющих собственного жилья и среди более обеспеченных (табл. 8.3). И, напротив, наиболее высокий «градус» оседлых настроений (не менять место жительства) встречается среди пенсионеров, сельчан с наиболее низким уровнем образования и бедных¹.

Таблица 8.3

**Распределение ответов сельских жителей на вопрос
«Хотели бы Вы изменить место жительства?»,
% к соответствующей группе ответивших (опрос 2013 г.)***

Характеристики		Да	Нет
В целом по массиву		19,3	77,3
Пол	Мужчины	19,5	79,3
	Женщины	20,6	75
Возраст	17–29 лет	34,5	58,6
	30–59 лет	21,3	77,5
	60 лет и более	3,1	93,8
Образование	Начальное и основное общее	0	100
	Среднее общее и начальное профессиональное	18,2	81,8
	Среднее профессиональное и неполное высшее	26,3	73,7
	Высшее	23,3	67,4
Занятость	Занятые в экономике	24,4	72,4
	Безработные	0	100
Материальное положение	Бедные и обездоленные («хватает средств только на питание и оплату коммунальных услуг» либо «денег иногда не хватает даже на питание»)	12,5	83,3
	Относительно бедные («покупка вещей длительного пользования является проблемой»)	19,1	80,9
	Обеспеченные, богатые («покупка дорогостоящих вещей (автомобиль и квартира, дом) вызывает серьезные затруднения» либо «можем позволить себе дорогие покупки»)	22,6	71,0
Жилищные условия	Живут в собственном доме, собственной квартире	17,8	80
	Живут с родителями	0	100
	Снимают жилье, живут в служебной квартире (доме)	28,6	57,1

¹ Подробнее см.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.

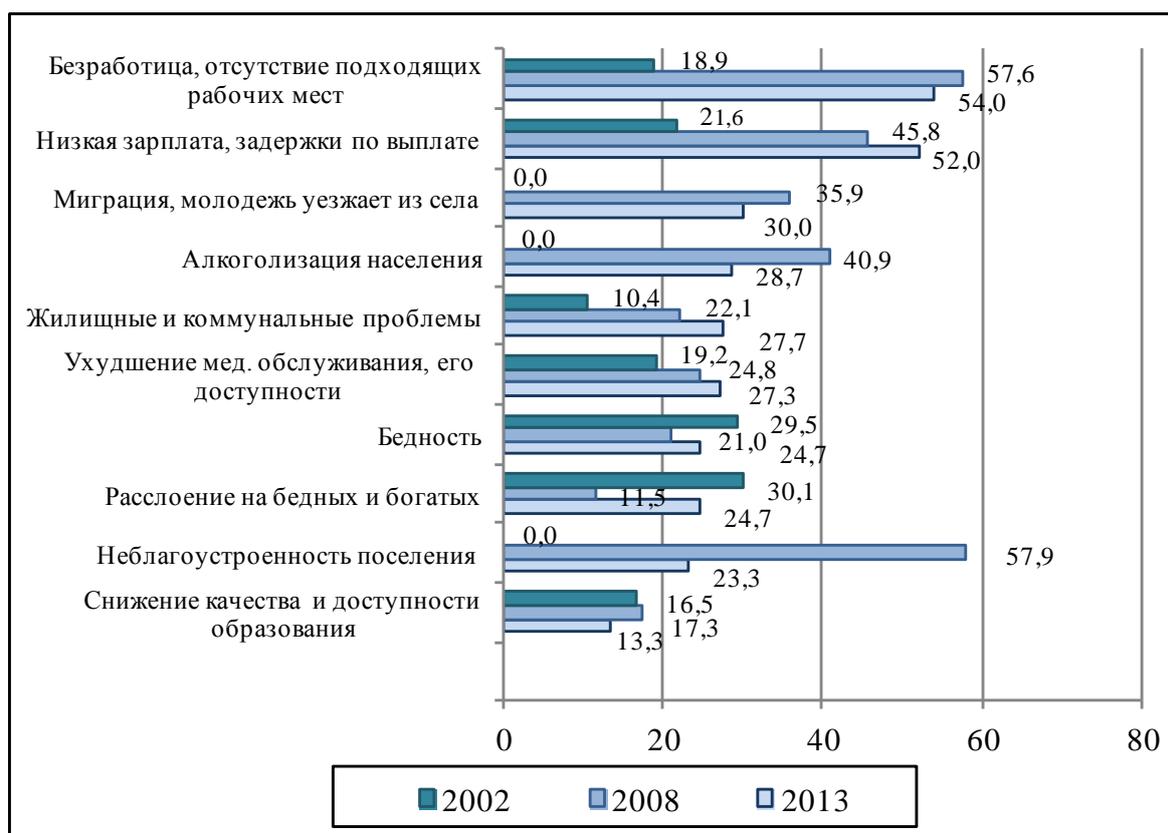

Рис. 8.5. Оценка сельскими жителями острых социальных проблем в развитии села в 2002 г., в 2008 г. и в 2013 г. (% к массиву респондентов)

Молодежь формирует наиболее массивную социальную базу миграционных настроений и их реализации в сельской местности Алтайского края. Сдвиги в рейтинге социальных проблем села с начала 2000-х годов в оценках сельских жителей показывают, что миграция молодежи из села входит в последние годы в тройку лидеров, наряду с низкой заработной платой и безработицей (рис. 8.5).

Рейтинг остроты проблемы миграции молодежи в оценках экспертов (особенно представителей сельского бизнеса и руководителей организаций социальной сферы) еще выше, причем острота этой проблемы и, как следствие, нехватки квалифицированных кадров в последние годы усилилась¹.

По словам руководителя СПК «Путь Ленина» Пospelихинского района, «*надо обязательно остановить массовый отток молодежи из села... Уже сейчас нет ясной картины, кто будет трудиться на полях через 5–10 лет... Однако эта проблема требует комплексного решения государства – сил только одних хозяйств в этом вопросе недостаточно*».²

Из интервью с помощником главы фермерского хозяйства (с. Николаевка, Михайловский район, 2015 г.): «*Много молодёжи, конечно, уезжает. Из выпускников школы последних лет в сельском хозяйстве я никого не вижу. Из более ранних выпускников – да,*

¹ См.: Сергиенко А.М., Иванова О.А. Кадровая обеспеченность сельского хозяйства: проблемы и перспективы в условиях массовой миграции сельской молодежи // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: материалы III Международного экономического форума / под ред. д.э.н. С.Н. Бочарова. – Барнаул : Издательство ООО «Колибри», 2016. – С. 358–362.

² По материалам статьи «Вприглядку механизатора не выучишь» в газете «Алтайская нива», № 24 (487) от 21–27 июня 2012 г.

молодежь 30–35 лет, вот в этом промежутке она есть. Это те, которые по каким-либо причинам не сумели по окончании школы как-то определиться с учебным учреждением, и вот как-то так здесь остались. Но особой-то перспективы у них здесь нет...».

По данным всероссийской переписи 2010 г., сельская молодежь Алтайского края более активно уезжает из региона, чем молодежь регионов Сибирского федерального округа и России в целом (на 20 и 40% соответственно). По статистическим данным о внешней миграции с начала 2000-х годов сельская молодежь Алтайского края стабильно характеризовалась более высокой миграционной активностью в сравнении с остальными сельскими жителями и городской молодежью края (рис. 8.6), хотя в последние годы миграционная убыль сельской молодежи значительно снизилась (почти вдвое только за 2012–2014 гг.).

Миграционная убыль сельской молодежи наблюдалась в подавляющем большинстве районов Алтайского края, но наибольший отток в 2014 г. зафиксирован в Немецком национальном, Тальменском, Смоленском и Змеиногорском районах.

Следствием миграции сельской молодежи является активное сокращение ее численности (в 1,7 раза с 2002 г. до начала 2015 г., составив 139 тыс. чел.). Столь существенное сокращение (вдвое большее в сравнении с городской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста) привело к снижению удельного веса сельской молодежи в структуре сельских жителей трудоспособного возраста (до четверти в 2014 г.), что наносит серьезный ущерб трудовому потенциалу села.

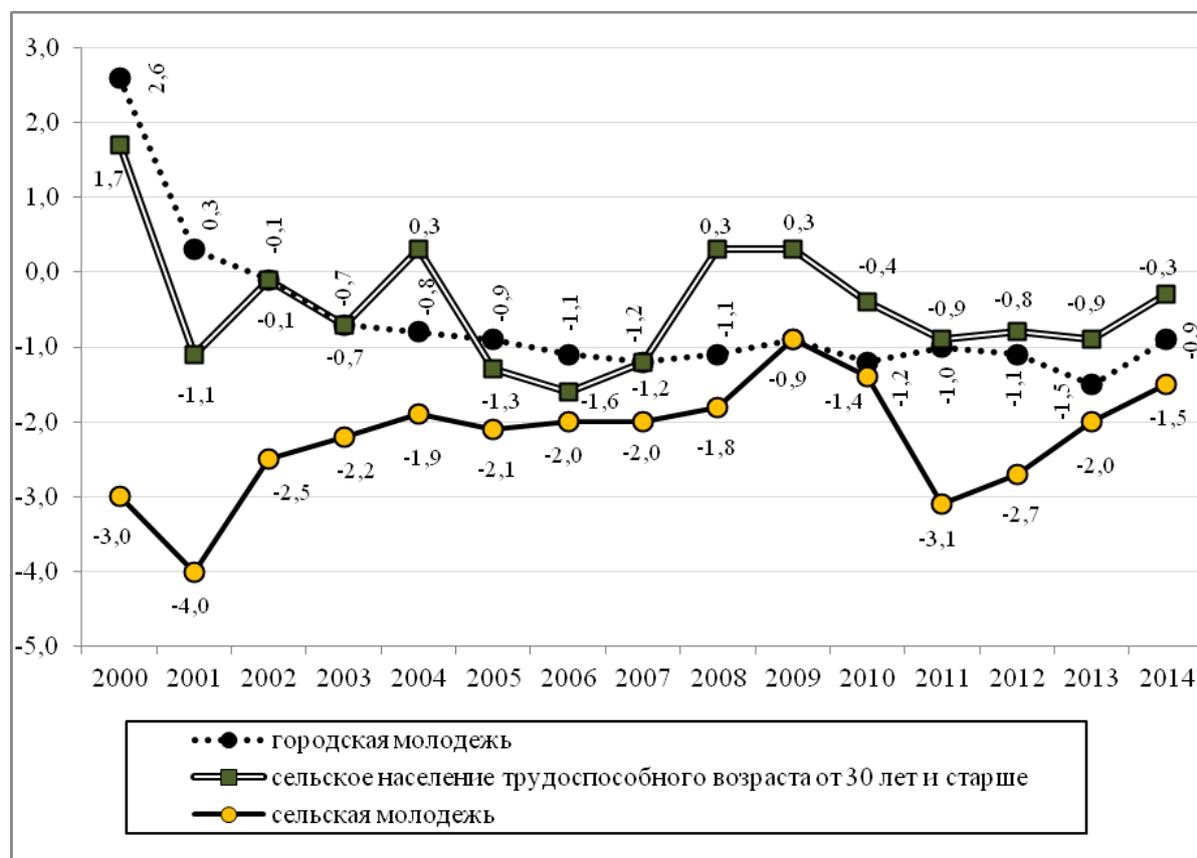

Рис. 8.6. Внешняя миграция сельской и городской молодежи, селян трудоспособного возраста от 30 лет и старше в Алтайском крае в 2000–2014 гг., тыс. чел.

Рис. 8.7. Миграционные установки сельской молодежи («Хотели бы Вы сменить место жительства? Куда планируете переехать?»), % (по опросам 2008 г., 2011 г. и 2013 г.)

Результаты выборочных опросов сельской молодежи соответствуют статистическим данным. Как уже отмечено, миграционный потенциал сельской молодежи значительно больше, чем в старших группах селян трудоспособного возраста: в 2013 г. желали уехать из села в города своего региона либо в другие регионы страны 35% молодежи против 19% среди всех сельских жителей (см. рис. 8.4 и рис. 8.7)¹. За предшествующие 5 лет (с 2008 по 2013 год) миграционный потенциал сельской молодежи сократился в 1,6 раза (с 57 до 35%), а доля нежелающих менять место жительства выросла с 35 до 59% (см. рис. 8.7). Но за последние два-три кризисных года вновь наметился рост миграционного настроения: по опросу весной 2016 г. желали уехать из села уже 40% молодежи.

По результатам анализа данных статистики и проведенных нами социологических исследований, значимость занятости (ее статуса, уровня оплаты труда, условий труда и других характеристик) как драйвера миграционного оттока молодежи из села заметно усиливается, а социальным лифтом, обеспечивающим для молодежи доступ к качественным рабочим местам, все в большей мере становится образование, что

¹ См.: Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 8. В 2-х ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 21–26.

соответствует ситуации на международном рынке труда. По данным исследований английских ученых Ф. Картмеля и Э. Ферлонга, ограниченные возможности занятости молодежи – одна из важных проблем устойчивости сельских сообществ, стимулирующих миграционный отток¹. Шотландские ученые С. Пэвис, С. Плэтт и Дж. Хаббард сделали вывод, что достигнутый уровень образования является значимым фактором не только выбора типа занятости сельской молодежи (поиска работы на местном или национальном рынке труда), но и формирования отношения к местному сообществу и сельской жизни в целом².

В крае наиболее высоким миграционным потенциалом обладают молодые сельские, слабо связанные с сельской средой жизнедеятельности (не имеющие хорошо оплачиваемой работы, собственного жилья, получающие профессиональное образование в городах) и одновременно активно использующие ресурсы в виде помощи со стороны родственников и коллективных социальных сетей.

Из интервью с молодым работником ООО «Некрасовская сельхозтехника» (с. Гальбштадт, Немецкий национальный район): *«Проблема оттока молодежи из села объясняется просто: нет достойной заработной платы и, соответственно, стимула работать... Специалисты с высшим образованием часто вынуждены выполнять низкоквалифицированную работу, и многие по этой причине меняют место жительства»*³.

Из интервью с временно безработной (п. Комсомольский Павловского района, 2015 г.): *«После окончания педагогического вуза я вернулась в родное село, но в местную школу мне устроиться не удалось, а идти на сельхозпредприятие «за копейки» я не хочу. Поэтому придется ехать в город и устраиваться по специальности, родители обещали помочь с арендой жилья...»*.

Стремление повысить уровень образования является одной из распространенных и «набирающих силу» причин формирования миграционного настроения сельской молодежи. Этому способствует ухудшение ситуации с доступностью и качеством профессионального образования в сельской местности края. Иногда даже закрытие профучилища становится весомой причиной оттока молодежи из села.

Из материалов статьи «Счет – в пользу оптимистов» в газете «Алтайская нива», № 48 (459), 8–14 декабря 2011 г.: *«В этом году новая причина оттока молодежи из района (Усть-Пристанского) – закрылось ПУ-59. И последствия этого мы начнем ощущать через года три-четыре... Раньше со всех сел района молодежь стекалась в училище, женились и оседали в селах. Треть работающего населения района наверняка прошла этот путь»*.

Значимыми противовесами выше названным факторам оттока молодежи из села являются государственная поддержка занятости и развитие дистанционного обучения в сельской местности.

¹ См.: **Cartmel, F.** Youth unemployment in rural areas / F. Cartmel, A. Furlong. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – P. 4–5.

² См.: **Pavis S., Platt S., Hubbard G.** Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – P. 30.

³ Из материалов статьи «Жить и работать буду в селе» в газете «Алтайская нива». См.: **Алтайская нива**. – 2012. – № 15 (478).

Из интервью с молодым предпринимателем в 2015 г. (пос. Новые Зори Павловского района): *«К моменту окончания вуза я уже решил, что останусь жить в своем селе, и стал продумывать различные варианты трудоустройства. Остановился на том, чтобы открыть свое дело. В центре занятости выделили небольшие деньги, открыл пекарню».*

Из интервью с молодой сотрудницей сельской администрации (с. Смоленское Смоленского района, 2015 г.): *«Я несколько лет работаю в комитете по финансам. Когда появилась перспектива повышения, мне сказали, что необходимо получить высшее образование. Хорошо, что его можно получить дистанционно, а то бы пришлось отказаться от этой идеи, потому что в город на сессии не наездишься».*

В свою очередь, город «выстраивает» естественные барьеры для активной миграции сельских жителей, среди них главными являются проблемы трудоустройства на «хорошие» рабочие места и получения доступного жилья.

Из интервью со студенткой медицинского колледжа в 2015 г., жительницей с. Стуково Павловского района: *«Если бы после получения диплома я нашла работу с жильем, то наверняка осталась бы в городе. Но найти такую работу очень непросто. Поэтому придется жить в деревне с родителями, а на работу ездить каждый день по 40 км до города и обратно».*

Из интервью с молодым инженером СПК «Знамя Родины» с. Калмыцкие Мысы Поспелихинского района, выпускником факультета механизации Аграрного университета: *«Пробовал зацепиться в городе, однако без стажа работы где там по специальности устроишься? Разве что на подхвате в многочисленных шиномонтажных и прочих автомастерских. Но такая перспектива положительных эмоций не вызывала. И не только у меня...»¹.*

Результаты проведенных нами в 2016 г. серий фокус-групповых опросов сельской молодежи, обучающейся в вузах Барнаула, показали, что наиболее мощным условием ремиграции студенческой молодежи, возвращения их в село после обучения является, прежде всего, возможность трудоустройства, хотя, безусловно, необходимо учитывать весь комплекс условий жизнедеятельности сельской молодежи, включая характеристики обеспеченности жильем и его качества, развития сельской социальной инфраструктуры, наличие регулярного транспортного сообщения и дорог хорошего качества, связывающих село с ближайшим крупным или средним по численности городом. Причем за возвращение в свое село высказалась только молодежь, проживавшая в крупных газифицированных селах, райцентрах. По результатам фокус-групповых опросов потенциал ремиграции составляет менее 5–10%, но резко повышается при наличии перечисленных условий – до 30–50%.

¹ Из материалов статьи «Под крышей дома. Своего!» в газете «Алтайская нива». См.: **Алтайская нива**. – 2015. – № 13 (627).

Трудовая миграция в сельскую местность и практики взаимодействия мигрантов с местными жителями. По оценкам представителей местной власти, распространенность трудовой миграции в сельских районах Алтайского края в 2014 г. была довольно высокой¹. В 32 из 39 районов, где проводился опрос экспертов, трудятся мигранты из других стран и регионов страны. В 28 районах их численность крайне мала, лишь в 4 районах (Ключевском, Павловском, Немецком национальном и Смоленском) масштабы трудовой миграции достигали значительной величины. Помимо мигрантов, приехавших в край из стран СНГ еще в 1990-х годах, прошедших адаптацию и во многом интегрированных в сельское сообщество, значительную часть составляют временные и сезонные мигранты из Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, Азербайджана и Армении; в последние годы существенно увеличилась трудовая миграция из Кореи и Китая.

Распространенными практиками является наем мигрантов на сельхозпредприятия и к фермерам, в строительные организации, значительно реже – в организации торговли, общественного питания и других отраслей экономики². В большинстве районов мигранты выполняют работы по выращиванию бахчевых и зерновых культур, овощей, картофеля; в отдельных районах они заняты животноводством. Для местных жителей мигранты выполняют различные виды работ в сфере домашнего и личного подсобного хозяйства: строят и ремонтируют жилые дома и подсобные помещения, выполняют трудоемкую работу в огородах, пасут скот, помогают вести домашнее хозяйство. Менее распространенными являются практики наемного труда местных жителей в хозяйствах мигрантов (на посевных работах, прополке, при сборе урожая), в принадлежащих им организациях строительства, торговли и общепита.

При всей мозаичности взаимоотношений трудовых мигрантов с местными жителями можно выделить несколько наиболее типичных моделей, среди них:

- занятость сезонных трудовых мигрантов на основе взаимоотношений закрытого типа, с низким уровнем взаимодействия мигрантов с сельскими жителями: модель характерна прежде всего для наемного труда мигрантов при их компактном расселении. Причины разобщенности с местным сообществом кроются в культурных различиях, языковом барьере и в специфике занятости. В большей мере это касается мигрантов из Китая, Кореи, Узбекистана и Таджикистана. Огромную роль в мотивации таких трудовых мигрантов играют связи с диаспорой и родственниками из страны выезда;

- хозяйственные стратегии оседлых трудовых мигрантов на основе взаимоотношений полужакрытого типа, с невысоким уровнем интеграции мигрантов в сельское сообщество и относительно низкой мотивацией к взаимодействию. В отличие от первой модели трудовые мигранты имеют значительную область самостоятельного принятия решений по налаживанию контактов с местными жителями;

¹ Кризисные процессы в экономике страны в 2015–2016 гг. и последние политические решения в области миграционной политики привели к сокращению масштабов трудовой миграции в крае.

² Подробнее см.: **Сергиенко А.М.** Трудовая иммиграция как драйвер социально-экономического развития села: опыт социологического исследования в приграничном аграрном регионе // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования», [г. Екатеринбург, 10–11 апреля 2015 г.] [Электронный документ]. – Екатеринбург: [УрФУ], 2015. – С. 324–336. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/35380> (дата обращения: 20.11.2016 г.).

- хозяйственные стратегии оседлых трудовых мигрантов на основе взаимоотношений открытого типа, с активной адаптацией мигрантов в сельском сообществе, высоким уровнем взаимодействия с местными сельскими жителями в сфере труда и бизнеса. Для этой модели характерна рассеянная (фермерская) форма расселения мигрантов, что способствует их ассимиляции при длительном проживании¹.

По мнению представителей местной власти, трудовая миграция не оказывает пока значительного воздействия на социально-экономическое развитие сельских районов. Тем не менее основной вклад трудовой миграции эксперты видят в пополнении рынка труда рабочей силой (различной по квалификации, с преобладанием низкоквалифицированной), не приводящем к росту напряженности на рынке труда, к существенным сдвигам в сфере занятости в АПК и других отраслях сельской экономики. Трудовые мигранты обычно занимают низкооплачиваемые низкоквалифицированные рабочие места (часто в сфере неформальной занятости), выполняя работу, на которую не претендуют местные жители, тем самым способствуя снижению уровня оплаты труда, росту теневой экономики. Влияние трудовой миграции проявляется также в обмене знаниями и опытом в сфере сельского хозяйства (по технологиям возделывания почвы, выращивания бахчевых и овощей, зерновых культур, винограда, многолетних трав, ухода за крупным рогатым скотом, овцами и козами), проведения торговых операций (к примеру, при покупке живого скота) и в других сферах экономической деятельности.

Несмотря на обособленность временных и сезонных мигрантов, наблюдается позитивное влияние их трудовой культуры на развитие сельских сообществ: *«трудятся добросовестно, качественно», «привносят более высокую культуру обслуживания покупателей»*. Кроме того, более высокая репродуктивная активность мигрантов, появление смешанных браков отражаются на увеличении рождаемости. Вместе с тем, несмотря на преобладание позитивных оценок влияния трудовой миграции на развитие села, эксперты настороженно оценивают эффективность дополнительного привлечения мигрантов в сельские районы. Две трети из них считает, что этого делать не следует, поскольку даже при увеличении мигрантов на 20%, это может привести к существенным изменениям с нежелательными последствиями.

¹ Подробнее см.: **Сергиенко А.М., Гончарова Н.П.** Трудовые иммигранты и сельские жители приграничного аграрного региона: модели взаимодействия и пути его оптимизации // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XV Междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск : «Медиа-Альянс», 2015. – С. 365–373; **Сергиенко А.М.** Трудовые иммигранты в сельском сообществе: этнокультурный спектр взаимоотношений // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. – Барнаул : «Концепт», 2015. – С. 152–159; **Трудовые мигранты в российском селе: монография** / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др. – Саратов : Саратовский источник, 2015. – 293 с.

* * *

Итак, анализ миграционных процессов как фактора формирования трудового потенциала в сельской местности Алтайского края показал следующее. Во-первых, несмотря на значительное сокращение миграционного потенциала в последние годы (почти двукратное с 2008 по 2013 год), сельские территории края продолжают интенсивно терять экономически активную часть трудового потенциала, масштабы миграционных установок остаются значительными (в 2013 г. почти каждый пятый хотел уехать из сельской местности). Процессы миграционного оттока из села, безусловно, отражают глобальные закономерности урбанизации и роста производительности труда в сельском хозяйстве, но при таких масштабах и интенсивности в крае они формируют угрозу сохранению сельских сообществ, реализации возможностей модернизации сельского хозяйства и других ключевых отраслей сельской экономики, что неизбежно приводит к ослаблению перспектив социально-экономического развития села и конкурентоспособности региона в целом.

Основу миграционного потенциала формирует наиболее молодая и образованная часть сельского сообщества. Главными выталкивающими из села факторами по-прежнему являются относительно низкий уровень жизни и безработица, а также недоступность получения желаемого уровня образования или квалификации по месту жительства; причем значимость занятости и образования как факторов миграции заметно выросла с начала 2000-х годов.

Вместе с тем парадоксальной особенностью современной ситуации является заметное исчерпание влияния ключевых факторов роста потенциала динамики миграционных настроений селян из-за сочетания позитивных и негативных факторов: с одной стороны, благодаря значительному повышению уровня их жизни в предшествующее двум последним кризисным годам десятилетие, а с другой – из-за сокращения наиболее молодой части в демографической структуре сельских жителей, а также вследствие изменений притягательной силы городов как постоянного места жительства. В последнем случае на это повлияло существенное развитие транспортной и дорожной сети, обеспечивающей связь села с городом и создающее основу роста маятниковой трудовой миграции, а также ограниченные возможности города принять сельских мигрантов на постоянное место жительства путем создания подходящих рабочих мест и недорогого жилья. Причем даже последние кризисные годы (2014–2016 гг.) существенно не повлияли на повышение миграционных настроений сельской молодежи (40% в 2016 г.).

Перспективы позитивных сдвигов в миграционном настроении селян видятся, прежде всего, в создании эффективных рабочих мест и комплекса жизненных условий на селе, необходимых для повышения конкурентоспособности сельских территорий и региона, для реализации ключевых, уникальных функций села – рекреационной и обеспечения продовольственной безопасности. Приоритетом государственной политики по сокращению миграции сельской молодежи должны стать дифференцированные социальная поддержка и стимулирование активности различных ее групп с учетом территориальных, демографических, доходных и других характеристик социального положения. Среди направлений совершенствования государственной политики в области образования и занятости можно выделить следующие:

1) развитие профориентации, повышение доступности, качества и стимулирования получения профессионального образования, в том числе за счет дистанционных форм обучения;

2) целевое обучение и социальная поддержка молодых специалистов, внедрение системы муниципального заказа на подготовку кадров с учетом потребностей локальных рынков труда, закрепление молодых специалистов в сферах сельского хозяйства, здравоохранения, образования и в других отраслях экономики;

3) содействие трудоустройству выпускников вузов по получаемым специальностям, безработной молодежи, экономическое стимулирование работодателей в трудоустройстве молодежи на квалифицированные рабочие места, развитие молодежного предпринимательства, в том числе в АПК;

4) содействие занятости молодых сельских женщин с маленькими детьми.

Во-вторых, анализ воздействия трудовой миграции на социально-экономическое развитие сельских районов в Алтайском крае показал, что трудовая миграция является важным фактором развития села, хотя и не приводит пока к значительному улучшению экономики. Специфика воздействия трудовой миграции на социально-экономическое развитие сельских районов края определяется его распространенностью, преобладанием рассеянной (фермерской) формы расселения мигрантов, способствующей их ассимиляции при длительном проживании, разнообразием национального состава, развитием различных трудовых и предпринимательских практик.

Несмотря на характерный для временной и сезонной миграции крайне низкий уровень взаимодействия мигрантов с сельскими жителями, как в сфере труда и ведения бизнеса, так и в повседневном бытовом общении, в сфере культурного обмена, – наблюдается позитивное влияние трудовой культуры мигрантов на социально-экономическое развитие сельских сообществ.

Для повышения эффективности воздействия внешней трудовой миграции на развитие села необходимо не только усилить реализацию существующих мер миграционной политики по первичной адаптации мигрантов, связанных с изучением русского языка и культуры страны, региона, сельских сообществ, сокращением масштабов нелегальной миграции, но прежде всего совершенствовать политику более глубокой адаптации и интеграции мигрантов на основе создания комплекса условий их комфортного проживания в сельской местности (путем содействия трудоустройству и открытию бизнеса, решению жилищных проблем, обеспечения медицинским и социальным страхованием, оказания социальной помощи), развития кросс-культурных практик их взаимодействия с местным населением.

Глава 9

ДИНАМИКА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Социально-экономические и политические трансформации в России последней четверти века наглядно отражаются в сфере доходов населения. Под влиянием перехода к рынку, кардинальных сдвигов в социально-экономической политике, а в последнее десятилетие в условиях глобального экономического кризиса и усиления внешнеполитического давления на экономику России сформировались современные тренды динамики и дифференциации доходов россиян, выражающиеся в кардинальных сдвигах в экономической и социальной структурах российского общества (см. в работах У. Алиева, Т. Богомоловой, Е. Гонтмахера, Т. Заславской, З. Калугиной, Л. Овчаровой и М. Малковой, Э. Райнерта и других ученых)¹. Наряду с общероссийскими, в регионах действовали специфические факторы, определяющие конфигурацию динамики и дифференциации доходов населения. Наряду с геополитическими особенностями их развития, особое место в этих процессах занимают такие экономические и политические драйверы, как инвестиционная привлекательность региона, ресурсная обеспеченность, экономическая специализация, приоритеты государственной региональной политики и уровень федеральной поддержки (подробнее в работах В. Бобкова, И. Глазыриной и Е. Клевакиной, Н. Зубаревич, М. Латышевой, А. Троцкого и др.)². В свою очередь, именно доходы населения как компонент уровня жизни все в большей мере становятся импульсом социально-экономического развития региона, определяя привлекательность рабочих мест в экономике и в целом устойчивое развитие условий жизнедеятельности людей и конкурентные преимущества региона.

¹ **Алиев У.Т.** Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2014. – № 2 (192). – С. 97–108; **Богомолова Т.Ю.** Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990–2000-е годы // *ЭКО*. – 2011. – № 5. – С. 108–120; **Гонтмахер Е.Ш.** Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 4. – С. 68–81; **Калугина З.И.** Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // *Отечественные записки*. – 2012. – № 6. – С. 117–129; **Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири** / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.; **Райнерт Э.С.** Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 384 с.; **Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение** / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.; **Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы** / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. – 750 с.

² **Бобков В.** Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // *Экономист*. – 2012. – № 12. – С. 46–58; **Глазырина И.П., Клевакина Е.А.** Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // *ЭКО*. – 2013. – № 11. – С. 113–128; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Латышева М.А.** Статистическое исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология*. – 2010. – Вып. 1. – С. 89–92; **Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография** / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

В связи с этим интерес представляет Алтайский край – один из аграрных приграничных регионов Сибири. Здесь, с одной стороны, активное воздействие на доходы населения оказывают факторы экономической специализации (доля сельского хозяйства в экономике составляет 27,9% против 6,8% в РФ), а с другой стороны, геополитическая специфика его развития, связанная с приграничным расположением на юге Сибири¹. Если в советское время социально-экономическое развитие регионов Сибири являлось приоритетным направлением государственной политики, что проявлялось в больших масштабах инвестиций в экономику, человеческий капитал и, как следствие, отражалось в существенно более высоких доходах населения на фоне всей страны, то за последнюю четверть века Сибирь отодвинулась далеко с первых позиций в распределении финансовых и человеческих ресурсов. Наиболее заметно это отставание среди ее аграрных приграничных регионов, к которым относится Алтайский край.

Рассмотрим, как за два с половиной десятилетия менялись доходы населения, масштабы бедности и социально-экономических неравенств в Алтайском крае, его позиции по этим показателям на фоне России и Сибирского федерального округа (СФО). Особое внимание обратим на специфику трендов в годы активных рыночных реформ (1990-е годы), период экономического роста (2000–2008 гг.) и на современном этапе (2009–2014 гг.), характеризующемся мощным влиянием внешнеэкономических и политических факторов, новыми акцентами в государственной политике.

9.1 ДИНАМИКА УРОВНЯ И СТРУКТУРЫ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

В годы активного перехода к рынку (1990-е годы) в России и ее регионах масштабная (в первое полугодие – галопирующая) инфляция определила картину стремительного роста среднедушевых денежных доходов населения (в номинальном выражении), лишь отчасти погашающего ее влияние. Алтайский край кардинально проиграл в этой гонке за инфляцией и адаптации к рынку: вплоть до дефолтного 1998 г. регион ухудшал свои позиции на российском фоне (табл. 9.1).

Если в 1990 г. доходы жителей края и заработная плата работников его организаций была незначительно ниже среднероссийских (92,2 и 98,7% соответственно), то уже в начале реформ (1992 г.) они, соответственно, составляли 76 и 81,4% от аналогичной величины для России, а в 1998 г. упали до 52,8 и 67,7% (здесь и далее в качестве источника использованы данные Росстата за разные годы). И лишь в последние годы 1990-х годов ухудшение позиций по доходам населения Алтайского края относительно России удалось остановить, так как заработная плата в регионе продолжала сдавать свои позиции (53,7 и 61,4% в 2000 г.) – таблица 9.2.

Столь значительное ухудшение положения края по доходам соответствовало общему тренду для регионов Сибирского федерального округа. Ранее более высокие доходы сибиряков в этот период начали терять свои позиции на фоне доходов россиян. В 1995 г. доходы сибиряков были уже чуть ниже средних по стране (95,7%), далее этот разрыв постепенно увеличивался, и в 2000 г. они составляли уже 84,7% доходов россиян (см. табл. 9.1–9.2). Ухудшение позиций жителей регионов СФО по доходам в

¹ Сергиенко А.М. Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 1 (199). – С. 194–205.

Таблица 9.1

**Среднедушевые денежные доходы населения
и среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций
в 1990–2015 гг., руб. в месяц**

	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2014	2015
Доходы населения									
Российская Федерация	0,217	516	2281	8088	14864	16895	18958	27767	30225
Сибирский федеральный округ	...	494	1933	6681	12889	13491	15007	21490	23336
Алтайский край	0,200	347	1224	4640	9974	9868	11029	18434	21008
Зарботная плата									
Российская Федерация	0,303	472,4	2223	8555	17290	18638	20952	32495	34030
Сибирский федеральный округ	0,327	553,3	2270	8110	15381	16606	18658	28347	29616
Алтайский край	0,299	332,2	1365	4914	9732	10872	12051	19456	20090

Источник: Данные Росстата.

Таблица 9.2

**Соотношение среднедушевых денежных доходов населения,
среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций
и валового регионального продукта на душу населения Алтайского края
с аналогичными показателями по регионам СФО и РФ в 1995–2013(5) гг., %**

	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015
Доходы населения										
Алтайский край к регионам СФО	70,3	63,3	69,5	77,4	73,1	73,5	73,7	78,1	85,8	90,0
Алтайский край к регионам РФ	67,6	53,7	57,4	67,1	58,4	58,2	58,6	61,6	66,4	69,5
Зарботная плата										
Алтайский край к регионам СФО	60,0	60,1	60,6	63,3	65,5	64,6	67,3	68,2	68,6	67,8
Алтайский край к регионам РФ	70,3	61,4	57,4	56,3	58,3	57,5	60,1	60,5	59,9	59,0
ВРП на душу населения										
Алтайский край к регионам СФО	56,7	52,4	54,0	59,4	62,0	58,3	55,2	57,0
Алтайский край к регионам РФ	61,1	44,7	42,8	44,6	48,7	47,4	43,4	44,0

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

сравнении с россиянами в тот период было связано в первую очередь с регионами аграрной специализации (такими как Алтайский край) и республиками – национальными окраинами. В середине 1990-х годов доходы жителей края составляли 67,6% от среднесибирских, в конце десятилетия еще ниже – 63,3%. Хуже ситуация была только в республиках Тыва и Алтай.

Годы активных рыночных реформ характеризуются процессом усиления межрегиональной дифференциации по среднемесячной заработной плате работников предприятий. В 1990-х годах значительно усилились различия в динамике оплаты труда между аграрными и промышленными регионами с высокой долей добывающих отраслей. Значительный разрыв по оплате труда (до 2,5 раз) наблюдался между Алтайским краем и такими регионами СФО, как Кемеровская и Томская области, Красноярский край.

В годы экономического роста Алтайский край заметно восстановил позиции по доходам населения среди регионов России, хотя и не достиг уровня начала реформ. В 2008 г. уровень среднедушевых доходов жителей края составил 67,1% от значения аналогичного показателя по России. Среди регионов Сибири в этот период Алтайский край характеризовался по-прежнему одним из наименьших значений среднедушевых доходов, хотя разница заметно сократилась, и к началу глобального экономического кризиса они составляли 77,4% от доходов сибиряков (см. табл. 9.1–9.2).

Динамика отставания по среднемесячной заработной плате работников организаций Алтайского края от России и СФО имеет в этот период противоположные тренды: если в сравнении с регионами СФО край немного улучшил свои позиции (с 60,1% в 2000 г. до 63,3% в 2008 г.), то в сравнении со страной продолжал проигрывать (уровень относительного показателя упал с 61,4 до 56,3%). Первое объясняется тем, что за этот период регионы Сибири в целом более значительно ухудшили свои позиции по зарплате, потеряв свои преимущества в сравнении со всеми россиянами: если в 2000 г. этот показатель был выше чем в России на 2,1 п.п. (процентные пункты), то в 2008 г. уже на 11 п.п. ниже.

В 2009–2010 гг. глобальный экономический кризис слегка отразился на падении уровня среднедушевых доходов населения Алтайского края в сравнении с Россией (58,2–58,4%) и регионами СФО в целом (73,1–73,5%). Более того, в 2009 г. в крае произошло даже абсолютное сокращение доходов (на 1,1 п.п.), что не случилось с доходами жителей других регионов СФО и в стране в целом.

Начиная с 2011 г. Алтайский край компенсировал свое падение более интенсивным ростом доходов населения и заработной платы в сравнении с Россией и в большей степени – с регионами СФО, что отразилось на сокращении отставания. В 2015 г. доходы жителей края достигали 69,5% от средней по России, зарплата – 59,0%, а от средней по сибирским регионам – 90,0 и 67,8% соответственно (см. табл. 9.1–9.2). В целом, несмотря на заметное сокращение почти двукратной разницы с Россией, с начала 2000-х годов (на 15,8 п.п.) и еще более сильное – в сравнении с СФО (на 26,7 п.п. до 2015 г. включительно), масштабы отставания края от России по доходам населения остались значительными. Столь же весомым сохраняется отставание по зарплате от страны, причем за тот же период его размеры даже слегка увеличились (на 2,4 п.п.), наблюдалось лишь небольшое сокращение различий с СФО (на 7,7 п.п. до 2015 г. включительно). Аутсайдерские позиции Алтайского края ярко проявляются как на фоне страны, так и сибирских регионов. С начала «нулевых» край занимает одну из последних позиций по доходам населения и по заработной плате в СФО (почти стабильно последняя позиция с существенным отставанием от ближайшего (по данному

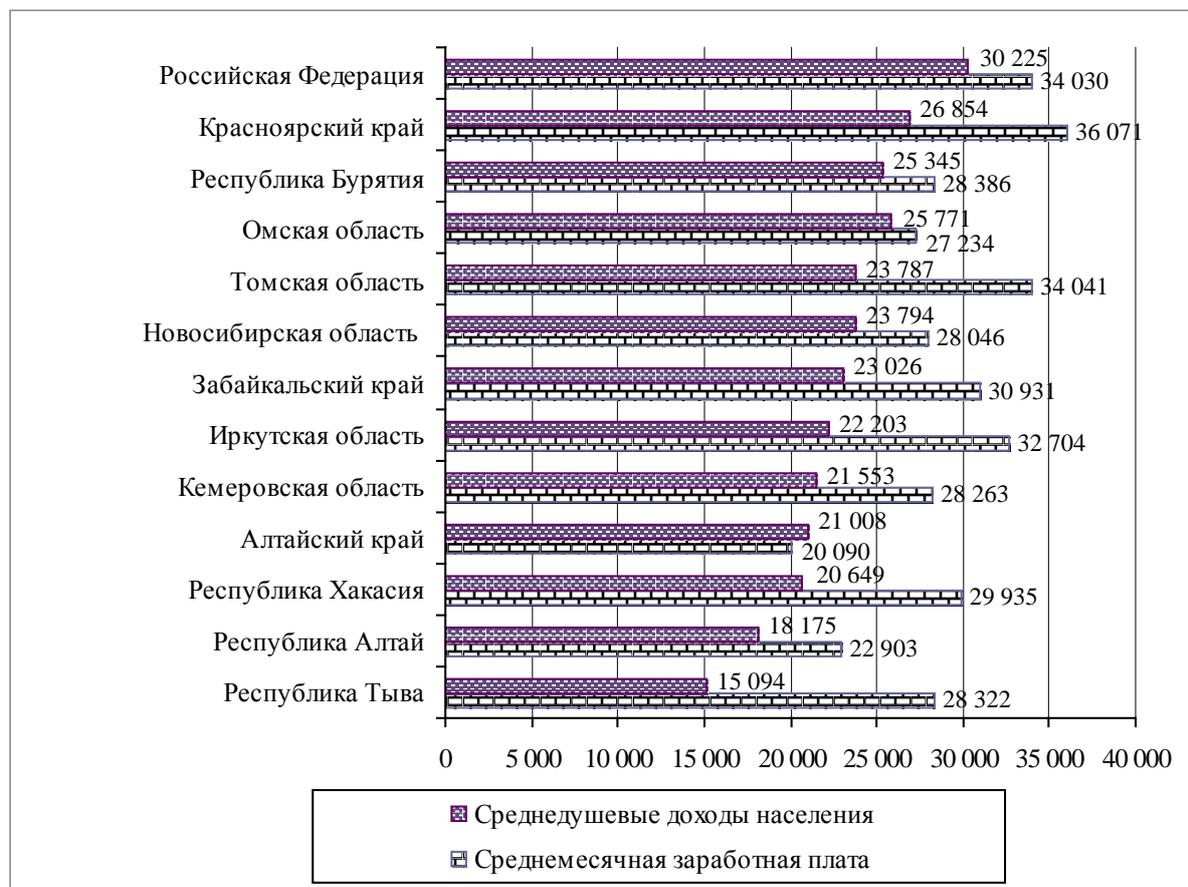

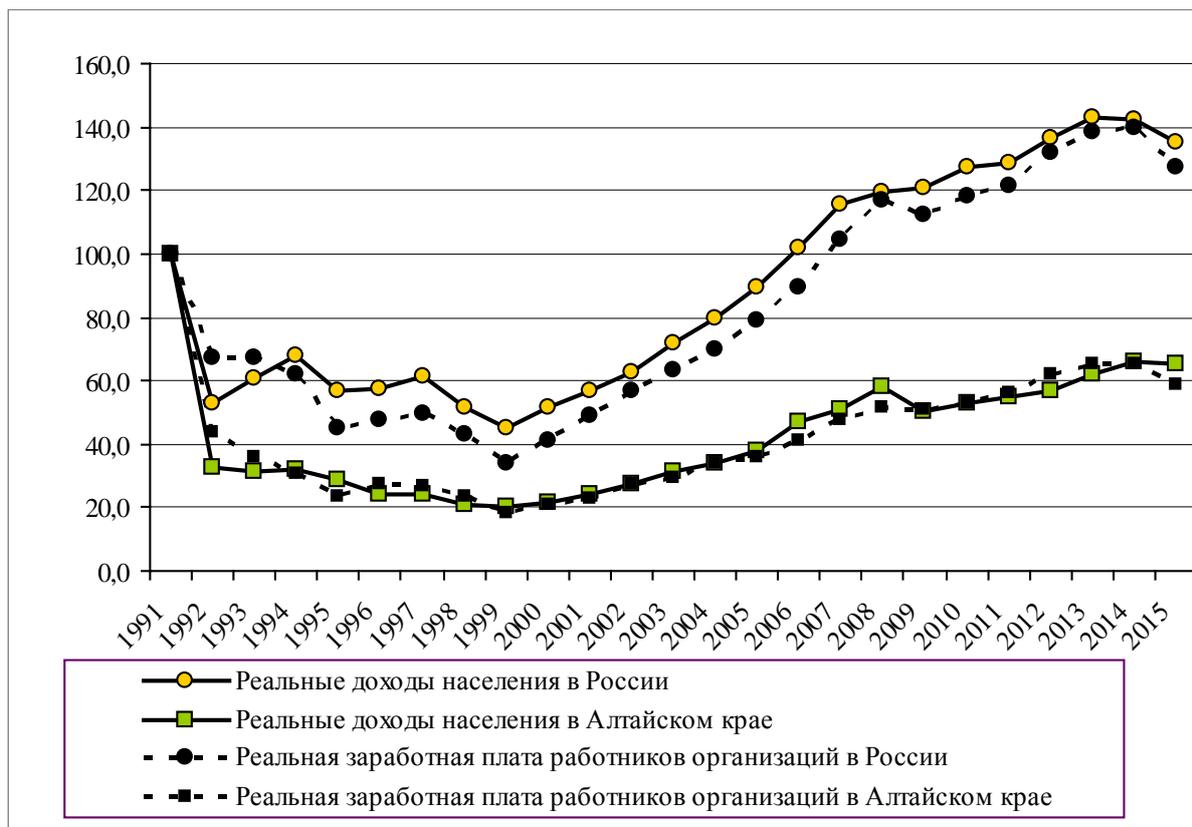
Рис. 9.1. Среднедушевые денежные доходы и среднемесячная начисленная зарплата работников организаций России, Сибирского федерального округа и его регионов в 2015 г., %

показателю) соседа (республики Алтай) – рисунок 9.1¹.

Динамика реальных денежных доходов населения регионов России, в том числе Алтайского края, за прошедший 25-летний период характеризуется следующими трендами:

- пиком обвального падения в 1991–1992 гг. (период либерализации);
- кратковременным заметным ростом в 1993–1994 гг., это не коснулось Алтайского края, хотя здесь в 1994 г. реальные доходы уже не падали (массовая приватизация);
- небольшим ростом в 1996–1997 гг. после падения в 1995 г., сменившимся более значительным их снижением в 1998–1999 гг., в крае – постепенным снижением за исключением 1997 г. (адаптационный период перехода к рынку в условиях высокой инфляции, дефолт рубля в 1998 г.);

¹ **Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий.** – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.; **Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко.** – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.2. Динамика реальных денежных доходов населения и реальной начисленной заработной платы работников организаций России и Алтайского края в 1992–2015 гг. (нарастающим итогом к 1991 г.), %

- сравнительно устойчивым их увеличением в 2000–2008 гг., с высокими годовыми темпами, в Алтайском крае – от 8,2 до 25,0% (благоприятная международная конъюнктура цен на энергоносители, усиление влияния социально-экономической политики);

- существенным сокращением темпов роста в стране за последующие 5 лет (2009–2013 гг.) с небольшим, но нарастающим падением в 2014–2015 гг. (кризисные явления в стране, усиленные снижением цены на нефть, внешнеполитическим давлением, санкциями), в крае – снижением реальных доходов только в 2009 г. на 13,2 п.п. (влияние глобального экономического кризиса) и в 2015 г. – на 1 п.п. (рис. 9.2)¹.

¹ Подробнее о характеристиках этапов экономического развития страны см., например: **Бобков В.** Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С. 46–58; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Мау В.** Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. – 2015. – № 2. – С. 5–31; О динамике реальных доходов населения в России и Алтайском крае см.: **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262; **Сергиенко А.М.** Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 1 (199). – С. 194–205.

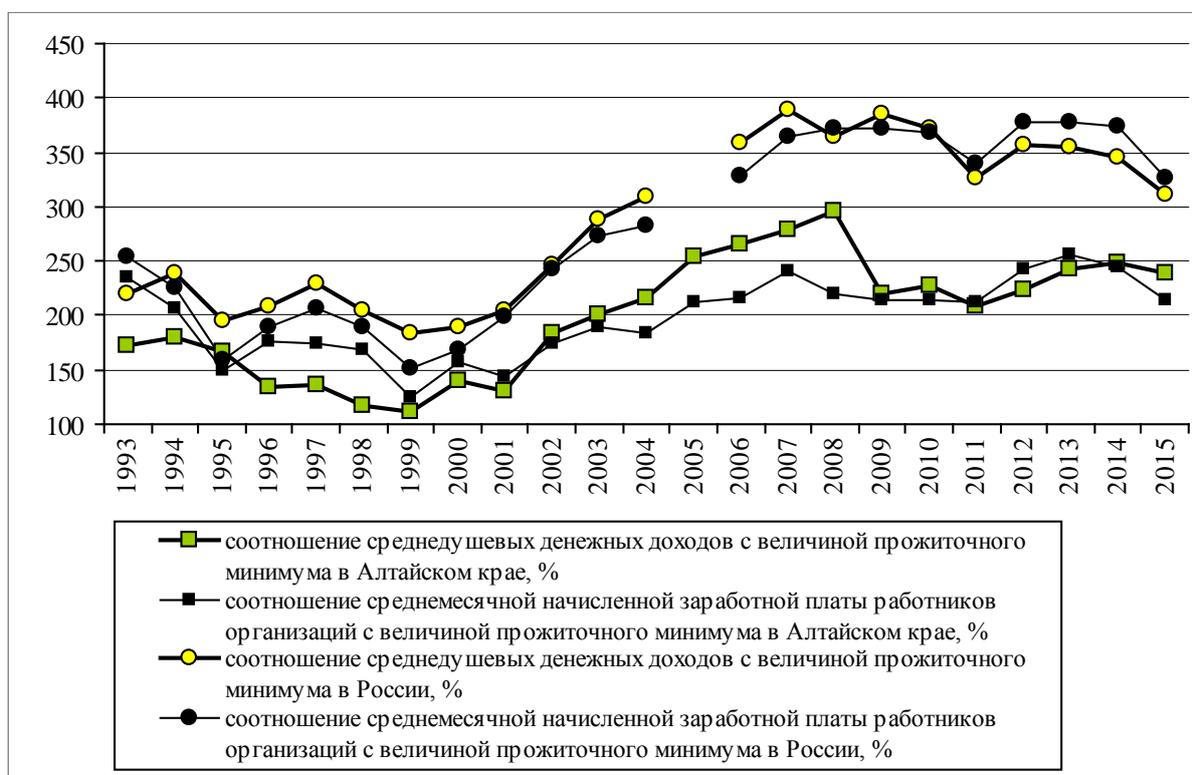
В целом характер динамики реальных доходов жителей Алтайского края соответствовал сибирским и общероссийским тенденциям, однако темпы падения доходов в 1990-х годах значительно превосходили средний уровень по Сибири и России, что обусловило их значительно более низкий уровень: например, по Алтайскому краю 19,9% от дореформенного уровня против 45,4% в стране (см. рис. 9.2). В годы экономического роста реальные доходы жителей Алтайского края росли более высокими темпами в сравнении с Россией и увеличились в 2,7 раза, что выше значения аналогичного показателя по стране (2,3 раза). Несмотря на более интенсивный восстановительный рост доходов жителей края в этот период, реальные доходы населения накануне глобального экономического кризиса (2008 г.) составляли только чуть более половины от дореформенного уровня (57,9% к уровню 1991 г.).

За исключением мощного падения реальных доходов в кризисном 2009 г. (на 13,2%), как уже было отмечено, все последующие годы до 2014 г. включительно в крае наблюдался прирост со значительными колебаниями от 3,6% в 2011 г. до 9% в 2013 г. Только в 2015 г. реальные доходы населения в крае «потеряли» 1 п.п., что значительно меньше «потерь» в сравнении с Россией в целом, где такое сокращение достигло 4,9 п.п., отражая современные кризисные явления в экономике. В итоге Алтайский край смог выйти на 65,4% от дореформенного уровня реальных доходов, тогда как Россия уже в 2003 г. преодолела этот рубеж и в 2015 г., несмотря на сокращение за два года, опережала уровень 1991 г. более чем на треть (135,1%) – см. рис. 9.2.

Реальная начисленная заработная плата работающих в экономике в России и Алтайском крае практически повторяет в своей динамике тренд реальных доходов (см. рис. 9.2). В период экономического роста реальная зарплата в Алтайском крае выросла в 2,5 раза, годовой прирост колебался в пределах от 6 до 20%. И в 2008 г. реальная зарплата составляла уже более половины (51,7%) от ее дореформенного уровня, что было лишь немногим больше отставания по реальным доходам. Кризисный 2009 г. практически выровнял позиции реальной зарплаты и реальных доходов относительно почти двукратного дореформенного уровня. И в новом десятилетии до 2013 г. включительно реальная зарплата в крае прирастала ежегодно с колебаниями от 4,2 до 10,5%, что выше страновых и среднесибирских показателей. Последние кризисные явления в экономике проявились уже в 2014 г. в низких темпах роста реальной зарплаты в стране (до +1 п.п.) и в небольших потерях – в регионе (–0,1 п.п.) и значительном падении – в 2015 г. (–9 и –10% соответственно). В этот год реальная зарплата в Алтайском крае достигла только 58,8% от дореформенного уровня, что в 2,2 раза ниже достигнутого в России относительно начала 1990-х годов (127,3%).

Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной зарплаты работников организаций с величиной прожиточного минимума соответствующих социально-демографических групп более чувствительно отражает изменения уровня жизни, покупательной способности населения в сравнении с трендами реальных доходов и заработной платы. Наименьшие значения этих показателей в России и Алтайском крае наблюдались в конце 1990-х годов: 1,52 прожиточных минимума (ПРМ) по соотношению с заработной платой и 1,83 – с доходами населения в России, а в регионах-«аутсайдерах» эти величины опускались, как видим по Алтайскому краю, почти до одного ПРМ (1,11 – по доходам и 1,25 – по зарплате) – рисунок 9.3.

В годы экономического роста величины соотношения доходов населения и заработной платы работников с ПРМ в России значительно увеличились. Более чем дву-

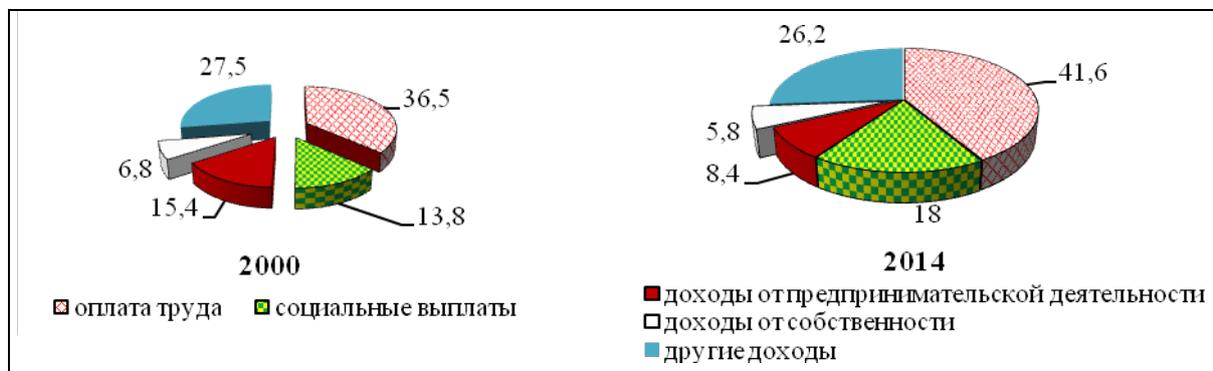
Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.3. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 1993–2015 гг.*

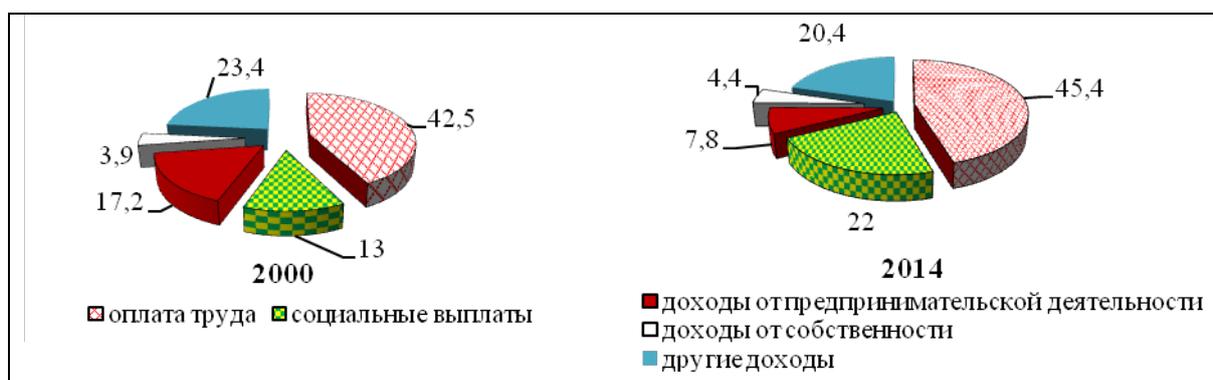
* На основании Федерального закона от 24.10.97 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума. С 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», кроме Самарской области. В 2014–2015 гг. в целях обеспечения статистической сопоставимости данных относительные показатели по Российской Федерации рассчитаны без учета сведений по Республике Крым и г. Севастополю. Соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума рассчитано для населения трудоспособного возраста.

кратный рост был достигнут по обоим показателям в 2007 г., приблизившись к четырем бюджетам ПРМ (3,9 и 3,64 соответственно). Покупательная способность доходов россиян тогда достигла максимума, в последующие годы она «вела себя» неустойчиво с преобладанием тенденции падения. Причем заметное сокращение доходов россиян по отношению к ПРМ в этот период в стране происходило трижды: в первый раз в кризисный 2008 г. (с 3,90 в 2007 г. до 3,65), затем – в 2010–2011 гг. (с 3,86 в 2009 г. до 3,26) и в современные кризисные 2014–2015 гг. (с 3,55 в 2013 г. до 3,12). Зарплата россиян ежегодно теряла свою величину в соотношении с ПРМ в 2009–2011 гг. (с 3,73 в 2008 г. до 3,40), последующий двухлетний рост поднял этот показатель до «исторического» максимума (3,79), а последний кризис «откинул» покупательную способность заработной платы на десять лет назад, причем основные потери произошли в 2015 г. (3,26).

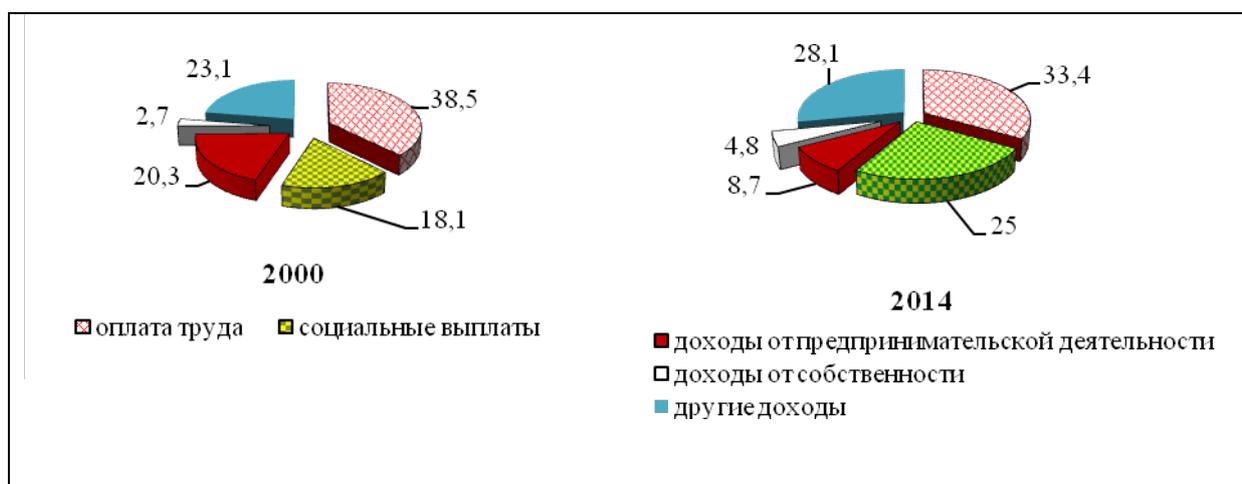
Российская Федерация

Сибирский федеральный округ

Алтайский край

Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.4. Структура источников формирования денежных доходов населения России, СФО и Алтайского края в 2000 г. и в 2014 г., %

В Алтайском крае кризисные явления в экономике в 2008–2009 гг. драматически отразились на падении доходов и зарплаты по отношению к ПРМ: с 2,96 в 2008 г. до 2,20 в 2009 г. – по доходам; с 2,41 в 2007 г. до 2,13 в 2009 г. – по зарплате, что стало соответствовать показателям середины «нулевых». За последние два кризисных года снижение покупательной способности заработной платы в крае было менее глубоким, чем в стране (на 17%), что касается доходов жителей края, то их покупательная способность упала только в 2015 г. на 4%. Таким образом, в 2015 г. доходы жителей и заработная плата работников организаций края составили чуть более двух бюджетов ПРМ (2,39 и 2,13), что в 1,3 и 1,5 раза ниже соответствующих показателей в России.

Вектора изменений структуры доходов населения Алтайского края в 1990-х годах определялись более высокими по сравнению с российскими значениями динамикой и удельным весом доходов рыночного характера (связанных с развитием предпринимательства и институтов финансовой сферы) в общей структуре доходов населения и одновременно более низкими динамикой и долей социальных трансфертов и доходов от собственности, более низкими темпами падения доли оплаты труда. В крае удельный вес оплаты труда сократился с 73,3% в 1990 г. до 38,5% в 2000 г., что существенно ниже значений аналогичного показателя по Сибири и России в целом. В 1,8 раза вырос удельный вес доходов от предпринимательской деятельности и собственности – с 11 до 20,3% (максимальная величина данной статьи доходов зафиксирована государственной статистикой в 1998 г. – 37,5%) – рисунок 9.4. Доля социальных трансфертов в структуре доходов жителей края в тот же период выросла в полтора раза – с 12 до 18,1%. К началу периода экономического роста сформировалась более значительная зависимость жителей Алтайского края от государственных социальных трансфертов в сравнении с жителями других регионов Сибирского федерального округа.

С начала 2000-х годов и до последнего времени в Алтайском крае, как и в регионах Сибири и России в целом, наблюдался существенный рост удельных весов таких ключевых элементов структуры доходов населения, как оплата труда и социальные выплаты, и напротив – значительное снижение долей доходов, полученных от предпринимательской деятельности, развития института собственности (см. рис. 9.4). Но в крае и регионах Сибири в целом значительно больше чем в России выросла доля социальных выплат. В 2014 г. в Алтайском крае доля социальных выплат была выше на 7,1 п.п., чем в России (25% против 18,1%), доля оплаты труда – на 8,2 п.п. ниже (33,4% против 41,6%), и незначительно отличались удельные веса доходов от предпринимательства (8,7 и 8,4%) и от собственности (4,8 и 5,8% соответственно).

В основе формирования уровня, структуры и дифференциации доходов населения, как известно, лежат экономические процессы, отражающиеся в частности в показателях валового продукта, производства отдельных видов продукции, а также социальная политика перераспределительных отношений. Сравнительный анализ позиций Алтайского края и регионов СФО и РФ в целом по валовому региональному продукту на душу населения, фиксирующему результативность экономической деятельности, а также по среднедушевым доходам населения и заработной плате работников организаций, отражающих вознаграждение за полученный результат, – показал следующее.

Во-первых, по ВРП на душу населения отставание края и от регионов СФО, и от регионов России существенно выше отставаний по заработной плате, и особенно по доходам населения, т.е. вознаграждение в крае выше результативности в экономике (см. табл. 9.2).

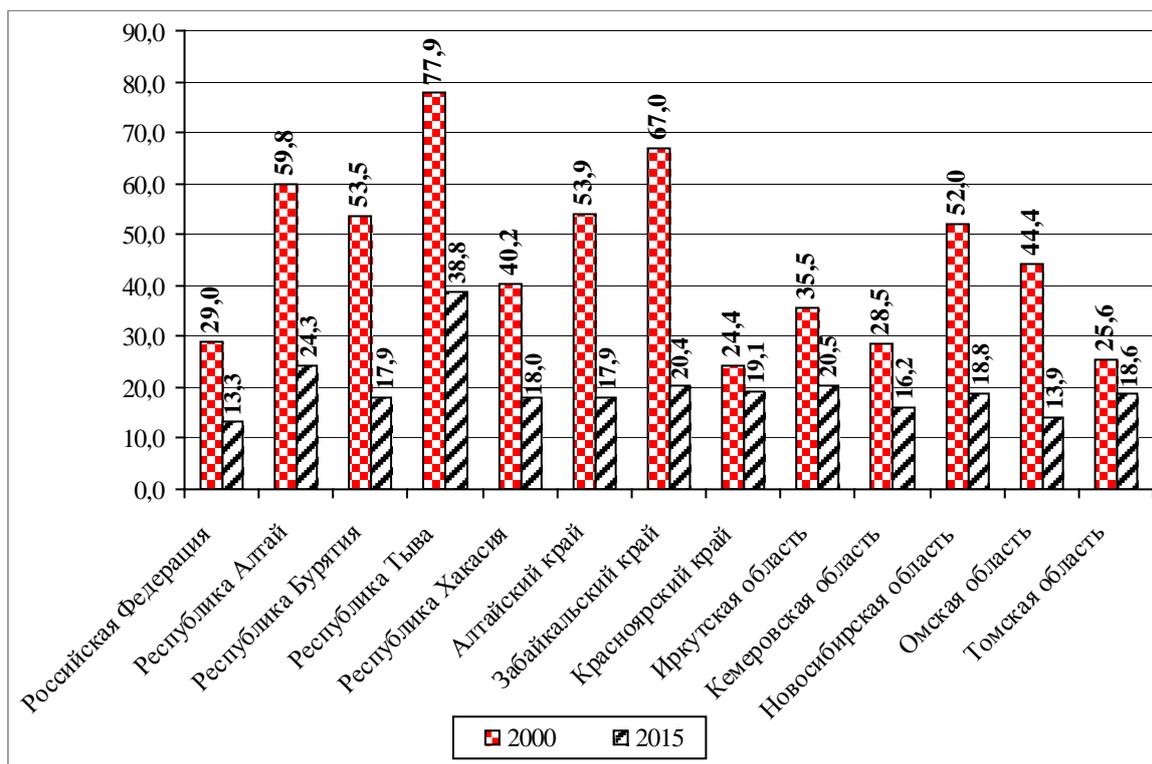
Во-вторых, с начала 2000-х годов отрыв края от Сибири по ВРП на душу населения и по заработной плате уменьшился незначительно – на 7,4 п.п. (с 47,6% в 2000 г. до 40,2% в 2013 г.) и на 8,5 п.п. (с 39,9 до 31,4% соответственно), тогда как разница по доходам населения сократилась в 2,6 раза – с 36,7 до 14,2%). Вместе с тем за этот период различия края с регионами России по ВРП на душу населения и по заработной плате практически не изменились (с 44,7 и 61,4% в 2000 г. до 45,6 и 59,9% в 2013 г.), лишь по доходам населения сократились почти в полтора раза (с 46,3 до 33,6%). Это свидетельствует, с одной стороны, о сравнительно сильной устойчивости трендов отставания края по показателям ВРП на душу населения и по заработной плате, а с другой стороны, о довольно весомом влиянии других факторов, позволивших заметно сократить различия по доходам населения. На наш взгляд, здесь речь может идти, прежде всего, о влиянии социальной политики, перераспределительных процессов в социально-экономической сфере в пользу отстающих регионов, поскольку именно доля социальных трансфертов в крае растет более высокими темпами в сравнении со страной и Сибирью. Кроме того, важнейшим фактором отставания по показателям ВРП на душу населения и по заработной плате для регионов аграрной специализации является сохраняющийся, по мнению многих ученых и практиков, так называемый «диспаритет цен» в сельском хозяйстве. Последний проявляется в относительно заниженных ценах на продукцию сельского хозяйства, составляющих, в конечном счете, значительную часть ВРП.

9.2 ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Рост бедности населения (доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения) наблюдался в 1990-х годах в России и всех ее регионах, однако динамика бедности во многих сибирских регионах была одной из наиболее неблагоприятных. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в СФО превышал средний по России в 1,7 раза (48,1% против 29% по РФ). Это относилось к 9 из 12 регионов, включая Алтайский край (рис. 9.5). В этот период в крае максимальная величина уровня бедности зафиксирована статистикой в 1998–2000 гг., когда более половины всего населения (54–57%) получали доходы ниже прожиточного минимума, т.е. находились за чертой бедности (рис. 9.6)¹.

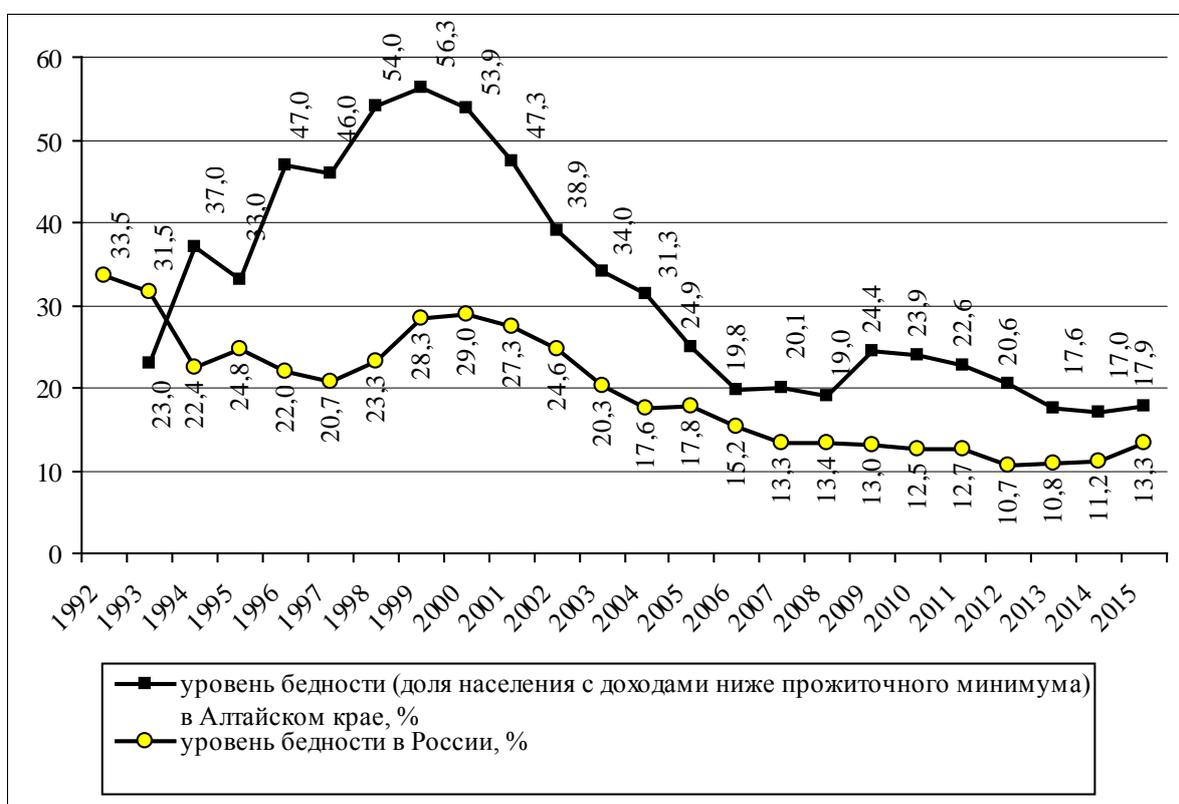
За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности в Алтайском крае составил 2,4 раза, что определялось более значительными снижением реальных доходов населения и спадом экономики, не подкрепленными адекватными мерами по стимулированию экономической активности населения и активной социальной поддержкой его бедных категорий. Причем если в первой половине 1990-х годов масштабы бедности в крае несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине опережение региона по данному показателю составляло 2,0–2,2 раза.

¹ Подробнее см.: **Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития**: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.; **Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления**: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.5. Уровень бедности населения регионов Сибирского федерального округа и России в 2000 г. и в 2015 г., %

Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.6. Динамика уровня бедности в России и Алтайском крае в 1992–2015 гг.

Экономический рост в 2000-х годах и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины десятилетия привели к кардинальному сокращению масштабов бедности¹. Этот период ознаменовался в регионах России довольно устойчивым сокращением бедности (в стране до 13,3% в 2007 г., в 2,2 раза). Глобальный экономический кризис не повлиял значительно на этот позитивный тренд, в 2008–2013 гг. включительно сокращение бедности преобладало над ее незначительным повышением в отдельные годы (в пределах 0,1–0,3 п.п.). Самый низкий уровень бедности был зафиксирован статистикой в 2012 г. (10,7%), когда страна почти достигла целевого норматива по Программе ООН –10%. Но последующие три года бедность набирала обороты, что обусловлено современными кризисными явлениями в экономике. И только в 2015 г. она выросла до 13,3%, т.е. Россия вернулась к ситуации 2007 г.

В Алтайском крае годы экономического роста также характеризуются устойчивым сокращением бедности. Уровень бедности сократился почти в три раза с начала тысячелетия, до 19,0% в 2008 г. (на 4 п.п. ниже уровня 1993 г.). К началу глобального экономического кризиса разрыв с российским уровнем составлял 1,4 раза (меньше было только в 2006 г. – 1,3 раза).

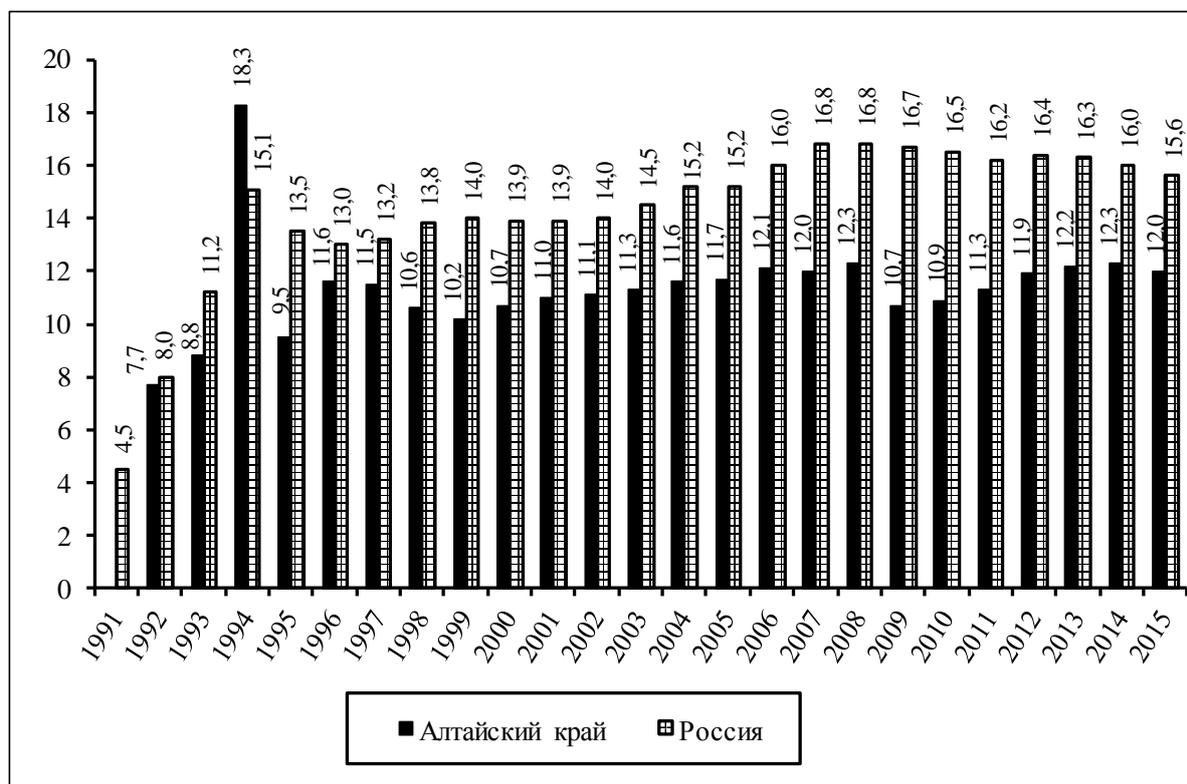
Глобальный кризис лишь на один год «сломал» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 5,4 п.п., достигнув 24,4%. В последующую «пятилетку» (2010–2014 гг.) бедность уменьшилась до 17,0% (наименьшего значения с начала 1990-х годов). В 2015 г. бедность немного выросла (до 17,9%), и ее масштабы уже только на 28,9% превышали российские в сравнении с двукратной разницей 15 лет назад.

Жители всех регионов Сибирского федерального округа в 2015 г. стали беднее. На фоне сибирских регионов Алтайский край занимает третью-четвертую позицию (от наименьшего уровня) вместе с Республикой Бурятия (см. рис. 9.5). Только за 2014 г. Алтайский край улучшил позиции в процессах сокращения бедности, опередив Забайкальский край и Иркутскую область (где бедность, напротив, заметно выросла), а в 2015 г. бедность еще в трех регионах (Новосибирской и Томской областях, Красноярском крае) стала более масштабной, чем в крае. Население 8 сибирских регионов стало жить беднее жителей края.

Вместе с ростом бедности в 1990-х годах в России наблюдались активные процессы социальной поляризации общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% и наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли 15,1 раз и 40,9% соответственно (для сравнения: в 1991 г. – 4,5 раза и 26%) – рисунки 9.7–9.8.

После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 год, происходило уже некоторое сокращение и последующая стабилизация различий в денежных доходах россиян: коэффициента фондов – на отметке 14 раз, коэффициента Джини – на уровне 40%.

¹ См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Российские домохозяйства** накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.

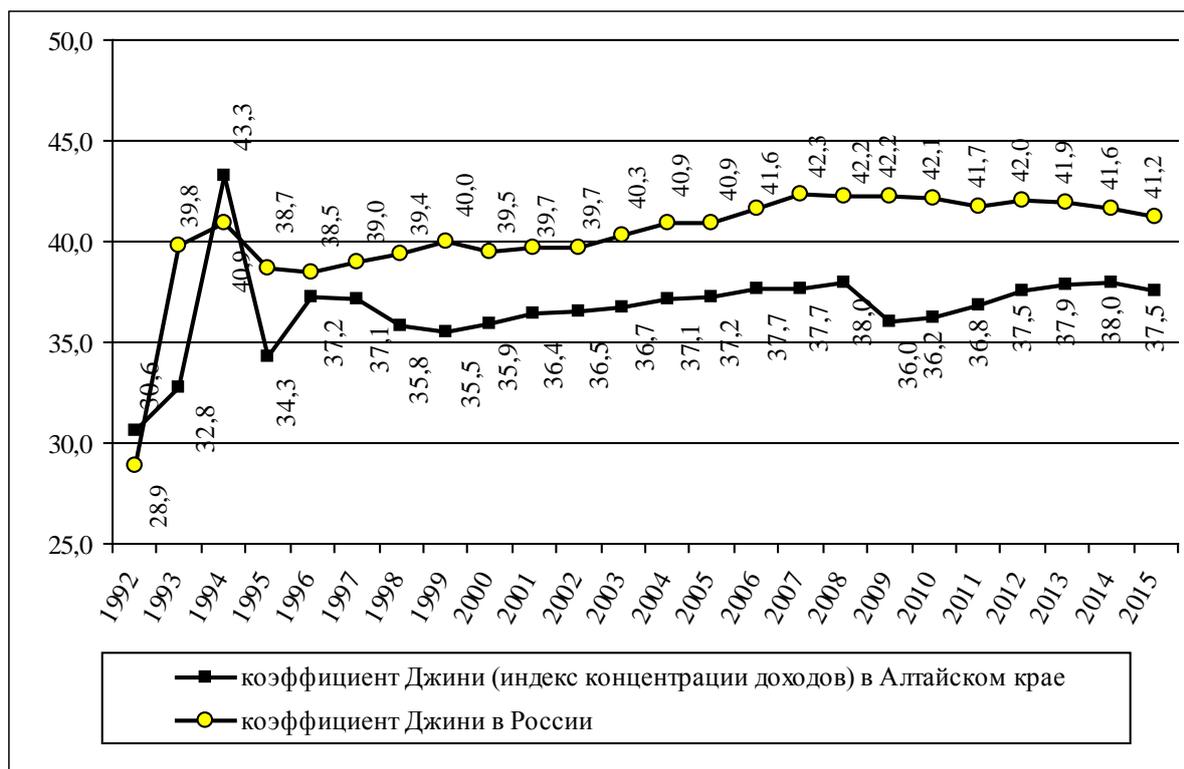
Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.7. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и Алтайском крае в 1991–2015 гг., раз

Для сравнения: неравенства по доходам в развитых странах в этот период в ряде случаев были заметно ниже (коэффициент Джини был равен 25–35%).

В годы экономического роста Россия со все большим отрывом превышает 10-кратную планку по разнице в доходах 10% богатых и 10% самых бедных, за которой, по мнению зарубежных ученых, должно прекратиться устойчивое развитие общества, без социальных потрясений и катаклизмов. Максимальное значение показателя наблюдалось в конце периода экономического роста, в 2008 г., тогда коэффициент фондов достиг 16,9 раз (для сравнения: в «нулевых» такой коэффициент составлял 12–14 раз в США, 6–7 раз – в Европе, 4 – в Скандинавских странах; даже в Латинской Америке разрыв был меньше – 14–15 раз). Годы влияния глобального экономического кризиса, современные кризисные явления в экономике страны привели к стабилизации и некоторому сокращению данного показателя – до 15,6 раз в 2015 г. Другой показатель расслоения, коэффициент Джини, показывает аналогичные тренды в России; постепенно сокращаясь с 2009 г., в 2015 г. он достиг 41,2%.

Дифференциация по доходам населения в Алтайском крае заметно отставала от аналогичной в стране, хотя характер динамики им соответствовал. Особенно активно различия нарастали в первой половине 1990-х годов (рис. 9.7–9.8). Наибольшее значение коэффициента фондов в тот период наблюдалось в 1994 г. (18,3) и было заметно выше российского уровня (15,1), для сравнения: в 1991 г. – 4,5. Во второй половине десятилетия значение данного показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.8. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 1992–2015 гг., %

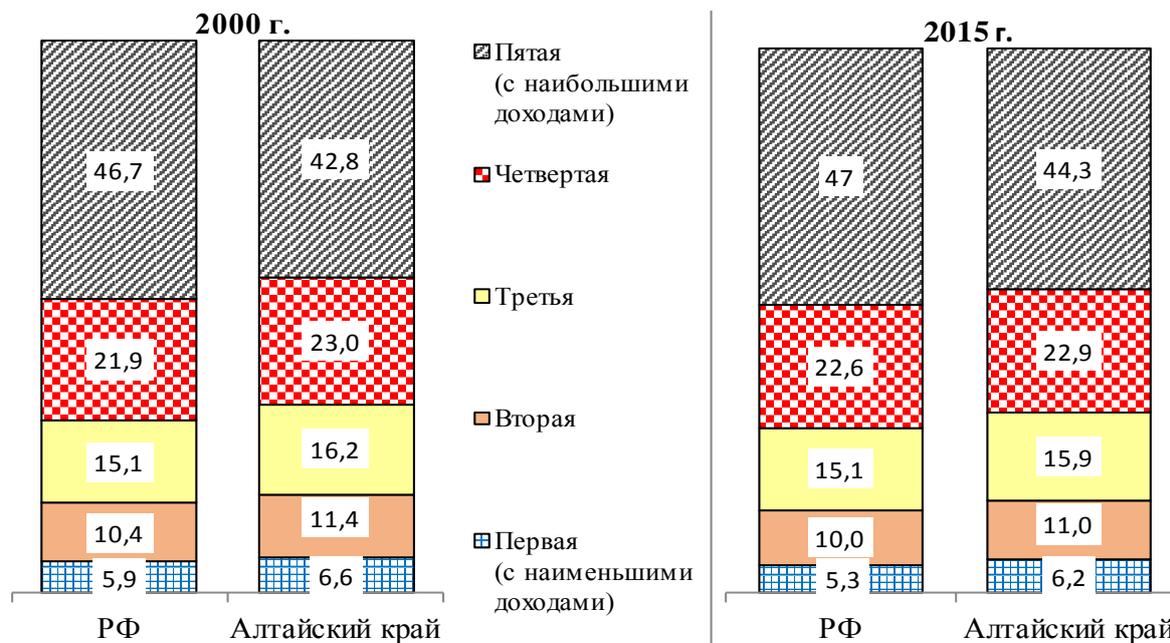
Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс дифференциации (вопреки снижению бедности), напротив, придав ему характер устойчивой тенденции¹. В этот период различия в денежных доходах крайних децильных групп постепенно выросли с 10,7 раз в 2000 г. до 12,3 раз в 2008 г., лишь под влиянием глобального кризиса в 2009 г. коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. Последующие 5 лет ушли на восстановление прежних масштабов дифференциации, коэффициент фондов в регионе заметно вырос, вновь достигнув в 2014 г. максимальной величины конца периода экономического роста (12,3 раза); но в 2015 г. этот показатель, как и в стране, изменил свой растущий тренд на небольшое снижение (12 раз) – см. рис. 9.7. Разница в масштабах дифференциации доходов между Россией и Алтайским краем составила 1,3 раза («в пользу» страны).

¹ См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Богомолова Т.Ю.** Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990-2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108–120; **Гонтмахер Е.Ш.** Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Российские домохозяйства** накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.; **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов (рис. 9.8). Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. (43,3%). С 1995 г. оно не превышало 40%. Рост показателя в годы экономического роста завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 12,2 п.п. ниже российского уровня. Глобальный экономический кризис также развернул на один год кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (36%), а затем в период с 2010 до 2014 года вернул тенденцию к социальному расслоению вспять. В 2014 г. данный коэффициент составил уже 38%, что соответствовало уровню 2008 г., но уже в 2015 г. экономический кризис вновь слегка «пошатнул» растущий тренд социального расслоения (37,5%).

Анализ динамики общего объема доходов населения по квинтильным (20%-ным) группам также подтверждает рассмотренные выше тенденции (рис. 9.9). В годы экономического роста в Алтайском крае продолжала непрерывно и чуть более интенсивно, чем в стране, расти доля доходов самого верхнего, пятого квинтиля (20% наиболее обеспеченных жителей) – с 42,8% в 2000 г. до 44,4% в 2008 г., хотя за Россией сохранились более высокие позиции (46,7 и 47,9% соответственно). За последние годы значения этих показателей в стране и крае немного снизились: 47 и 44,3% соответственно в 2015 г.

В целом с начала 2000-х годов в крае выросла доля только верхнего квинтиля, удельные веса остальных сократились, особенно заметно – трех нижних, т.е., другими словами, происходило обогащение 20% наиболее обеспеченных жителей, остальные относительно них обеднели. Это несколько отличается от ситуации в стране, где кроме верхнего квинтиля выросла также доля четвертого, т.е. процесс расслоения происходил чуть более равномерно. Таким образом, динамика распределения доходов населения свидетельствует о продолжающихся процессах роста социально-экономических неравенств, поляризации общества, причем в крае эти процессы идут более интенсивно.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.9. Распределение общего объема денежных доходов населения Алтайского края и России по 20%-ным группам в 2000 г. и в 2015 г., %

Неравенства по доходам населения имеют ярко выраженную территориальную проекцию. Это проявляется, *во-первых*, в различиях в доходах сельских и городских жителей (рис. 9.10). По результатам обследований домохозяйств в Алтайском крае, сельские домохозяйства получают значительно более низкие доходы в сравнении с городскими. Так, за последние 5 лет (с 2011 по 2015 год) доходы сельчан выросли на 26%, достигнув 13,9 тыс. руб., доходы горожан выросли на 56% и составили 20,1 тыс. руб. Но рост доходов, как и различия по ним между городом и селом, не являются устойчивыми¹. Например, в 2012 г. доходы сельских жителей упали на 20%, что во многом было связано с сильной засухой и падением урожайности в сельском хозяйстве. Наиболее сильные различия в рассматриваемый период наблюдались в менее благополучные годы (относительно неурожайные, кризисные). Так, в 2012 г. доходы горожан были в 1,58 раз выше, чем доходы сельчан, тогда как в 2014 г. сократились более чем на треть, составив лишь 1,18 раз. В кризисном 2015 г. различия вновь заметно выросли – 1,44 раза.

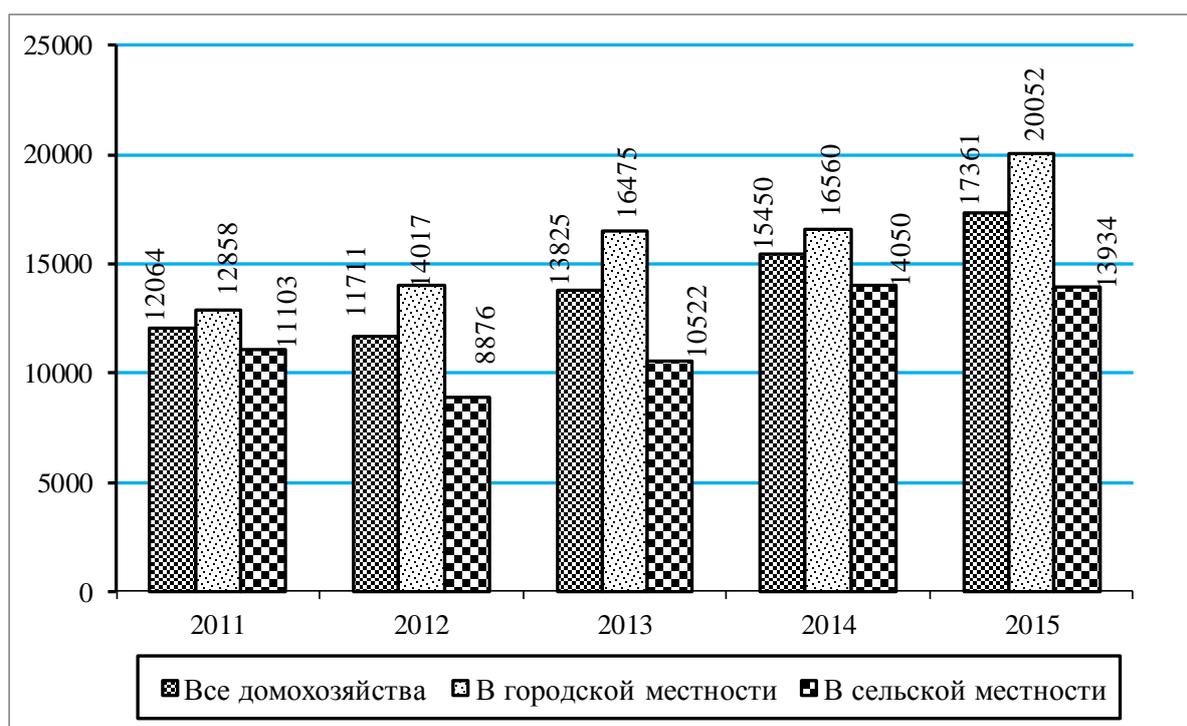

Рис. 9.10. Доходы сельского и городского населения Алтайского края в 2011–2015 гг. (по результатам обследований домохозяйств), %

¹ Помимо причин объективного социально-экономического характера, связанных с особенностями формирования бюджетов домохозяйств, эта неустойчивость может объясняться и определенными погрешностями измерения, связанными с небольшими объемами выборочных обследований домохозяйств, не позволяющих в необходимой степени обеспечить репрезентативность выборки относительно генеральной совокупности.

Таблица 9.3

**Территориальные различия по крайним значениям
среднемесячной начисленной заработной платы
работников организаций в Алтайском крае в 2011–2015 гг.**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015
Между крайними значениями, раз					
По краю – между городами и сельскими муниципальными районами	1,89	1,93	1,99	1,81	1,96
Между городами	1,49	1,50	1,51	1,37	1,55
Между сельскими муниципальными районами	1,58	1,55	1,58	1,58	1,70
Стандартное отклонение					
По краю – между городами и сельскими муниципальными районами	1897,2	2172,9	2377,7	2432,8	2874,2
Между городами	2246,3	2506,5	2677,3	2510,6	3567,4
Между сельскими муниципальными районами	1154,6	1384,7	1527,9	1682,3	1925,9

Во-вторых, территориальные различия по доходам населения наглядно проявляются в показателях среднемесячной заработной платы работников организаций в разрезе городов и сельских муниципальных районов (табл. 9.3). В 2015 г. различия в крайних (максимальном и минимальном) значениях зарплаты между городами составили более полутора раз (1,55), между сельскими муниципальными районами они еще выше – 1,7 раз, а между теми и другими разница достигает двух раз. За последние 5 лет территориальные «крайние» различия заметно выросли; наиболее существенно их рост наблюдался между городами (7,6%), между районами различия выросли в два раза меньше – почти на 4%. Стандартное отклонение по заработной плате в городах края составило в 2015 г. 3567 руб., в районах – 1926 руб.; за последние пять лет оно выросло в 1,6 и 1,7 раза соответственно.

Среди городов по заработной плате лидировал до последнего времени Новоалтайск, лишь в 2015 г. – Барнаул. И, напротив, последние пять лет городами «аутсайдерами» являлись Славгород и Яровое. Среди сельских районов наиболее высокие значения по заработной плате набирали в 2011–2013 гг. Кулундинский и Рубцовский, в последние два года – Змеиногорский районы, а наиболее низкие – Тюменцевский и Шелаболихинский районы, а в 2015 г. – Алейский район.

9.3 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НЕРАВЕНСТВА В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Для измерения масштабов социально-экономических неравенств воспользуемся представлением о бедности и обеспеченности (богатстве) с опорой на ключевые концепции социальной стратификации. Под бедностью сельского населения нами понимается его социально-экономическое положение, характеризующееся низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными и натуральными ресурсами, их нехваткой, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи. Помимо трех концепций определения и измерения бедности (абсолютной, относительной и субъективной), в оценке сельской бедности мы опираемся на положения А. Сена о неравенстве социального выбора, подразумевающего необходимость учитывать доступность социальных благ, и на депривационный подход П. Таунсенда, который исследовал бедность как интегральную характеристику статуса в зависимости от имеющихся социальных ресурсов¹. Кроме того, мы используем результаты исследований Л. Бондаренко, З. Калугиной, Л. Овчинцевой и других отечественных ученых², оценивающих бедность и неравенства в современной России с учетом лишений и возможностей сельского населения.

Для оценки масштабов и глубины сельской бедности нами использована оценка материального положения семьи, включающего не только совокупные (денежные и натуральные) доходы семьи, но и характеристики лишений, связанных с потреблением, доступностью и качеством жилья, рабочих мест, образования, услуг здравоохранения и других социальных услуг, нарушениями трудовых и других социальных прав. На этой основе выделены три уровня бедности: обездоленность или крайнюю бедность (когда «денег не хватает даже на питание»), средний уровень (таким бедным «средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но не хватает – на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей») и относительную бедность (для кого «проблемой является покупка вещей длительного пользования»)³. Остальные сельские жители отнесены к относительно обеспеченным.

По результатам социологических исследований, в материальном положении сельского населения вплоть до 2014 г. происходили радикальные позитивные сдвиги. По сравнению с началом 2000-х годов уже к концу десятилетия почти в 3 раза сократились масштабы бедности, в полтора раза выросла доля средней группы (до 75%) и более чем в два – удельный вес относительно обеспеченных (7%) – рисунок 9.11. В 2011 г. масштабы обездоленности среди бедных были уже сравнительно невелики (13%), около 40% составляла средняя группа бедных и было около половины относи-

¹ Сен А. Развитие как свобода. – М. : Новое издательство, 2004. – 432 с.; Townsend P. The Meaning of Poverty // The British Journal of Sociology. – 2010. – No 61. – Pp. 85–102.

² См.: Бондаренко Л. Бедность сельской России // Отечественные записки. – 2012. – № 6. – С. 104–116; Калугина З.И. Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6 (51). – С. 117–129; Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. – 2004. – № 1. – С. 26–30.

³ Подробнее о методологических основах и результатах исследования см.: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; Сергиенко А.М. Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. № 2/1 (74). – С. 200–224.

тельно бедных. При этом различия в масштабах лишений этих трех групп оставались значительными¹.

Далее масштабы и глубина бедности продолжали сокращаться, и по опросу 2013 г. основные подвижки произошли уже за счет перемещения из группы относительно бедных в сторону обеспеченности: доля тех, кто может без труда приобрести себе любые товары длительного пользования и более богатых, составила уже около 20%, т.е. выросла более чем в 2 раза за предшествующие 5 лет (см. рис. 9.11). Сокращение масштабов бедности и рост социально-экономического неравенства отразились на улучшении социального настроения, репродуктивных и миграционных установок сельских жителей².

Такие изменения произошли, прежде всего, благодаря росту экономической активности более благополучных групп, а также сокращению доли тех, кто ничего не предпринимал для улучшения своего положения. Последних было около 20% среди всего сельского населения в начале 2000-х годов, а осталось около 7% в 2013 г. И простимулировано это было во многом запуском госпрограмм развития села.

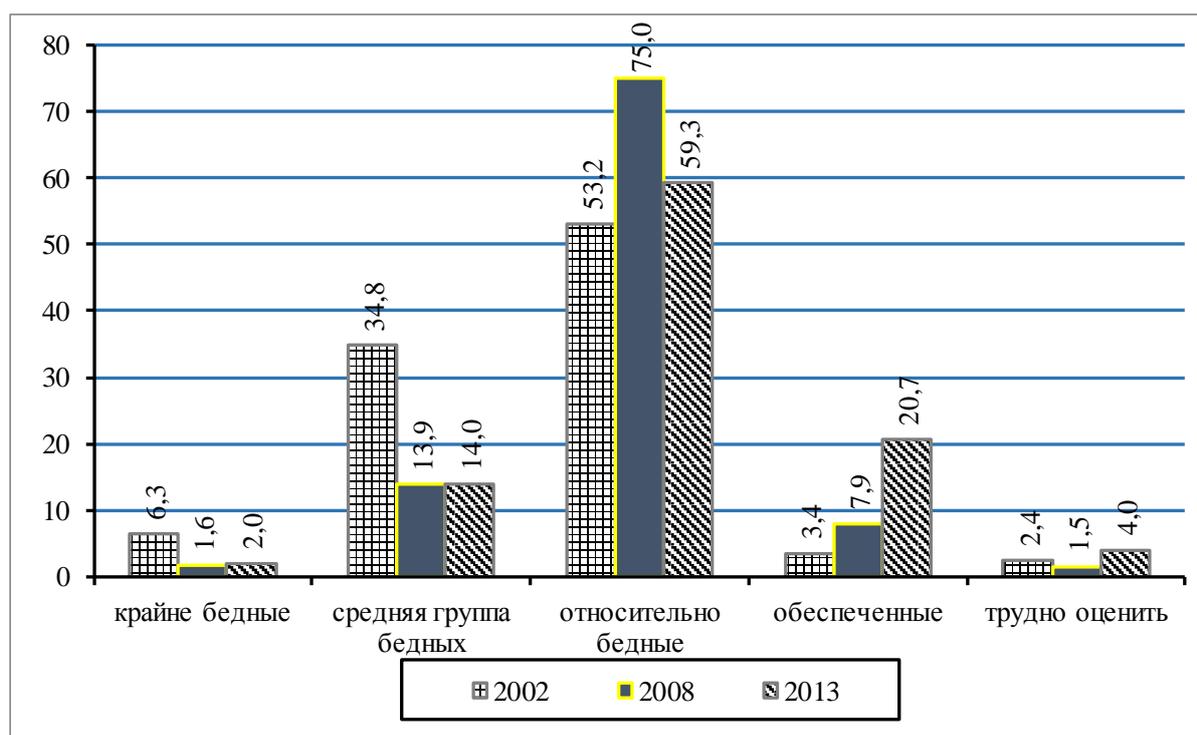

Рис. 9.11. Оценка сельскими жителями материального положения семьи в 2002 г., в 2008 г. и в 2013 г., %

¹ Подробнее о лишениях см.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.

² Подробнее см. в п. 8.3 монографии.

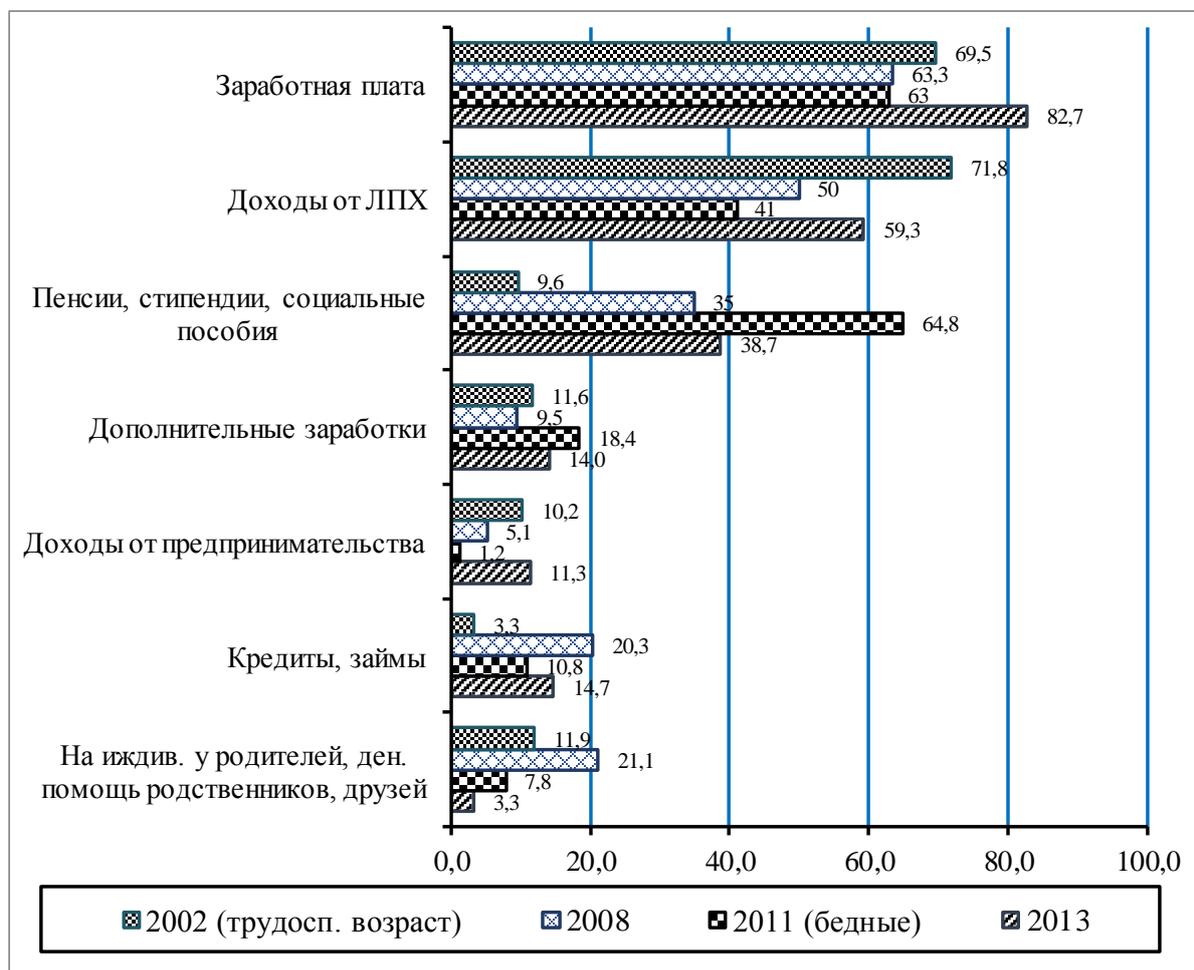

Рис. 9.12. Структура сельского населения по источникам доходов, %
(по данным опросов в 2002 г., в 2008 г., в 2011 г. и в 2013 г.)

Изменения экономической активности сельского населения отражает структура их доходов (рис. 9.12). Если в 2002 г. более 70% респондентов называли личные подсобные хозяйства в качестве главного источника доходов, основы выживания, то в 2008 г. лидирующие позиции среди доходов уже занимала зарплата (63%), а доходы от семейного подворья имела только половина селян. К 2013 г. зарплата еще более упрочила свое лидерство (83%). Заметно выросла роль пенсий и других социальных выплат: их получают около 40% сельских жителей (почти 2/3 получателей среди бедных в 2011 г.). В последние докризисные годы повысилась также доля предпринимательских доходов (их получал каждый десятый), чему способствовал запуск программ стимулирования малого бизнеса.

Тенденции улучшения материального положения сельских жителей соответствовали краевым трендам сокращения бедности и роста реальных доходов населения. В 2015 г. в Алтайском крае произошел перелом позитивного тренда сокращения бедности, и в селах с этого периода также наблюдается явный рост обеспокоенности сельских жителей проблемами падения уровня доходов и роста бедности.

Факторами, дифференцирующими социально-экономические позиции сельчан, традиционно остаются образование и занятость (статус и сфера занятости), влияют также место жительства, семейное положение и количество детей, пол, возраст и здоровье. Анализ социального профиля сельского неравенства показал, что обеспеченных и зажиточных чаще представляют мужчины, старшая молодежь до 30 лет, холостяки. Эту группу чаще заполняют представители бизнеса и самозанятые в сферах торговли и сельского хозяйства, транспортных услуг. Обеспеченные проживают как правило в крупных селах. В «нулевых» это была самая образованная группа селян с самой высокой долей со средним профессиональным и высшим образованием, но в последнее время различия по уровню высшего образования с относительно бедными стерлись. За счет пополнения группы молодежью и пенсионерами обеспеченные потеряли в последние годы и лидерство по количеству детей в семье.

Среди *относительно бедных* чаще, чем среди *более бедных*, можно встретить пенсионеров, но сравнительно высока представленность и молодежи (особенно младшей – до 24 лет). В эту группу чаще попадают работники социальной сферы, а также занятые только в личном подсобном хозяйстве. Уровень образования «относительно бедных» близок к обеспеченным. Относительно бедные чаще других групп образуют семью и в этой группе больше всего многодетных семей. Проживают относительно бедные значительно чаще в средних селах (от 500 до одной тысячи жителей).

В группе средней и крайней бедности оказались в первую очередь низкооплачиваемые рабочие (обычно в сельском хозяйстве) и безработные, причем для обездоленных больше характерна долгосрочная безработица. Средне и крайне бедные имеют обычно низкий уровень образования, высока доля с начальным профобразованием (рис. 9.13). Такая бедность встречается чаще в среднем (ближе к 40 годам) и старшем трудоспособном возрасте. Среди обездоленных значительно больше женщин и имеющих серьезные проблемы со здоровьем: последних – 2/3, что в 2 раза больше чем в других группах бедных, в 1,5 раза больше инвалидов и хронически больных. Бедные и обездоленные чаще живут в небольших деревнях (до 500 человек).

За рассматриваемый период влияние стратифицирующих факторов на социально-экономическую дифференциацию на селе значительно изменилось. Во-первых, образование как канал социальной мобильности стало работать значительно лучше: с начала 2000-х годов в 3 раза сократилась крайняя и средняя бедность в группе с высшим образованием и почти в 2 раза – со средним профессиональным. Изменилась дифференцирующая сила влияния образования на неравенства. Если в начале «нулевых» мы наблюдали достаточно жесткую прямую зависимость между оценкой материального положения семьи и уровнем образования (различия между крайними группами по наличию высшего образования достигали 2,5 раз, по наличию профессионального образования в целом – 3,5 раз, то с конца «нулевых» межгрупповые грани стираются, уже нет заметных различий по среднему профобразованию, а представителей с высшим образованием среди относительно бедных уже не меньше чем среди обеспеченных.

В сравнении с началом 2000-х годов сельский рынок труда становится все более жестко сегментированным. Статус и сфера занятости усилили свое влияние на формирование неравенств на селе: безработица все в большей мере усиливает риск оказаться бедным и обездоленным, занятость в социальной сфере и в ЛПХ позволяет выйти в относительно бедные, а предпринимательство в торговле и сельском хозяйстве – стать обеспеченным. Первичный рынок труда все больше заполняется молодыми, образованными, не обремененными большими семейными заботами, а

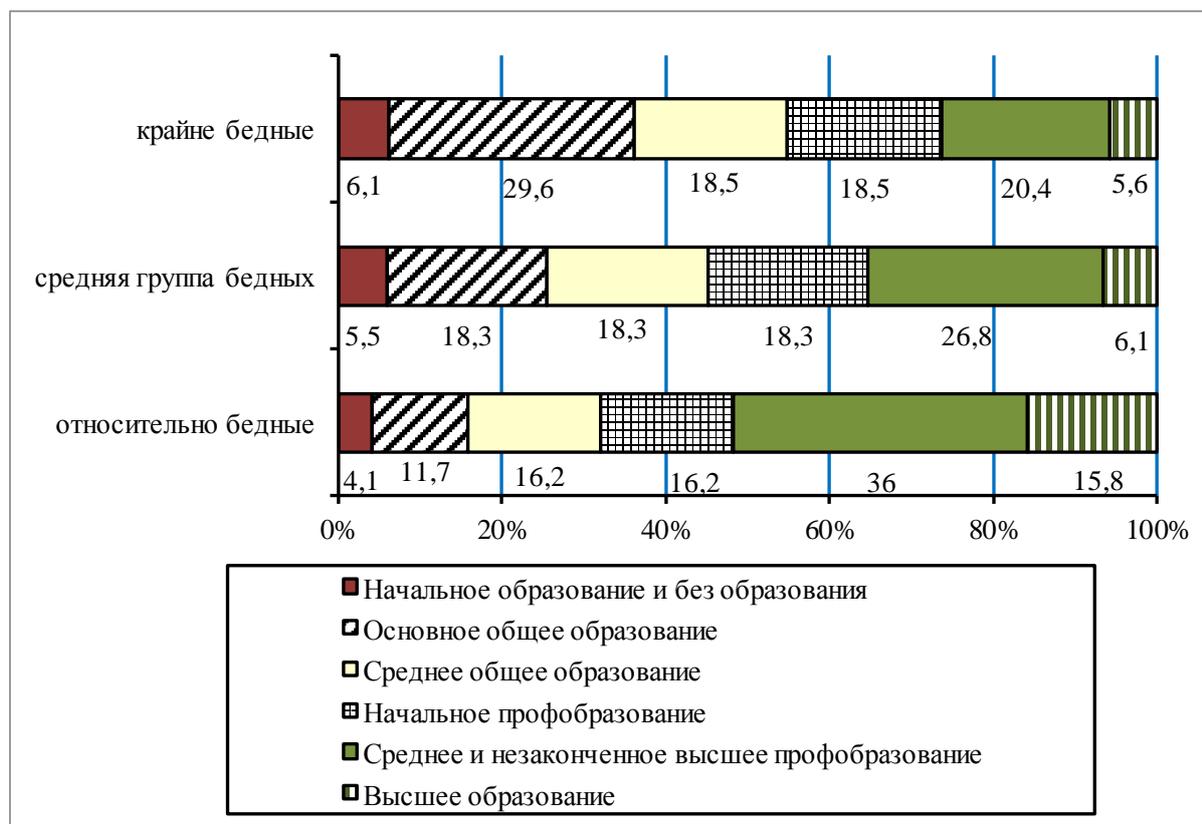

Рис. 9.13. Распределение различных групп бедных по уровню образования в 2011 г., % (опрос сельских жителей)

многочисленный вторичный рынок труда становится «уделом» лиц старших возрастных групп трудоспособного возраста.

В отличие от начала 2000-х годов возраст уже к концу «нулевых» становится одним из драйверов социально-экономической дифференциации: 1) молодежь перемещается в сторону обеспеченности: если в начале «нулевых» в выигрыше были в большей степени представители среднего трудоспособного возраста (чаще 35–39 лет), то уже в конце прошедшего десятилетия молодые люди 25–35 лет; 2) бедность и обездоленность закрепилась в большей мере за старшим трудоспособным возрастом (от 40 до 55(60 лет)) в отличие от начала 2000-х годов, когда в бедные попадали молодые люди до 35 лет, образовывавшие свою семью; 3) пенсионеры постепенно переместились из группы бедных и обездоленных в более благополучные группы.

Усилилось также влияние гендерного фактора: если в начале 2000-х годов не выявлено значимых различий в материальном положении сельских мужчин и женщин, то в новом десятилетии мужчины все чаще оказываются в группе обеспеченных. Семейное положение оказывало в целом устойчивое влияние на формирование неравенств (холостые – чаще обеспеченные, семейные – относительно бедные, вдовы – обездоленные), но влияние многодетности на формирование бедности и неравенств изменилось. В начале «нулевых» для многих сельских семей появление уже второго ребенка становилось причиной падения в обездоленность. А в начале «десятих» картина изменилась: трое детей и больше значительно чаще появляется в семьях относительно бедных. По оценкам экспертов, это произошло благодаря росту уровня жизни сель-

ских жителей и во многом вследствие влияния государственной политики: повлияло введение института материнского капитала, установление относительно высоких пособий для детей в опекунских семьях, что спровоцировало на селе массовое явление усыновления и опекуна, детские дома опустели.

Как сами сельские жители относятся к проблемам бедности и неравенства, как меняется восприятие этих проблем? Рейтинги социальных проблем села с начала 2000-х годов показывают, что бедность и расслоение на бедных и богатых не входят в первую пятерку проблем, которые беспокоят сельских жителей (см. рис. 8.5). Вместе с тем лидерство сохраняют с большим отрывом от остальных низкая зарплата и безработица, являющиеся проблемами, непосредственно связанными с бедностью. Среди личных и семейных проблем традиционно лидируют с большим отрывом рост цен и низкие доходы, а также проблемы доступности базовых услуг (медицинских, образования, коммунальных), что тоже непосредственно связано с бедностью и неравенством. Острота восприятия проблем бедности и расслоения за рассматриваемый период (2002–2013 гг.) снизилась¹. Сократилась разница между крайними группами (обеспеченными и обездоленными) в их восприятии как социальных проблем села, но усилилось дифференцированное отношение к ним как к личным проблемам, что также подтверждает выводы о росте неравенств. И в 2015–2016 гг. расстановка проблем в обоих рейтингах, по мнению экспертов, сильно не поменялась, лишь усилилась острота таких проблем, как рост цен, низкие доходы, бедность и безработица.

Среди причин бедности – как в начале «нулевых», так и в текущем десятилетии – сельские жители и эксперты выделяли в первую очередь пьянство, низкую экономическую мотивацию и активность, низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд, низкие стартовые возможности (*«родился и вырос в бедной семье»*) и недостаточную государственную поддержку бедных. Но за этот период резко повысилось влияние низких «стартовых» условий и иждивенческой нагрузки на работающих членов семьи, что говорит о проблеме воспроизводства бедности. И, напротив, заметно снизился рейтинг нехватки квалификации. Причем более благополучные группы в большей степени выделяют в качестве причин бедности низкую трудовую мотивацию и активность (*«не хотят работать»*) и пьянство, а обездоленные указывают больше на плохие стартовые условия, иждивенческую нагрузку на работающих в семье, преклонный возраст и плохое здоровье, слабую государственную поддержку.

Причины богатства практически симметричны причинам бедности. Среди главных выделяются высокие экономическая активность и статус занятости, занятость бизнесом, хорошие стартовые условия. В целом обеспеченные стабильно считают, что бедность и богатство зависят от самих людей, обездоленные – от внешних обстоятельств, а остальные группы – от тех и других в равной степени.

Ключевыми механизмами формирования и усиления социально-экономических неравенств на селе являются, прежде всего, рыночные механизмы: развитие новых технологий в сельхозбизнесе, развитие предпринимательства за счет местных ресурсов и вследствие проникновения капитала из городов, прихода крупных компаний из других регионов, стран, в том числе мировых и российских торговых се-

¹ Эти выводы соответствуют результатам исследования бедности и неравенства в России, полученным сотрудниками ИС РАН. См.: *Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя* [Электронный ресурс]: аналитический доклад. – М. : ИС РАН, 2013. – 167 с. – URL: <http://novznanija.ru/w/wp-content/uploads/2013/06/full.pdf> (дата обращения: 25.12.2006 г.).

тей¹. Сельские жители все чаще включаются в сферы занятости, связанные с глобальным или российским сетевым бизнесом, но они не становятся социальной базой развития села, при первой возможности уезжают в город, где больше потенциальных потребителей.

Механизмом воздействия на неравенства является также миграция – в сельскую местность и обратная, из села. Приезжают в сельскую местность, как правило, малообеспеченные мигранты, а покидают село те, кто имеет хотя бы минимальные ресурсы для обустройства в городе, чаще остаются обездоленные. Сезонные и маятниковые трудовые мигранты возвращаются в село со значительными доходами, что также приводит к росту неравенств².

Противоположные рыночным процессы сокращения бедности и неравенств на селе происходили во многом благодаря государственной политике поддержки сельских территорий, активно проводимой с середины 2000-х годов (национальные проекты и государственные программы развития АПК, сельской социальной инфраструктуры, стимулирования занятости, активизации жилищного строительства и газификации, политика импортозамещения, повышение внимания к проблемам молодежи, усиление контроля над нарушениями трудовых прав сельских работников).

До настоящего времени сохраняется высокая значимость традиционных практик поддержки в семейно-родственных сетях. В «нулевых» сетевые практики взаимопомощи набирали темпы: речь идет о материальной (денежной) помощи, помощи в натуральной форме, по хозяйству, в ремонте и строительстве жилья, в оказании транспортных услуг, трудоустройстве. В «нулевые» почти удвоилась (с 41 до 77%) доля сельских молодых семей, получивших помощь от родителей или родственников³. И даже в этом десятилетии около половины бедных получали значимую помощь от односельчан.

Сельский бизнес продолжает сегодня играть существенную роль не только в процессах формирования неравенств в сельских сообществах, но и их сокращения. Сохраняются традиции поддержки работников агропромышленных предприятий и социального развития села. Причем на селе нередко встречаются представители бизнеса с ярко выраженной социальной ориентацией, даже в ущерб рыночным принципам, экономической эффективности (*«все, что я хочу – это сохранить свое село»*). Местные власти все сильнее ощущают свою зависимость от поддержки села сельским бизнесом, это касается поддержки инфраструктуры, культурной жизни, расчистки и ремонта дорог.

До 2014 г. росла распространенность и системность социальной поддержки со стороны сельского бизнеса: устойчивую и массовую приоритетность получили практики, прямо или косвенно повышающие доходы работников (дополнительные денежные выплаты, реализация продукции предприятия по более низким ценам, материальная помощь нуждающимся, организация льготного питания и предоставление служебного транспорта), а также различные формы развития персонала (по-

¹ См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Российское село** в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Старовойтова. – Уфа : БАГСУ, 2014. – 280 с.; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 330 с.; **Scott J.C.** Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven: Yale University Press, 1985. – 389 pp.

² Подробнее о миграции см. в п. 8.3 монографии.

³ См.: **Сергиенко А.М., Решетникова С.А.** Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.

вышение квалификации, поддержка молодежи через образовательные программы). За рассматриваемые 5 лет, до 2014 г. развитие получили практики хозяйств, направленные на улучшение здоровья работников (помощь в диспансеризации, дополнительное медицинское страхование, погашение расходов по путевкам в санатории, летние лагеря), обеспечение их жильем. Все эти практики осуществляло от четверти до половины предприятий и практически не оставалось хозяйств, не оказывающих никакой поддержки работникам (в 2008 г. их было 13%). Большинство представителей сельского бизнеса и сегодня оказывают помощь своим односельчанам (по опросу 2011 г. их было три четверти). Но в 2015–2016 гг. наблюдается возвращение к фрагментарности, сохраняются только практики, напрямую связанные с сохранением персонала и работающие на прибыль: по-прежнему предоставляются льготы на приобретение скота, кормов, семян, дров, служебный транспорт, организуется питание.

* * *

Итак, анализ доходов населения Алтайского края за последнюю четверть века позволил выявить региональные особенности качественных изменений трендов доходов и их дифференциации. В 1990-х годах это проявилось в кардинальном снижении реальных доходов, сокращении трудовых и увеличении предпринимательских доходов в общей структуре доходов, масштабном росте бедности и социально-экономической поляризации. Причем в период активных рыночных реформ (1992–1994 гг.) в крае большинство негативных процессов в сфере доходов населения имело более острый характер в сравнении с СФО и Россией, среди них: более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) падение реальных доходов, снижение доли заработной платы в доходах, рост бедности. В годы экономического роста Алтайский край характеризовался значительной положительной динамикой реальных доходов и оплаты труда, отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО. В последние кризисные годы ухудшение ключевых социальных показателей было в регионе менее драматичным, что позволило краю переместиться в группу более благополучных сибирских регионов по масштабам бедности.

Вместе с тем в настоящее время в регионе по-прежнему сохраняется значительное отставание по среднедушевым доходам от россиян и сибиряков в целом, край стабильно занимает самую низкую позицию в Сибири по заработной плате. Реальные доходы достигают только 65%-ной планки дореформенного уровня, а реальная зарплата – ниже 60%. В условиях роста доходов, социально-экономической мобильности населения это приводит к повышению миграционного интереса к экономически более привлекательным территориям, потере экономически активной части жителей края.

Низкие позиции Алтайского края в рейтинге сибирских регионов и страны в целом по доходам населения и заработной плате позволяют сделать вывод о сохранении реальных рисков его конкурентоспособности и устойчивого социально-экономического развития. Эту ситуацию, на наш взгляд, не могут изменить даже такие факторы, как социальная политика, перераспределительные процессы в эконо-

мической сфере, преимущества, которые получил край как аграрный регион в связи с политикой импортозамещения и стимулирования инноваций.

Слом позитивных трендов динамики доходов и сокращения бедности населения в последние два-три года в Алтайском крае, как и в Сибири и России в целом, произошел не только вследствие экономических и внешнеполитических кризисных явлений, но и во многом из-за несистемного характера государственной социально-экономической политики по стимулированию экономической активности населения, формированию социальных лифтов преодоления бедности и борьбе с чрезмерным социальным расслоением¹.

Негативная динамика бедности и реальных доходов в Алтайском крае и ряде сибирских регионов остаются сегодня социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственных органов управления должно быть усилено в силу необходимости укрепления национальной безопасности страны, ее экономической и социальной составляющих, повышения конкурентоспособности, устойчивого развития регионов. Причем перспективные возможности роста реальных доходов, сокращения масштабов бедности и социально-экономических неравенств, очевидно зависящие от роста экономики и конкурентоспособности региона, системных механизмов повышения уровня и качества жизни, стимулирования экономической активности, предпринимательства, – определяются сегодня во многом реализацией государственных приоритетов, а также интеграцией усилий государственных и местных органов власти, бизнеса и институтов гражданского общества.

Решение проблем сокращения бедности и неравенств на селе осложняется тем, что в условиях восходящей социальной мобильности, улучшения положения сельчан часто те, кто получает помощь, «поднимается из бедности», при удобном случае уезжает из села. Российский опыт социально-экономической поддержки села показывает, что только материальной поддержки сельских жителей недостаточно, даже если она будет сравнительно значимой (как, например, это было сделано в программах «Земский доктор» или «Поддержка начинающих фермеров в Алтайском крае»). Помимо известных эффективных механизмов сокращения бедности и чрезмерных неравенств, которые можно применить ко всему российскому обществу (к примеру, введение дифференцированной шкалы налогообложения), политика на селе должна быть сфокусирована на стимулировании занятости и экономической активности, на развитии социальной инфраструктуры и социальной поддержки силами государства с учетом пока еще живых практик самого сельского сообщества.

¹ См.: **Гонтмахер Е.Ш.** Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81; **Калугина З.И.** Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6 (51). – С. 117–129; **Сергиенко А.М.** Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.; **Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение** / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.

Глава 10. РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

10.1 ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Одним из значимых факторов и, одновременно, индикатором конкурентоспособности региона является развитие внешнеэкономической деятельности. Наряду с инвестиционной и инновационной политиками, институциональными изменениями она может стать элементом стабилизации развития регионов как основы решения задач создания достойных условий жизни людей, роста их активности в социально-экономической сфере, а также повысить внешнюю устойчивость национальной экономики и расширить возможности последней. В качестве примера можно упомянуть тот же Китай, рост экономики которого имел в основе, в том числе, экспортную ориентацию экономики и форсированное развитие прибрежных районов, которые развивались во многом за счет ресурсов иностранного капитала, что постепенно дало импульс развитию и континентальных территорий.

Необходимо отметить, что роль внешнеэкономических факторов развития особо усилилась в мире в начале 80-х годов XX века, когда стало ясно, что реализация новых технологических возможностей и повышение эффективности производства нереальны без перехода к модели достаточно открытых национальных хозяйств. Расширение границ экономической деятельности создает дополнительные возможности более рационального использования ресурсов, в том числе технологических, и содействует росту экономики и уровня жизни людей. Экономические реформы в этот период в развитых странах (а позже и в развивающихся) активно реализовывали данную идею. Правда, не везде успешно, что, скорее всего, было связано, как показывает позитивный впечатляющий опыт КНР, с ошибками в осуществлении правительствами многих стран экономической политики. Эти тенденции переросли в масштабный процесс глобализации экономики. СССР и, позднее, Россия в значительной степени опоздали с реализацией этих возможностей, при этом совершив и много ошибок в процессе перехода к модели открытой экономики. Только с начала 1990-х годов стало возможным использовать расширение экономического пространства деятельности субъектов российской экономики как фактора ее развития на всех уровнях и подсистемах, включая международную торговлю, миграцию капитала, рабочей силы, интеграционное и валютное сотрудничество.

С момента вступления России в фазу реформ в экономике в условиях новой рыночной модели стали упрочиваться принципы международного разделения труда и специализации производства. При этом базовая концепция международного разделения труда по-прежнему связана с теорией Хекшера-Олина. В рамках этого подхода утверждается, что страны специализируются на производстве и экспорте продуктов интенсивного использования избыточных для страны факторов производства, и ввозят продукцию, в ходе создания которой интенсивно задействованы дефицитные ресурсы. Безусловно, важны и другие подходы, особенно в условиях несовершенства отраслевой структуры национальной экономики, что требует, прежде всего, проведения активной политики государства в области изменения соотношения фак-

торов производства (развитие технологий, накопление капитала, формирование новых количественных и качественных параметров трудовых ресурсов), в том числе и в территориальном аспекте. Стоит напомнить, что развитие факторов производства, а не только ориентация на сложившиеся базисные, уже имеющиеся ресурсы – важная составляющая теории международной конкуренции М. Портера¹. Названные принципы можно применить и к региональному аспекту, поскольку факторы производства страны в любом случае локализованы в той или иной степени на определенной территории.

Советская модель внешнеэкономической деятельности была достаточно ограниченной и основывалась на других подходах. Кроме внешней торговли, которая долгое время, скорее, развивалась по принципу: «все что можем, делаем сами, что не можем – покупаем, а поскольку для покупки нужен экспорт, экспортируем, что можем», другие формы (миграция капитала, особенно предпринимательского, рабочей силы) носили крайне фрагментарный характер. Исключением, однако, была деятельность в рамках интеграционного сотрудничества в Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) на основе идеи международного социалистического разделения труда: развивалась не только международная торговля, но и производственная кооперация, научно техническое сотрудничество, совместная инвестиционная деятельность и даже некоторая координация планов экономического развития. На исходе 80-х годов XX века в экономическом мышлении стала пробиваться и идея «социалистического транснационализма». До этого допускалось существование только совместных предприятий с долей собственности каждой страны в 50%. Но она уже не имела исторических перспектив.

Не оказывала существенного воздействия на внешнеэкономическую деятельность предприятий и валютная система: валютный курс в условиях монополии государства не мог действовать как полноценный регулирующий фактор. Такие принципы деятельности деформировали и развитие регионов. Наследие советской внешнеэкономической модели в силу сложностей процессов трансформации в определенной степени сохраняется и в современной ситуации, что усложняет оптимизацию данного направления деятельности.

Новые принципы территориальной организации экономики в масштабах всего мира и отдельных стран, особенно с трансформирующейся рыночной экономикой, также усиливают внимание к регионам. Так, одна из трактовок интеграционных процессов в Европейском Союзе (ЕС) уже достаточно давно предполагает акцент на то, что ЕС – это экономика, состоящая из регионов, а не только из отдельных стран. Это отражается и в единой региональной политике ЕС, многие положения которой могут быть значимыми для разработки региональной политики в Российской Федерации.

Реформы в стране, таким образом, предполагали не только переход от плановой экономики к рыночной, от индустриальной системы к постиндустриальной, базирующейся на новых технологических укладах, но и от закрытой модели системы к открытой. И это имело значение не только по отношению к национальной экономической системе, но и к регионам страны. Изменились, по сравнению с советским периодом, многие принципы территориального развития, взаимодействия федеральных и региональных начал.

¹ Портер М. Конкурентные преимущества стран / Вехи экономической мысли. – Т. 6: Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – 720 с.

На разных этапах реформ в России действовали различные факторы внешнего, национального и территориального характера, оказавшие воздействие на характеристики внешнеэкономических связей регионов. При этом последствия носили разнонаправленный характер – как позитивный, так и негативный. Обозначим важнейшие из них.

На первом – «подготовительном» (1990–1992 гг.) и на втором – «вхождение в рынок» (1992–1998 гг.) этапах реформ на первый план вышли следующие факторы.

Вначале это были безуспешные попытки трансформации самой системы плановой экономики. С 1992 г. – уже и сами масштабные рыночные экономические реформы. Глубокий спад в экономике, падение спроса, снижение уровня жизни, инфляция и безработица, бюджетные проблемы во многом изменили внешнеэкономические процессы.

Важнейший фактор – распад СССР и разрыв кооперационных связей с республиками. Отметим также начало попыток формирования нового интеграционного пространства в рамках СНГ в различных формах – от зоны свободной торговли стран СНГ и даже экономического союза до первого варианта Таможенного союза СНГ, имевших, впрочем, в основном символический характер.

В этот период времени активно шли процессы разрушения внешнеэкономических институтов плановой и создания соответствующих институтов рыночной экономики, обеспечивавших либерализацию внешнеэкономической деятельности на разных уровнях. Шло создание внешней рыночной инфраструктуры, ее законодательного оформления. Предприятия и их интересы были поставлены в качестве основы внешнеэкономических процессов, но при почти полной неподготовленности их к работе в таких условиях.

Это происходило на фоне создания новой политической системы устройства общества, превратившей многие ранее внутренние связи (в рамках СССР) во внешние, появления у регионов возможности активно участвовать во внешнеэкономической деятельности. Революционный, а не реформистский характер данных изменений, к сожалению, создавал существенные проблемы трансформации, когда значимые процессы во внешнеэкономическом сегменте оказались без регулирующего воздействия, приобрели стихийный характер и усилили теневую составляющую экономики.

Значимым событием стало вступление страны в ряд международных экономических организаций (в том числе в МВФ). Прекратил свое существование СЭВ, в силу чего началась переориентация стран Восточной Европы на Запад, и был введен режим расчета с этими странами в СКВ. Начали работать, впрочем, в достаточно спорном режиме, соглашения России с ЕС о партнерстве и сотрудничестве.

В 1992 г. произошел переход через модель множественности валютных курсов, введенной еще в 1987 г. и призванной адаптировать предприятия к новым условиям экспорта и импорта, к единому валютному курсу – сначала плавающему, а затем и к фиксированному в рамках валютного коридора (с 1995 г.). На внешнеэкономической деятельности сказалась и сложная, преимущественно негативная динамика цен на нефть.

На этом фоне объективных и субъективных (было допущено много принципиальных ошибок в реформах) процессов изменилась отраслевая, да и региональная структуры национальной системы. Многие предприятия и целые отрасли прекратили свое существование. Но появились и новые предприятия, в том числе за счет начала притока иностранных капиталов. Произошел существенный перелив ресурсов в добывающие отрасли хозяйства. Значительная часть капитала была вывезена из страны, что изменило в худшую сторону соотношение факторов производства с последующим изменением во внешней торговле.

В целом экономика России, если пользоваться терминологией М. Портера, перешла (а точнее скатилась) к стадии конкурентоспособности, движимой базисными, уже сформировавшимися ранее факторными условиями. Это сказалось и на уровне большинства ее регионов.

10.2 ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД 1990–1998 гг.

В Алтайском крае, как и в целом в экономике России, действие охарактеризованных выше факторов проявилось, прежде всего, в трансформационном спаде, в заметной деградации структуры хозяйства, в значительных, но постепенных потерях в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, в социальной сфере региона.

По данным исследований ИЭиООП, проведенных еще в конце 80-х годов XX века (1989 г.), Алтайский край занимал 2-е место после Кемеровской области по экспорту среди регионов Западной Сибири (если не учитывать экспорт нефти и газа Тюменской областью). Это около 272 млн руб. Экспортные поставки осуществляли 37 предприятий машиностроения, химической промышленности, сельского хозяйства. Поставки шли в 66 стран: 23% экспорта – в развитые страны (12 государств), 40% – в страны СЭВ (14 стран), 4% – в развивающиеся страны (34 страны). При этом один только завод «Кристалл» (обработка алмазов) давал 32% экспорта. Доля машин и оборудования в экспорте составляла 56%, что превышало в 3,5 раза средний по стране уровень, а 10% продукции машиностроения соответствовало мировым стандартам¹.

Экономические реформы, однако, постепенно стали изменять эту ситуацию в худшую сторону. Правда, в середине 1990-х годов наблюдался всплеск внешнеэкономической деятельности. С 1993 по 1995 год экспорт в стоимостном выражении вырос в 3,6 раза и превысил 362 млн долл., импорт вырос более чем в два раза (до 178 млн долл.), что объясняется как новыми возможностями, открывшимися у предприятий, так и резким сокращением внутреннего спроса из-за спада производства в стране и переориентацией на внешних потребителей и поставщиков.

Экспорт осуществлялся в 75 стран (с учетом стран СНГ). Но уже в 1995 г. наметилось снижение темпов роста экспорта вследствие изменения валютной политики, исчерпания запасов на предприятиях, роста внутренних цен и издержек, транспортных тарифов, институциональных изменений и общей сложной внутриэкономической и глобальной ситуации.

Тем не менее в 1995 г. на внешний рынок все-таки вышло 573 предприятия (в том числе новых форм хозяйствования), по сравнению с 960 предприятиями в 1994 г. – это было 1-е место в Сибири, и 37 предприятиями в 1987 г. Количество наименований товаров превысило 1800, в том числе вооружение. При этом 44% экспорта составляла продукция машиностроения (при среднем значении по России – 5%), 15,2% – легкой промышленности, 14,3% – доля топливно-энергетической отрасли, 12,4% – цветной металлургии, 6% – химической промышленности. Доля в экспорте продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности составляла 2,9%. Отметим, что 24% экспорта – это продукция военного назначения. С 1995 г. стали заметно снижаться стоимостные объемы экспортных поставок цветной и черной ме-

¹ Концепция развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 349.

таллургии, химического комплекса, легкой промышленности, сельского хозяйства. Вырос объем распродажи запасов – алюминия, железнодорожных рельсов¹.

В 1997 г. экспорт края составил уже всего 181 млн долл., а импорт – 175,5 млн долл.²

Постепенная деиндустриализация, обусловленная комплексом причин кризисного трансформационного характера, вызвала сокращение торговых связей с некоторыми развитыми зарубежными странами и со странами Восточной Европы и Балтии. При этом в целом еще сохранялись связи с дальним зарубежьем, расширялась торговля со странами СНГ, особенно с Казахстаном и Китаем. Снизился потенциал развития многих предприятий. Особенно сильно это затронуло сельскохозяйственное машиностроение, производство станков и оборудования, приборостроение, производство котлов, двигателей, вагонов, текстильную и швейную промышленность. Вырос импорт потребительских и инвестиционных товаров. Значительная часть предприятий промышленности и сельского хозяйства региона сократила производство товаров в силу их неконкурентоспособности, падения спроса и отсутствия инвестиционных ресурсов. Но при этом были не только сохранены, но и получили развитие предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, ряд предприятий химической и машиностроительной промышленности, имевших ранее экспортную ориентацию.

Основную роль в сохранении экономического потенциала края, в том числе внешнеэкономического, сыграли руководители и коллективы предприятий. Начали формироваться предпринимательские ресурсы, приобретался опыт внешнеэкономического сотрудничества в новых рыночных условиях.

На этом этапе более определенно стали проявляться и конкурентные преимущества региональной экономики, к сожалению, тоже базисного плана, как части национальной системы, имеющие внешнеэкономическое значение. Это, прежде всего, природные ресурсы для развития сельского и лесного хозяйства, в том числе как основы перерабатывающих данные ресурсы отраслей, и в целом агропромышленного комплекса, рекреационные ресурсы. Частично такими ресурсами оказались и сохранившиеся капитальные, технологические и трудовые ресурсы ряда предприятий машиностроения, особенно ВПК, обеспечивших определенные экспортные позиции. Однако значительная часть интеллектуального и технологического, индустриального потенциала региона все же была утрачена.

На данном этапе начала формироваться институциональная региональная составляющая внешнеэкономической деятельности. Были созданы первые институты ее регулирования: Департамент внешнеэкономической деятельности, Алтайская торгово-промышленная палата, АО Алтайская ярмарка и др. Это обеспечило поддержку экспортной деятельности фирм и проявилось в еще одном направлении внешнеэкономических отношений – притоке иностранного капитала: в крае появились первые предприятия с иностранным участием.

Однако Алтайский край в ряду других регионов России по привлеченным иностранным инвестициям лидером никак не являлся и не является до сих пор. Он занимал одно из последних мест по данному показателю, причем его доля в общем объеме поступивших в Россию иностранных инвестиций имела тенденцию к снижению.

¹ Концепция развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 349.

² Ковалева Г.Д. Алтайский край в контексте внешней торговли России и СФО: ретроспектива и текущее состояние // Экономика Сибири: пространство выбора для дальнейшего развития: материалы и выступления; под ред. Н.Н. Чинякова. – Барнаул, 2015. – С. 104.

Начало вложению иностранного капитала было положено в 1992 г., и к концу 1994 г. в крае было зарегистрировано порядка 90 совместных предприятий, а в 1995 г. – всего 35. При этом на долю края в 1996 г. пришлось 0,38% от общего количества иностранных инвестиций, в 1997 г. – 0,1%, а в 1998 г. – всего 0,04%.

По сравнению с регионами Западной Сибири в Алтайский край поступило лишь 0,6% региональных инвестиций, в то время как на долю Омской области пришлось около 40%, Тюменской – 27%, Томской – 15%, Новосибирской – 8% и Кемеровской – 6%. Основной причиной этого является значительно возросшая конкуренция со стороны других регионов России (в части законодательных условий, гарантий и др.). Также сказалось ограниченное количество высококорентабельных проектов, способных привлечь иностранных инвесторов в Алтайский край, особенности географического положения и неразвитость инфраструктуры.

Накопленный объем иностранных инвестиций на 1998 г. составлял всего 29,3 млн долл., из них прямых инвестиций – 99,5%. При этом 4,6% было вложено в промышленность, 93,4% – в сферу финансов¹. По данным обследования², проведенного ИЭиООП в 1995 г., 40% совместных предприятий (далее – СП) работало в сфере торговли и общественного питания, треть – в промышленности, около 13% – в строительстве. В основном предприятия ориентировались на производство потребительских товаров. География партнеров в 1995 г. охватывала 30 стран, при этом больше половины СП были созданы со странами СНГ. Объем производства товаров и услуг СП в 1995 г. составил 213,5 млрд руб. в текущих ценах. Доля СП в промышленном производстве составляла около 3%. Еще меньше их доля в инвестициях – 0,5% от всех видов капиталовложений в крае. Но более весом был их вклад в экспорт (88 млн долл. – 32%, и преимущественно это был вывоз алмазов СП «Алсана ЛТД») и импорт (17,5 млн долл. – 11% краевого уровня). Фактически СП в основном работали как посредники во внешней торговле.

В этот период начала функционировать впоследствии закрытая свободная экономическая зона (СЭЗ) «Алтай». Были заключены также первые соглашения об экономическом сотрудничестве администрации края с другими странами, расширившие внешнеэкономические возможности территории.

10.3 СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕЖКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (1998–2008 гг.)

В период 1998–2008 гг., после финансового кризиса 1998 г. и вплоть до кризиса 2008 г., появились новые факторы, оказавшие воздействие на внешнеэкономические процессы в стране и регионах. В целом, это был период утверждения рыночных начал в экономике, но в специфической, и вероятно, не совсем оптимальной форме. Усиление централизации не сопровождалось укреплением региональных аспектов развития, либо носило ограниченный характер. Но при этом произошла общая стабилизация экономики, была снижена стихийная составляющая ее развития, в значительной степени потеснен теневой сектор.

¹ Зиновьев Н.Р., Стриженко А.А., Хомутов О.И. Иностранные инвестиции в экономике Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2000_2/pages/21/pap_21.html (дата обращения: 09.10.2016 г.).

² Концепция развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 354.

Но, пожалуй, важнейшим внешнеэкономическим фактором, оказавшим в начале этого периода воздействие на национальную экономику в целом и на экономику регионов, в частности, стало почти четырехкратное падение курса рубля, вызванное целым комплексом причин – как внутреннего, так и внешнего порядка. Это повлекло за собой заметное снижение импорта и создало стимулы к восстановлению ряда направлений экономики в силу роста внутреннего спроса, а также заметного расширения экспорта. Фактически произошло частичное импортозамещение в ряде важных секторов экономики.

Повышение в дальнейшем цены на нефть и общая финансовая стабилизация способствовали накоплению капитальных ресурсов в регионах как за счет ресурсов фирм, так и за счет вложений федерального центра, изменивших во многом состояние производства, экспорта и импорта. В страну активно стал поступать (или возвращаться) иностранный капитал, причем и в виде прямых инвестиций. Однако в экономике стали активно проявляться и признаки «голландской болезни», вероятно, начавшейся еще на предыдущем этапе, вызвавшей, прежде всего, перелив капитала в сферу добывающей промышленности. Это сказалось и на региональной экономике, причем в разных аспектах – усилились позиции добывающих территорий при ослаблении положения аграрных и промышленных регионов.

В этот период времени развитие национальной и косвенно региональной экономики уже проходило в условиях становления второго варианта Таможенного союза, формирования ЕврАзЭС и оформления Союзного государства России и Белоруссии. К сожалению, и на этом этапе не удалось существенно задействовать интеграционные аспекты развития, хотя объективная потребность в сотрудничестве на постсоветском пространстве никуда не исчезала.

В анализируемый период стал интенсивно проявляться и фактор роста экономики Китая, объективно требующий определенного разворота страны в восточном направлении. Значимым моментом стало и начало функционирования ШОС, в рамках которой постепенно усиливаются экономические аспекты сотрудничества. Вступление России в АТЭС, где действуют весьма привлекательные для бизнеса принципы «открытого регионализма», также содействовали появлению новых возможностей активных контактов со странами этого региона. Однако европейское направление в этот период времени по-прежнему оставалось основным и особо важным. Вхождение стран Восточной Европы и Балтии в ЕС также оказало воздействие, в основном негативное, на региональное развитие, даже для достаточно отдаленных территорий Сибири.

В стране были приняты новые законодательные акты, связанные с развитием внешнеэкономической деятельности и территорий. Вероятно, что и изменение общей политической ситуации в РФ, попытки изменить соотношение политических сил также сыграли свою роль, однако однозначно оценить эти процессы пока сложно. Следует отметить, что и внешнеполитическая обстановка в этот период времени в целом была очень благоприятной – преобладали позитивные ожидания сотрудничества между странами по всем направлениям. Активно прорабатывалась концепция единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана.

В этот период времени, вероятно, уже можно говорить о попытке перехода экономики страны к инвестиционной стадии развития международной конкурентоспособности (М. Портер). При этом страна демонстрировала явное отставание от развитых и части развивающихся стран, приступивших в той или иной степени уже к инновационной стадии ее развития. Однако и эта инвестиционная стадия фактически была прервана мировым, глобальным финансовым кризисом 2008 г., в результате

чего в дальнейшем России уже не удалось сохранить высокие темпы экономического роста ни на уровне макроэкономики, ни на уровне большинства регионов. Проблемы инвестиционного этапа так и не были решены. В огромной степени это повлияло на региональное развитие и вызвало усиление дифференциации конкурентоспособности регионов за счет неравномерного инвестиционного процесса, в том числе за счет ресурсов иностранного капитала, и создало условия для снижения темпов роста экономики и производительности труда. Но это отчетливо проявилось уже на следующей стадии.

В данный период времени в Алтайском крае, как уже отмечалось в монографии ранее, в основном сохраняются негативные тенденции – продолжается деградация структуры региональной экономики в направлении деиндустриализации, усиливается ее периферийный характер. Однако некоторое развитие, в том числе и за счет ресурсов федерального центра, получают отрасли сельского хозяйства, особенно животноводства и птицеводства, пищевой и деревообрабатывающей промышленности, химическое производство, частично восстанавливается отрасль машиностроения, в том числе сельскохозяйственного. Появляются новые сегменты экономики края – фармацевтическая отрасль, туризм и курортно-санаторные услуги, которые также прямо или косвенно уже связаны с внешнеэкономическими процессами. Формируются новые, программные, кластерные подходы к развитию экономики (агропромышленный комплекс, биофармацевтика, туризм). Тем самым через развитие родственных и поддерживающих, обслуживающих производств усиливаются конкурентные позиции и внешнеэкономические потенциальные возможности ряда производств, создаются предпосылки международного инвестиционного сотрудничества.

Все это снижало потребности в импортных поставках и изменяло отраслевой состав региональной экономики и формировало определенные предпосылки развития экспортной деятельности. Предприятия начинают шире использовать открывающиеся в силу принятия новых законодательных норм возможности в области развития внешнеэкономического сотрудничества. Однако в целом специфика края не позволила существенно изменить условия для повышения внешнеэкономического потенциала территории.

В определенной степени, несмотря на общие потери, получают развитие некоторые сегменты трудовых ресурсов края, готовятся специалисты в новых сферах деятельности (туризм, международные отношения, регионоведение). Сохранение системы образования, несмотря на неоднозначность реформ в этой области и «проседание» системы среднего специального образования, позволяет считать, что в крае значительно усилились и предпринимательские ресурсы, что важно для развития внешнеэкономической деятельности, а общий уровень образования может стать привлекательным и для притока иностранного капитала. Разрабатываются совместные образовательные программы с зарубежными вузами Франции, Китая, Республики Корея. Начинает развиваться и экспорт образовательных услуг, особенно в рамках ШОС и ЕврАзЭС.

Делаются попытки развития и других факторов производства как основы конкурентоспособности, в том числе внешней (в сфере инфраструктуры, технологических инноваций). Это наглядно видно на примере Бийска, получившего статус наукограда в 2005 г.

Усилиями Администрации края налаживается внешнеэкономическое сотрудничество в рамках программ развития региона. Работают институты регионального регулирования и общественные организации бизнеса.

В данный период расширяются контакты администрации края с зарубежными странами, в том числе со странами СНГ. Так, например, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между администрацией Алтайского края и Министерством внешних экономических связей Республики Белоруссия действует с 1998 г. Широко известны также соглашения с Германией, Францией, Китаем, Монголией. Итоги внешнеэкономической деятельности края в этот период можно видеть на основе ряда показателей 2008–2009 гг. (табл. 10.1).

Таблица 10.1

**Динамика внешнеторгового оборота Алтайского края в 2008-2010 гг.,
млн долл. США**

Показатель	2008 г.	2008 г. в % к 2007	2009 г.	2009 г. в % к 2008	Январь-июнь 2010 г.	Январь-июнь 2010 г., в % к январю- июню 2009 г.
Внешнеторго- вый оборот (ВТО)	2042,7	в 1,5 раза	1124,6	55,1	613,1	111,9
экспорт	1338,8	138,4	762,8	57,0	341,8	82,6
импорт	703,9	в 1,9 раза	361,8	51,4	271,3	в 1,8 раза
Сальдо торго- вого баланса	634,9	105,3	401,0	63,1	70,5	26,2
Доля экспорта в обороте, %	65,5	–	67,8	–	55,8	–
Доля импорта в обороте, %	34,5	–	32,2	–	44,2	–

Источник: Внешнеэкономические связи Алтайского края 2009–2010 гг.: анализ. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

Внешнеторговый оборот в 2008 г. превысил 2 млрд долл., при этом он превзошел уровень 2007 г. в полтора раза¹. Экспорт превысил импорт более чем на 600 млн долл. Однако в кризисном 2009 г. показатели ухудшились почти в 2 раза – упал и внешнеторговый оборот, и экспорт, и импорт. При этом доля края в экспорте России составляла всего 0,3%, в импорте – 0,2%. Товарная структура экспорта и его распределение по группам стран показана в таблице 10.2.

В отличие от предыдущего периода в экспорте преобладали уже минеральные продукты – 38,9%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 23,7%. Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья выросла с 2,9% в 1995 г. до 11,6%. Доля машин и оборудования снизилась с 44% в 1995 г. до 15,5%. При этом, за исключением минеральных продуктов, большая часть товаров названных групп экспортируется в страны СНГ. Доля этих стран в общем экспорте – 63,7% против 36% в 1995 г. Общее число стран-партнеров по экспорту края в 2008 г. составило 65 вместо 75 в 1995 г. В пятерке лидеров по объему экспорта: Казахстан, Узбекистан, Бельгия, Украина, Иран. Товарная структура импорта и его распределение по группам стран показана в таблице 10.3.

¹ **Внешнеэкономические** связи Алтайского края 2009–2010 гг.: анализ. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

Таблица 10.2

Товарная структура экспорта Алтайского края в 2008 г.

Показатель	Всего		В том числе	
	млн долл.	%	в страны дальнего зарубежья, млн долл.	в страны СНГ, млн долл.
Всего	1338,8	100,0	486,3	852,5
Продовольственные товары и сельскохо- зяйственное сырье	154,8	11,6	65,7	89,1
Минеральные продукты	520,2	38,9	302,5	217,7
В том числе топливно-энерге- тические	500,0	37,3	289,5	210,5
Продукция химиче- ской промышленно- сти, каучук	79,9	6,0	12,5	67,4
Кожевенное сырье, пушнина, изделия из них	3,3	0,2	3,3	0,0
Древесина и целлю- лозно-бумажные изделия	318,8	23,7	39,0	279,8
Текстиль, текстиль- ные изделия и обувь	3,6	0,3	0,6	3,0
Металлы и изделия из них	22,5	1,7	8,5	14,0
Машины, оборудование, транс- портные средства	207,8	15,5	36,3	171,5
Другое	27,9	2,1	17,9	10,0

Источник: Рассчитано автором на основе: **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: анализ. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Снопина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 25–26.

Таблица 10.3

Товарная структура импорта Алтайского края в 2008 г.

Показатель	Всего		В том числе	
	млн долл.	%	в страны дальнего зарубежья, млн долл.	в страны СНГ, млн долл.
Всего	703,9	100,0	336,9	367,0
Продовольственные товары и сельскохо- зяйственное сырье	208,2	29,6	30,0	178,2
Минеральные продукты	68,0	9,7	57,9	10,1
В том числе топливно- энергетические	63,3	9,0	57,1	6,2
Продукция химиче- ской промышленно- сти, каучук	20,7	2,9	13,1	7,6
Кожевенное сырье, пушнина, изделия из них	0,4	0,1	0,4	0,0
Древесина и целлю- лозно-бумажные изделия	3,5	0,5	0,6	2,9
Текстиль, текстильные изделия и обувь	31,6	4,5	20,8	10,8
Металлы и изделия из них	57,6	8,2	14,7	42,9
Машины, оборудова- ние, транспортные средства	295,3	42,0	187,0	108,3
Другое	18,6	2,5	12,4	6,2

Источник: Рассчитано автором на основе: **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: анализ. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 25–26.

Отметим, что в структуре импорта преобладают машины, оборудование, транспортные средства – 42%, что говорит о попытках предприятий осуществить переоснащение предприятий более совершенным импортным оборудованием и о снижении его производства в России.

Продовольственные товары и сельхозсырье составили 26%, минеральные продукты – около 10%, металлы и изделия из них – 8%. В импорте только по трем группам товаров импорт из стран СНГ превышал импорт из стран дальнего зарубежья – это продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье; древесина и целлюлозно-бумажные изделия; металлы и изделия из них. Общее количество стран-партнеров по импорту – 56. Наибольшие объемы импорта приходились на страны: Казахстан, Китай, США, Украина, Германия.

Объемы экспорта и цены отдельных значимых экспортных товаров на границе рассматриваемого периода характеризовались показателями, которые позволяют увидеть некоторые последствия глобального экономического кризиса (падение спроса и цен на мировых рынках) – таблица 10.4.

Таблица 10.4

Объем и цены экспорта отдельных товаров

Показатель	Экспорт		2009 г., в % к 2008 г.	Цена в среднем за год, долл. за 1 т, м ³ , шт.		2009 г., в % к 2008 г.
	2008	2009		2008	2009	
Мука пшеничная, тыс. т	169,6	90,7	53,5	446,5	261,7	58,6
Кокс и полукокс, тыс. т	1595,4	943,5	59,1	309,6	249,5	80,6
Лесоматериалы обработанные, тыс. м ³	1677,3	1218,5	72,6	160,3	127,7	79,7
Вагоны железно- дорожные, шт.	996	587	58,9	85300,5	37955,2	44,5

Источник: Внешнеэкономические связи Алтайского края 2009–2010 гг.: анализ. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

В целом ситуация оказалась крайне неблагоприятной для края, поскольку затронула важнейшие экспортные товары. Это оказало негативное воздействие и на инвестиционные возможности многих предприятий, и на их общее экономическое состояние, а также на уровень жизни работников.

За 10 лет заметных позитивных изменений в специализации края и в структуре экспорта и импорта не произошло, если судить по укрупненным группам товаров. Однако можно свидетельствовать о некоторых сдвигах в формировании новых конкурентных преимуществ и о развитии факторов производства, важных в контексте развития экспортного потенциала (фармацевтика, переработка сырьевых товаров). К сожалению, машиностроению в целом не удалось восстановить свои позиции.

Второе направление внешнеэкономической деятельности – движение капитала. Для Алтайского края – это приток иностранного капитала. Иностранные партнеры с 2002 г. осуществляли вложения в наиболее капиталоемкие отрасли Алтайского края – энергетику, а также черную и цветную металлургию (ОАО «Сибирь-Полиметаллы», ОАО «Алтай-кокс» и др.). В натуральном выражении иностранные вложения в уставной капитал предприятий увеличились с 19,6 млн руб. в 1998 г. до 1320,8 млн руб. в 2005 г. (в 2004 г. – 1524,2 млн руб.). При этом размер доли иностранных предпринимателей в общем объеме уставных капиталов предприятий с иностранными инвестициями уменьшился с 58,9% в 1998 г. до 44,2% в 2005 г.¹

На конец рассматриваемого периода и на начало следующего (виден перелом, вызванный кризисом 2008 г.) деятельность предприятий края с иностранным участием выглядела следующим образом (табл. 10.5).

Кроме сельского хозяйства основными сферами деятельности предприятий с участием иностранного капитала к концу рассматриваемого периода были: производство пищевых продуктов, включая напитки и табак, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. В крае действовали иностранные инвесторы из 24 стран. Наиболее крупные инвестиции в уставный капитал принадлежат инвесторам из Кипра (38,1% взносов всех иностранных инвесторов), Казахстана (34,6%), Германии (16,7%). Однако приходится констатировать, что край в этот период, в отличие от многих других регионов России, не смог реализовать задачи активного привлечения иностранного капитала как одной из основ инвестиционного и структурного развития территории, формирования новых ресурсов, способных изменить экспортный потенциал региона. СЭЗ «Алтай» в 2003 г. также была закрыта. Причины этого, в первую очередь, связаны со сложившейся структурой экономики края, невысокой емкостью регионального рынка, его географическим положением, конкуренцией со стороны других территорий.

Таблица 10.5

Деятельность предприятий Алтайского края с участием иностранного капитала

Показатель	2008 г.	2009 г.	2009 г. в % к 2008 г.
Количество организаций с участием иностранного капитала, единиц	84	77	91,7
Оборот организаций с участием иностранного капитала, млн руб.	32168,1	14603,2	45,4
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2888,0	1367,5	47,4
Взносы иностранных инвесторов в уставный капитал, млн руб.	915,1	575,3	62,9
Среднесписочная численность работников, занятых на предприятиях с участием иностранного капитала (без совместителей), чел.	23480	13183	56,1

Источник: Внешнеэкономические связи Алтайского края 2009–2010 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

¹ Лацков В.Н. Деятельность предприятий с участием иностранного капитала и их влияние на экономику Алтайского края // Ползуновский вестник. – 2006. – № 4. – С. 254–258.

В целом за рассматриваемый период времени край незначительно улучшил свое стратегическое положение в сфере внешнеэкономической деятельности, сохранив ряд старых предприятий и создав условия для усиления новых направлений деятельности.

10.4 ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2009–2016 гг.)

Данный период развития привлекает особое внимание в силу его актуальности и исключительной сложности и противоречивости протекающих процессов. Мировой экономический кризис, проявившийся в 2008 г., фактически положил начало новому этапу развития экономики России в целом ее и регионов, в частности. Резкий спад производства в стране (больше 7%) означал также, что экономика страны уже стала частью глобальной экономической системы, причем крайне уязвимой к внешним факторам воздействия. Усугубляет ситуацию то, что инвестиционные задачи, поставленные на предыдущем этапе, так и не были полностью реализованы, и структурная перестройка экономики пока не стала реальностью.

Спад мировой экономики в 2009 г. поначалу создавал только сложности с притоком капитала в Россию, как, впрочем, и на другие развивающиеся рынки. В то же время изменения валютного курса и цен на нефть в 2008–2009 гг., в целом, не очень сильно повлияли на состояние экономики. Но ожидания роста мировой экономики затянулось, и к 2012–2013 гг. в России после непродолжительного восстановительного роста уже стали заметны признаки стагнации, вызванной, как утверждает большинство специалистов, преимущественно внутренними причинами.

В 2012 г. страна вступила в ВТО, но однозначно эффекты этого события оценить трудно – протекционистские меры 2014–2015 гг. оказали, по всей видимости, более сильное воздействие. Но известно, что в 2013 г. прямые иностранные инвестиции в Россию все же выросли – на 57% (79 млрд долл.)¹. В результате наша страна по итогам первого полного года членства в ВТО впервые вышла на третье место в рейтинге государств по данному показателю². Этот эффект от вступления в ВТО, к сожалению, оказался непродолжительным в связи с введением двусторонних санкций.

В дальнейшем, начиная с 2014 г., траектория развития как страны существенно изменяется: падение цен на нефть, переход к плавающему валютному курсу и его резкое снижение, введение тяжелейших для экономики России финансовых санкций, ограничивших приток капитала, ответные эмбарго РФ на поставки продовольствия существенно изменили состояние экономики. Ухудшилась финансовая ситуация и сократились реальные инвестиции, в том числе вследствие бегства капиталов из страны. Вместе с тем обозначился путь к импортозамещению по многим направлениям деятельности, особенно в сельском хозяйстве, для которого это может стать началом его экспортной ориентации (Россия уже вышла на первое место в мире по

¹ В международной экономике рост инвестиций после вступления стран в ВТО считается закономерностью.

² **Зачем России ВТО.** Россия в ВТО – плюсы и минусы для экспорта [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/24_a_7775321.shtml (дата обращения: 20.10.2016 г.).

экспорту зерна)¹, важной и в плане постепенного вытеснения значимости экспорта углеводов.

Из существенных факторов в последнее время стоит назвать также начало функционирования с января 2015 г. ЕАЭС при одновременном сокращении связей с рядом стран СНГ (Грузией, Украиной, Молдовой), развитие связей со странами АСЕАН, расширение сотрудничества в рамках БРИКС, в том числе в сфере инвестиций, а с Китаем еще и по линии ШОС и проекта «Экономического пояса великого шелкового пути».

Трудности в экономике в плане внешнеэкономической деятельности в дальнейшем могут усилиться и в результате интеграционных проектов США в регионах Тихого и Атлантического океанов. Адаптация к этим условиям еще только начинается, и исход этих процессов непредсказуем.

Вследствие данных процессов во внешней торговле России стали происходить определенные позитивные структурные изменения. Так, «по данным Центра международной торговли Москвы после присоединения России к ВТО на 16% увеличился экспорт по группе машины и оборудование. Экспорт одежды и обуви вырос на 26%, продовольствия – на 5%. По данным Федеральной таможенной службы, за первое полугодие 2015 года физический объем экспорта металлов и изделий из них вырос на 8,1%. Доля экспорта машин и оборудования в общей структуре составила 5,1%, стоимостной объем экспорта в этой категории вырос на 23%»².

Статистика международной торговли показывает также, что поставки Россией сельскохозяйственной техники за границу после девальвации рубля достигли рекордных значений. В первом полугодии 2015 г. объем экспорта составил 3,8 млрд руб. – это в 2 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и на 1,1 млрд руб. больше предыдущего максимума в 2012 г. Экспорт российской сельскохозяйственной техники в Германию, Францию, Болгарию, Турцию, Канаду и Азербайджан вырос в 3 раза, в Казахстан, Монголию и Таджикистан – в 2 раза, в Кыргызстан и Венгрию – на 30%. Несмотря на традиционно большие поставки вооружения, российский экспорт становится все более мирным. За последний год российские производители в сфере сельского хозяйства экспортировали товаров на 20 млрд долл. Рост составил 15%, и это позволило обогнать экспорт российского вооружения³.

В то же время, по данным Федеральной таможенной службы, за первое полугодие 2015 г. внешнеторговый оборот России составил 270,7 млрд долл., это на 32,6% ниже, чем за аналогичный период прошлого года. Доходы страны от экспорта сократились на 28,8% – до 183,04 млрд долл. Соглашаясь с тем, что Россия несет потери, эксперты в то же время говорят о том, что удалось добиться положительных изменений в структуре экспорта. В стоимостном объеме экспорта в страны дальнего зарубежья доля металлов и изделий из них в первом полугодии составила 9,6% (7,5% год назад), физический объем экспорта вырос на 8,1%. Доля экспорта продукции химической промышленности составила 6,6% (5,0% год назад), физический объем вырос на 12,8%. Доля экспорта машин и оборудования составила 5,1% (3,0% год назад). И хотя это все еще небольшие показатели, это единственная группа товаров, которой удалось

¹ В 2016 г. ожидается рост экспорта зерна Россией до 30 млн т., что составит около 17% мирового рынка.

² **Зачем** России ВТО. Россия в ВТО – плюсы и минусы для экспорта [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/24_a_7775321.shtml (дата обращения: 20.10.2016 г.).

³ **Новое** о российском экспорте [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/21_a_7764959.shtml (дата обращения: 07.11.2016 г.).

существенно нарастить стоимостной объем – в среднем на 23%¹. Однако действие фактора девальвации рубля не может быть длительным. Обычно потенциал роста за счет данного фактора продолжается не более 3–4 лет.

Внешние вызовы заставляют пересматривать экономическую политику по целому ряду направлений. Из самых значимых – завершение структурной перестройки экономики, импортозамещение по некоторым стратегически важным направлениям, усиление экспортной ориентации в перерабатывающих отраслях. Неизбежным становится и ориентация на инновационный этап развития конкурентоспособности страны как на фактор сохранения и в дальнейшем улучшения состояния экономики, что, однако, крайне затруднительно в условиях незавершенности инвестиционного этапа, внутренних и внешних финансовых проблем, продолжающейся стагнации экономики.

Все эти процессы затрагивают и экономику регионов, в частности, Алтайского края.

Рассматриваемый период был для Алтайского края также очень неоднородным по основным характеристикам. Отметим, что с 2009 по 2013 год в целом сохранялись тенденции в развитии, которые можно было бы определить как посткризисное восстановление. Совокупность факторов, обнаружившихся в 2014–2016 гг. внесли более серьезные и значимые коррективы в траекторию движения экономики региона. При этом крайне сложно однозначно определить все причины происшедших изменений.

В период 2009–2013 гг., когда экономика России восстанавливалась после мирового экономического кризиса, преобладали следующие тенденции в сфере внешнеторговой деятельности края².

Несколько выросло количество стран-партнеров в 2012 г.: по экспорту – 66, по импорту – 62, против 65 и 56 соответственно в 2008 г.

Объемы экспорта в 2012 г. в 863 млн долл. так и не достигли максимального докризисного уровня 2008 г., составив всего 64,5% от него. В первую очередь это стало проявлением общего падения спроса на мировых рынках и сложным процессом адаптации предприятий края к условиям замедления экономического роста в России.

На изменение объемов экспорта в сторону снижения в 2008–2012 гг. (за исключением 2011 г.) в основном влияли поставки наиболее важных для экономики края, сохранения ее промышленной составляющей, видов продуктов: топливно-энергетических товаров (кокса), машин, оборудования, транспортных средств (вагонов), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (лесоматериалов). Значительный вклад в сокращение объема экспорта внес и ценовой фактор: так, средние цены за 2012 г. по сравнению с 2008 г. в долларовом исчислении по коксу снизились на 36%, по вагонам – на 34%.

Необходимо отметить, что экспорт предприятий Алтайского края продолжал быть ориентирован в первую очередь на государства-участников СНГ (кроме минеральной продукции). Так, за 2012 г. доля этой группы стран составила 63,6% стоимостного объема экспорта и практически не изменилась с 2008 г. Особенно упрочи-

¹ **Россия** разнообразила экспорт [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/08/26_a_7719377.shtml (дата обращения: 07.11.2016 г.).

² **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: анализ. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 60 с.

лись позиции Казахстана как главного экспортного партнера Алтайского края: за 2012 г. доля этой страны в стоимостном объеме поставок края составила 44,4%. Думается, что здесь уже проявился эффект создания Таможенного союза.

Доля экспорта в секторе крупных и средних предприятий была достаточно заметной и составляла около 9% в отгрузке продукции собственного производства (работ, услуг). Экспорт как направление деятельности был у 8% крупных и средних предприятий края. Высокая доля экспорта в объеме продажи продукции сложилась за 2012 г.: по пиломатериалам – 64,1%, минеральным удобрениям – 58,5%, вагонам – 38,3%, серной кислоте – 36,3%, лакокрасочным материалам – 25,1%, тканям – 17,9%, моющим средствам – 14,3%, шинам – 8,7%, средствам парфюмерным и косметическим – 9,6%, средствам лекарственным – 8,1%, бумаге – 7,5%.

Укрупненная товарная структура экспорта в 2012 г. характеризовалась сосредоточением объемов в 5 товарных группах. При этом проявляются определенные динамические изменения в структуре экспорта по сравнению с 2008 г.¹ Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного) составили 14,3% от стоимостного объема экспорта (11,6% в 2008 г.); минеральные продукты – 25,8% против 38,9% в 2008 г.; продукция химической промышленности, каучук – 13,4% против 6% в 2008 г.); древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 17,5% (23,8% в 2008 г.); машины, оборудование и транспортные средства – 18,8% (15,5% в 2008 г.). Доля готовых продовольственных товаров (83% в объеме экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья) существенно превысила долю сельскохозяйственного сырья (17%), и это свидетельство значимых структурных изменений в экономике края, сложившихся в результате инвестиционной деятельности.

В 2012 г. импорт Алтайского края составил 557 млн долл. и также не достиг максимума 2008 г. Преимущественно импорт шел из стран дальнего зарубежья 64,7% общего стоимостного объема импорта (в 2008 г. – 47,9%) и превысил уровень 2008 г., а вот из государств-участников СНГ заметно снижался (как в абсолютном выражении, так и в относительном). Лидером среди всех стран в импорте Алтайского края, что в целом соответствовало и общероссийским тенденциям, стал Китай, опередив при этом Казахстан. Суммарно из этих двух стран импортировалось более 49 % товаров.

Товарная структура импорта края в 2012 г. характеризовалась преобладанием объемов в 4 товарных группах. И здесь также заметны некоторые изменения. Так, минеральные продукты составляли 18,6% импорта (в 2008 г. – 10%); продукция химической промышленности, каучук – 10,9%; металлы и изделия из них – 10,5%; машины, оборудование и транспортные средства – 46,7% (42% в 2008 г.). В товарной структуре импорта стали заметно преобладать машины, оборудование, транспортные средства: вероятно, в этом были заметны усилия предприятий по переоснащению производства.

Отметим также, что данные показатели, к сожалению, никак не могут скрыть того факта, что в крае стоимостной объем экспорта на душу населения в 2012 г. составлял всего 359 долл., в то время как в среднем по России он был около 3670 долл. Стоимостной объем импорта, также на душу населения, составил 231 и 2196 долл.

¹ **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: аналит. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 6.

соответственно. Отставание заметно и по сравнению со средними значениями данных показателей по СФО: 1844 и 545 долл.¹

Во второй части рассматриваемого периода, в 2014–2016 гг. ситуация во внешнеэкономической деятельности изменилась в силу указанных выше причин, и прежде всего, сказалось значимое падение курса рубля, ограничения во внешней торговле и инвестициях в результате введения санкций, а затем и создание ЕАЭС.

К настоящему времени в крае сформировался достаточно широкий круг участников внешнеэкономической деятельности. Существенно расширился их состав. По оценкам региональной таможни, в 2015 г. внешнеторговые операции осуществляли 702 зарегистрированных участников ВЭД – резидентов (в том числе индивидуальные предприниматели).

Общие итоги внешней торговли в регионе деятельности Алтайской таможни в 2015 г. можно показать с помощью таблицы 10.6.

При этом необходимо отметить, что с 2015 г. в статистике внешнеторгового оборота не учтены данные о движении товаров между краем и странами ЕАЭС, поскольку таможенного оформления товары уже не проходят. Это крайне затрудняет анализ динамики развития внешней торговли региона и делает показатели в значительной степени несопоставимыми, существенно изменяя данные о структуре торговли.

Таблица 10.6

Итоги внешней торговли в регионе деятельности Алтайской таможни в 2015 г.

Показатель	Стоимость, млн долл.	Удельный вес, %	2015 г. в % к 2014 г.
Товарооборот – всего	546,2	100,0	70,0
В том числе:			
страны дальнего зарубежья	403,6	73,9	68,7
страны СНГ	142,6	26,1	74,2
Импорт – всего	171,8	31,4	51,3
В том числе:			
страны дальнего зарубежья	159,0	92,5	50,3
страны СНГ	12,8	7,5	67,0
Экспорт – всего	374,4	68,6	84,1
В том числе:			
страны дальнего зарубежья	244,5	65,3	89,9
страны СНГ	129,9	34,7	75,0

Источник: Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: <http://www.doc22.ru/information/analysis/6829> (дата обращения: 08.11.2016 г.).

¹ **Ковалева Г.Д.** Алтайский край в контексте внешней торговли России и СФО: ретроспектива и текущее состояние // Экономика Сибири: пространство выбора для дальнейшего развития: материалы и выступления; под ред. Н.Н. Чинякова. – Барнаул, 2015. – С. 105.

Внешнеторговый оборот в регионе в 2015 г. составил 546,2 млн долл. и по сравнению с 2014 г. уменьшился на 234 млн долл. (на 30%).

В 2015 г. внешнеторговые операции осуществлены с партнерами из 73 стран мира (в 2014 г. – из 82 стран). Основные показатели внешней торговли края по странам-партнерам представлены в таблице 10.7.

Таблица 10.7

**Внешнеторговый оборот по странам –
основным торговым партнерам Алтайского края в 2015 г.**

Страна	Стоимость, млн долл.	Удельный вес, %	2015 г., в % к 2014 г.
Всего	546,2	100,0	70,0
В том числе:			
Китай, Сянган	175,9	32,2	62,7
США	64,9	11,9	97,8
Узбекистан	58,2	10,7	66,7
Таджикистан	26,6	4,9	104,0
Азербайджан	22,8	4,2	217,5
Афганистан	20,9	3,8	84,5
Германия	20,2	3,7	65,3
Украина	18,4	3,4	54,6
Республика Корея	16,6	3,0	130,8
Монголия	15,5	2,8	74,2
Чехия	11,1	2,0	74,4
Киргизия	11,0	2,0	48,2
Прочие страны	84,0	15,4	56,4

Источник: Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: <http://www.doc22.ru/information/analysis/6829> (дата обращения: 08.11.2016 г.).

Как видно из табл. 10.7, в 2015 г. ведущими торговыми партнерами региона стали Китай (32,2% от общего стоимостного объема товарооборота), США (11,9%), Узбекистан (10,7%).

И это без учета стран ЕАЭС, доля которых очень значительна, особенно у Казахстана. Так, если на 2013 г. на Республику Казахстан приходилось 436 млн долл. товарооборота, то в 2014 г. – уже 462 млн долл., а в 2015 г. – всего 277 млн долл. Снижение на 67% было явно связано с проблемами динамики валютных курсов. Но «Республика Казахстан по-прежнему один из основных внешнеторговых партнеров Алтайского края. Ее доля в общем объеме товарооборота региона составляет 31%. В первом полугодии 2016 года объем товарооборота уже превысил 107,5 млн. долларов

США, это 71,8% от товарооборота аналогичного периода прошлого года. Из общей суммы на экспорт пришлось 62,5 миллиона, на импорт — 45,1 миллиона долларов»¹.

На долю стран дальнего зарубежья пришлось 73,9% от общего стоимостного объема товарооборота, стран СНГ (без учета взаимной торговли со странами Таможенного союза) – 26,1%. В торговле как со странами дальнего зарубежья, так и со странами СНГ товарооборот уменьшился: с дальним зарубежьем на 31,4% и составил 403,6 млн долл., с государствами СНГ – на 25,8% и составил 142,7 млн долл.

По сравнению с 2014 г. стоимостной объем товарооборота сократился с Китаем, Узбекистаном, Украиной, Киргизией, Германией, Монголией, Чехией, Афганистаном и США и вырос с торговыми партнерами из Азербайджана, Республики Корея и Таджикистана. Можно с определенной уверенностью утверждать, что это последствия падения курса рубля, вызвавшего изменение товарных потоков между странами. Это особенно заметно на примере Китая: так, экспорт в эту страну вырос на 18,5% при очень значительном снижении импорта – более чем на 50% в течение года, но, к сожалению, при сохранении отрицательной динамики всего товарооборота.

Экспорт товаров осуществлялся в 65 стран дальнего и ближнего зарубежья (в 2014 г. – в 62 страны).

Структура экспорта края по странам представлена в таблице 10.8.

Таблица 10.8

Экспорт по странам - основным торговым партнерам Алтайского края в 2015 г.

Страна	Стоимость, млн долл.	Удельный вес, %	2015 г., в % к 2014 г.
Всего	374,4	100,0	84,1
В том числе:			
США	61,8	16,5	99,8
Китай, Сянган	60,4	16,1	118,5
Узбекистан	48,3	12,9	61,7
Таджикистан	25,8	6,9	102,6
Азербайджан	22,8	6,1	218,3
Афганистан	20,9	5,6	85,5
Украина	16,7	4,5	65,0
Республика Корея	15,7	4,2	144,1
Монголия	15,1	4,0	73,7
Киргизия	10,9	2,9	50,7
Прочие страны	76,0	20,3	65,9

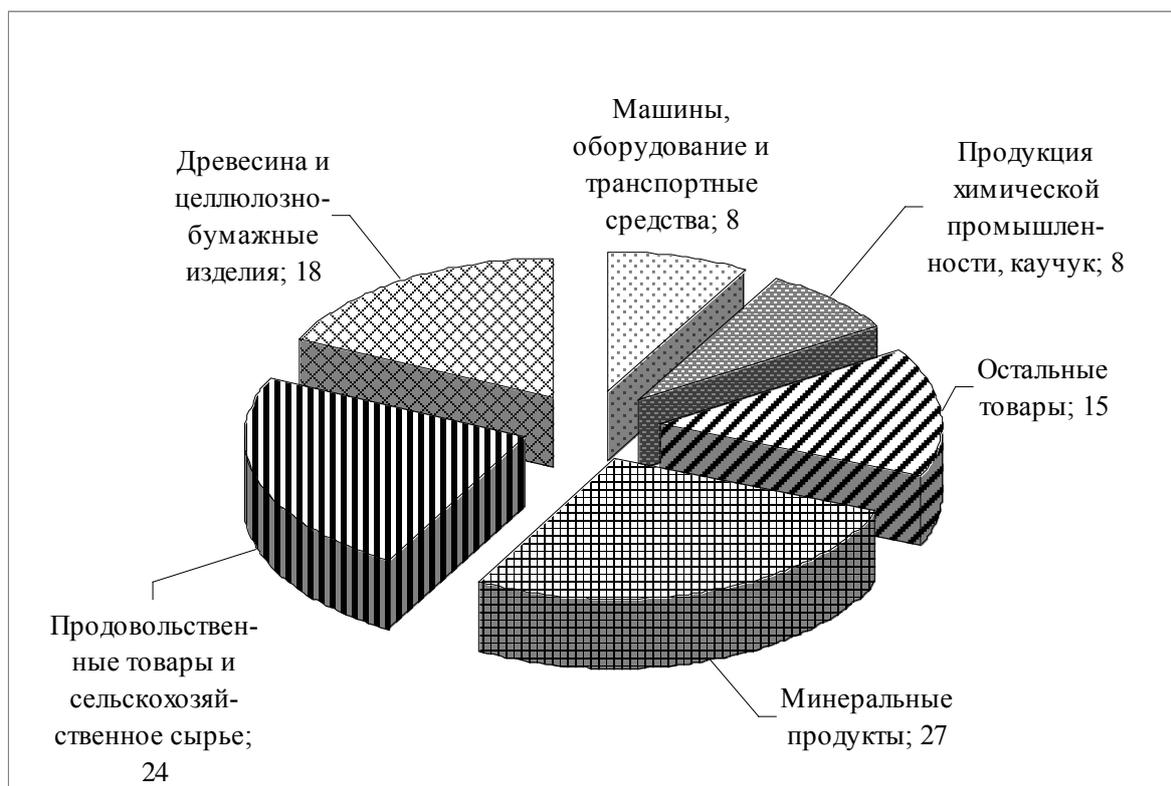
Источник: Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: <http://www.doc22.ru/information/analysis/6829> (дата обращения: 08.11.2016 г.).

¹ Алтайский край и Казахстан пытаются остановить падение товарооборота [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/2202990.html> (дата обращения: 10.11.2016 г.).

В целом экспорт товаров в 2015 г. по сравнению с 2014 г. уменьшился на 70,8 млн долл. (на 15,9%) и составил 374,4 млн долл. Очевидно, что это, прежде всего, следствие указанного выше отсутствия в таможенной статистике данных по странам ЕАЭС. Поставки товаров в страны дальнего зарубежья в стоимостном объеме сократились на 10,1% и составили 244,5 млн долл. (65,3% от общего стоимостного объема экспорта), при этом на первое место по импорту алтайских товаров вышли США. Следующие строчки по доле в экспорте заняли Китай, Узбекистан, Таджикистан и Афганистан.

Особенно заметен рост экспорта в Китай, Азербайджан, Республику Корея и падение в Узбекистан, Украину, Киргизию.

Структура экспорта края по укрупненным группам товаров представлена на рисунке 10.1. Как видим, значительная часть экспорта – это продовольственные товары и сырье. Их доля выросла с 11,6% в 2008 г. (и 2,9% в 1997 г.) до 24% в 2015 г. Доля машин и оборудования заметно снизилась – 8% против 15,5% в 2008 г. (44% – в 1997 г.). И это, пожалуй, самые заметные и, скорее всего, долгосрочные тенденции в изменении экспорта края. Но при этом по-прежнему следует учитывать воздействие на структуру экспорта и импорта новых условий учета внешней торговли в ЕАЭС.

Источник: Итоги внешней торговли Алтайского края за 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/4342> (дата обращения: 04.10.2016 г.).

Рис. 10.1. Товарная структура экспорта по укрупненным группам товаров в 2015 г., %

Структура экспорта по более узким товарным позициям, дающим картину в разрезе основных вывозимых товаров, представлена на рисунке 10.2.

Источник: Экспортный потенциал Алтайского края [Электронный ресурс] // Алтайский краевой центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства: [сайт]. – URL: <http://www.export22.ru/exports/2> (дата обращения: 04.10.2016 г.).

Рис. 10.2. Товарная структура экспорта (по видам товаров) в 2015 г., %

Крупнейшими экспортёрами Алтайской таможни в 2015 г. выступали ООО «АгроСиб-Раздолье», ОАО «Каучуксульфат», ЗАО «Транссервис-Юг», ООО «Рубцовский ЛДК», ОАО ПО «Алтайский шинный комбинат» и ОАО «Барнаульский вагоноремонтный завод».

Изменения в импорте можно охарактеризовать следующим образом.

В 2015 г. в Алтайский край ввозились товары, происходящие из 49 стран дальнего и ближнего зарубежья (в 2014 г. – из 64 стран). Основные партнеры края в сфере импорта (без учета стран ЕАЭС) – Китай (более 67% – 115,5 млн долл.), Германия (8,35%), Узбекистан (5,78%), Италия (4,55%), Чехия (2,71%)¹.

При этом импорт товаров в 2015 г. по сравнению с 2014 г. уменьшился в 2 раза. Безусловно, причина этого – резкое падение курса рубля, а также изменение порядка расчета объема внешней торговли. Импорт товаров из стран дальнего зарубежья

¹ Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: <http://www.doc22.ru/information/analysis/6829> (дата обращения: 08.11.2016 г.).

сократился по сравнению с 2014 г. в 2 раза, из стран СНГ (без учета стран Евразийского союза) – на 33%¹.

Наибольший объем в импорте, как и следовало ожидать, дали четыре группы товаров: машины и оборудование (32%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (24%), химическая продукция (25%), текстиль и обувь (10%)².

Крупнейшими импортерами в регионе деятельности Алтайской таможни в 2015 г. выступали ООО МФО «Вестфалика М», ИП Каюмов Ш.С., ООО «Хайгер Бас Рус», ООО «Агроводпром».

В 2016 г. во внешнеторговой деятельности края, в основном, продолжились самые значимые тенденции, сложившиеся к 2015 г.: в первом полугодии 2016 г. по сравнению с тем же периодом 2015 г. стоимостной объем экспорта продовольственных товаров увеличился на 35,7%; импорт машиностроительной продукции вырос на 19,6%. Очевидно, что именно сейчас в условиях протекционистских ограничений и низкого валютного курса для края могут сложиться благоприятные условия для развития производств с выраженной экспортной ориентацией.

Номенклатура основных экспортных товаров края достаточно стабильна – это кокс, лесоматериалы, грузовые вагоны и запасные части к ним, продукция машиностроительных заводов (котлы, оборудование и механические устройства к ним), лекарства и пищевые добавки, сельскохозяйственное сырье и пищевые продукты, шины. Вероятно, что эти статьи должны сохраниться и развиваться в дальнейшем как основа экспорта региона. Возможно также их расширение за счет туристических и курортных услуг.

Отметим особо реальные перспективы экспорта продовольственных товаров. Край уже сейчас занимает 1-е место в России по производству муки, жирных твердых сыров и гречневой крупе, 2-е место – по крупе и животному маслу, 3-е место – по макаронным изделиям, что дает возможность расширять и экспортные поставки товаров. Объемы экспорта края заметно растут по целому ряду направлений продовольственных товаров. Так, «по данным Сибирского таможенного управления, в первом полугодии 2016 года – в сравнении с таким же периодом 2015-го – в 35 раз вырос экспорт соевого масла (в основном оно поставляется в Китай, Казахстан, Узбекистан). Экспорт подсолнечного масла вырос в 3 раза (Китай, Казахстан, Афганистан, Киргизия, Узбекистан). Растет спрос на алтайское рапсовое масло – увеличение в 1,6 раза (снова Китай и Монголия, но в числе основных покупателей также Норвегия). Продажа на экспорт муки выросла в 2,2 раза (главные потребители – Таджикистан, Монголия, Китай). Существенно выросли поставки в другие страны алтайского сыра, а также водки. Ее хорошо покупают США и Голландия»³.

Компания «Юг Сибири», объединяющая крупнейшие за Уралом маслоэкстракционные заводы, в том числе находящиеся в Алтайском крае (ООО «АгроСиб-Раздолье», ПАО «Бийский МЭЗ») охватывает 2% российского экспорта растительно-

¹ **О внешнеэкономической** деятельности и развитии международных связей Алтайского края в 2015 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-alt/-/asset_publisher/5xjilWtPCeCZ/content/id/2142560 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

² **Итоги** внешней торговли Алтайского края за 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/4342/> (дата обращения: 04.10.2016 г.).

³ **Алтайский** край многократно нарастил экспорт продовольствия [Электронный ресурс] // Капиталист: журнал о бизнесе. – 2016. – 25 августа. – URL: <http://kapitalist.tv/2016/08/25/altayskiy-kray-mnogokratno-narastil/> (дата обращения: 20.09.16 г.).

го масла и в настоящее время занимает 12-ю строчку в аналогичном рейтинге. И, скорее всего, эта статья экспорта края будет расширяться: Масложировой союз России готовит программу развития отрасли. В соответствии с ней предполагается расширить объем посевных площадей под масличные культуры, в результате только за счет полной загрузки уже имеющихся мощностей по их переработке можно вдвое увеличить производство масел и в стоимостном выражении и, как минимум, сравнять их по потенциалу экспорта с пшеницей. Сейчас экспорт масел первого передела Россией составляет около 2 млн т в год (2 млрд долл.). Вместе с экспортом 2 млн т отходов от их производства (360 млн долл.) это уже дает 2,26 млрд долл. При удвоении объема производства экспортная выручка превысит выручку от экспорта зерна Российской Федерацией, которая сейчас составляет 5,25 млрд долл.¹

Снижение курса рубля стимулировало некоторый рост экспорта машиностроительной продукции – но лишь по отдельным видам товаров (например вагонов). Происходит коррекция и в отдельных сегментах импорта продукции машиностроения: «Разработанная в рамках импортозамещения сельскохозяйственная техника алтайского производства пользуется высоким спросом у аграриев, отвечает их требованиям, конкурентоспособна и не уступает по качеству мировым аналогам. В сложившихся в 2014–2015 годах экономических условиях стоимость алтайской техники в полтора-три раза ниже, чем у европейских или американских производителей при сравнимых технических характеристиках»².

Масштабные проекты реализуют и такие известные на федеральном уровне гиганты, как «Эвалар» и «Алтайвитамины». По итогам 2014 г., фармацевтические предприятия Алтайского края произвели продукции на более чем 16 млрд руб. При этом доля экспорта в общем объеме производства одной только фирмы «Эвалар» достигла 15% оборота, а рост объема продаж на зарубежных рынках (более чем в 20 странах) составил 50%. (Основной рост традиционно показали рынки стран СНГ.)³

Выгодное географическое положение Алтайского края на пересечении трансконтинентальных транзитных грузовых и пассажирских потоков в непосредственной близости к крупным сырьевым и перерабатывающим районам в настоящее время, в условиях усиления восточного и азиатского вектора развития, становления и развития ЕАЭС может помочь ему более активно участвовать в международном обмене.

Второе направление сотрудничества – международное движение капитала – в направлении края по-прежнему крайне ограничено. Так, если отношение величины внебюджетных инвестиций в основной капитал к величине ВРП в целом по краю находится на уровне 15–17%, то доля организаций с участием иностранного капитала (ОУИК) в этих инвестициях – менее 1% (хуже только в Ингушетии и Северной Осетии), при средних по РФ значениях в 3–4%. А доля ОУИК во внебюджетных инвестициях в основной капитал в крае – 2,5–5% (ниже показатель только в семи субъектах Федерации из 85)⁴. Для сравнения: доля зарубежных инвестиций в основной капитал Татарстана во всем объеме инвестиций увеличилась с 2,5% в 2013 г. до 5,1%

¹ Подсолнечное масло догоняет пшеницу [Электронный ресурс] // Известия. – 2016. – 8 нояб. – URL: http://izvestia.ru/news/642783?utm_source=smi2 (дата обращения: 10.11.2016 г.).

² Здоровые амбиции [Электронный ресурс] // Эксперт-Сибирь. – 2015. – № 41-42. – URL: <http://www.econom22.ru/press-centre/Publics/detail.php?ID=12046> (дата обращения: 10.11.2016 г.).

³ Международная экспансия компании «Эвалар» продолжает расширяться [Электронный ресурс] // Новости GMP: интернет портал. – URL: <http://gmpnews.ru/2015/05/mezhdunarodnaya-ekspansiya-kompanii-evalar-prodolzhaet-rasshiryatsya> (дата обращения: 10.11.2016 г.).

⁴ Кузнецова О. Различия в привлекательности российских регионов для отечественных и иностранных инвесторов // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 91.

в 2015 г. В 2015 г. Татарстан привлек 507,4 млн долл. прямых иностранных инвестиций против 435 млн долл. в 2014 г. Только за первое полугодие 2016 г. в экономику республики пришло 397,3 млн долл., что в 3 раза превышает уровень соответствующего периода 2015 г. Из них 38,5% (153,1 млн долл.) – прямые инвестиции. Татарстан входит в число 20 регионов России, на которые, в общем, приходится до 95% вложений, пришедших в страну¹.

Алтайский край пока не может соперничать с такими регионами, тем более что приток иностранных инвестиций, прежде всего, связан с решениями самих инвесторов и государственных органов федерального уровня. Ограничивают эти возможности также неразвитость инфраструктуры, ограниченная емкость рынка и отсутствие подготовленных трудовых ресурсов. Но можно надеяться, что развитие производства продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности хотя бы в некоторой степени изменит ситуацию в лучшую сторону. Уже сейчас Китай, став крупнейшим покупателем российского продовольствия, может начать этот процесс: «китайские предприниматели планируют изучить возможность вложения инвестиций в экономику Алтайского края. В первую очередь интерес вызывает сфера пищевой и перерабатывающей промышленности. Также совместно с российскими компаниями-партнерами будет рассматриваться вопрос участия китайских корпораций в развитии особой экономической зоны «Бирюзовая Катунь», туристического кластера «Белокуриха-2» и других туристических проектов»². Возможно сотрудничество и в других отраслях и с другими государствами.

Создание ЕАЭС открывает новые перспективные возможности для предприятий края также и для вывоза капитала в регион Казахстана, Средней Азии, Монголии и создания там своих филиалов или совместных предприятий.

10.5 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие внешнеэкономической деятельности в рыночной экономике, несомненно, связано, в первую очередь, с деятельностью предприятий как ведущего субъекта экономики, с их экономическими интересами. В то же время исключительно велика и роль государственных регулирующих органов, как на уровне федерального центра, ориентированного на обеспечение общенациональных интересов, так и регионов, заинтересованных в стабилизации и развитии территорий. Важными являются и общественные организации в сфере предпринимательства. Соответственно, необходимым оказывается рассмотрение вопроса об институциональной поддержке внешнеэкономической деятельности в Алтайском крае.

Администрация Алтайского края в целом, Управление Алтайского края по туризму, межрегиональным и международным отношениям в настоящее время активно работают над развитием внешнеэкономических связей, в том числе в рамках программного подхода, создавая благоприятные условия для алтайских предприятий.

¹ Татарстан привлек 507,4 млн долл. прямых иностранных инвестиций [Электронный ресурс] // РБК Татарстан. – URL: <http://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/5825a4f69a79477a43966aed> (дата обращения: 12.11.2016 г.).

² Китайские предприниматели планируют инвестировать в экономику Алтайского края [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Алтайского края: [сайт]. – URL: <http://invest.alregn.ru/news/detail.php?ID=1794> (дата обращения: 12.11.2016 г.).

Важными в данном аспекте являются такие программы как: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края на 2012–2020 годы», «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», Государственная программа Алтайского края «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2015–2020 годы», «План мероприятий по содействию импортозамещению до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года». Заметную роль в этом играет и Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г., которая определяет основные направления, механизмы и инструменты достижения стратегических целей развития Сибири.

Большую работу проводит в названном направлении также Алтайская торгово-промышленная палата (АТПП), Алтайский краевой центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства. Последний тем более важен, что малый бизнес часто оказывается наиболее успешным в области новых идей и их реализации, что может открыть и его экспортные возможности. Он также способен эффективно взаимодействовать с крупным бизнесом, стимулирует развитие предпринимательских ресурсов региона. Существенные функции выполняют Алтайский союз предпринимателей, Алтайский бизнес-инкубатор и другие структуры.

В целом Администрация Алтайского края заключила более 15 соглашений о сотрудничестве с министерствами зарубежных государств и органами власти административно-территориальных образований иностранных государств. Именно заключение конкретных соглашений позволяет формировать устойчивые экономические и гуманитарные связи Алтайского края, в частности, с Белоруссией, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Республики Казахстан, Ховдским и Баян-Ульгийским аймаками Монголии, Синцзцзян-Уйгурским автономным районом Китайской Народной Республики и регионом Франш-Конте Французской Республики. Осуществляется работа по развитию и укреплению всестороннего сотрудничества Алтайского края с Киргизией, Таджикистаном, Шуменской областью Болгарии и провинцией Больцано – Южный Тироль Италии¹.

Крайне важно отметить, что 15 декабря 2014 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Администрацией Алтайского края Российской Федерации и Всемирной продовольственной программой ООН. Алтайский край стал первым и единственным регионом страны, с которым заключено такое соглашение. Подписанный меморандум позволит алтайским переработчикам значительно расширить географию международных поставок. Официальным поставщиком ООН от Алтайского края является компания «Алтайские мельницы»².

Большие возможности для повышения эффективности международных связей Алтайского края представляет деятельность представительств края, созданных за рубежом, в частности, в Федеративной Республике Германия (г. Берлин) и Монголии (г. Улан-Батор). Указанные представительства могут существенным образом содействовать налаживанию двустороннего сотрудничества, взаимодействуют с министерствами иностранных государств по вопросам международного сотрудничества, способствуют формированию позитивного восприятия Алтайского края в иностранных государствах. Действенным инструментом обеспечения экономических интересов Алтайского края на федеральном уровне являются и двусторонние межправитель-

¹ О некоторых итогах развития международных и межрегиональных связей Алтайского края в 2014 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/territory/foreign_ec/ved (дата обращения: 09.10.2016 г.).

² Там же.

ственные комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. Алтайский край является постоянным участником многих таких структур: Российско-Казахстанской, Российско-Германской, Российско-Узбекской, Российско-Киргизской и Российско-Монгольской Межправительственных комиссий.

Алтайский край активно участвует также в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях. Это активно способствует улучшению его имиджа, привлечению внимания к экономике региона со стороны государственных органов власти и иностранных инвесторов, представителей бизнеса зарубежных государств.

В целом ряде международных выставок Алтайский край принимает участие уже на протяжении нескольких лет: например, в сельскохозяйственной выставке «Зеленая неделя» (Германия), туристической выставке «ITB» (Германия), Урумчийской выставке (Китай), выставке-ярмарке «Улан-Батор. Партнерство» (Монголия), Экспортно-импортной ярмарке (Китай).

В рамках данных мероприятий Алтайский край позиционирует себя уже не только в качестве одного из крупнейших агропромышленных регионов России, но и как центр всесезонного туризма. Так, в 2014 г. Алтайский край впервые был представлен на крупнейшей в Болгарии международной туристической выставке Holiday and Spa Expo 2014. Участвует край и в международной выставке «Китай – Евразия ЭКСПО», которая ежегодно проходит в Китае. В рамках этой ярмарки компанией «Юг-Сибири» достигнута договоренность с китайскими коллегами о поставках наливного подсолнечного и рапсового масла, а также бутилированного подсолнечного масла торговой марки «Янтарь Алтай».

На протяжении 2014–2015 гг. Администрацией Алтайского края организованы приемы в Алтайском крае официальных делегаций и представителей деловых кругов следующих зарубежных государств: Казахстан, Таджикистан, Китай, Монголия, Германия, Франция и др.

С 2014 г. продолжились контакты по линии Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». Совет «Наш общий дом – Алтай» – это интересный формат приграничного диалога органов власти, бизнеса и общественности территории Большого Алтая. В рамках данного Совета выполняется целый ряд важных проектов, среди них Совет ректоров вузов Большого Алтая.

Известным событием в Алтайском крае является и межрегиональный агропромышленный форум «День сибирского поля», в котором также принимают участие и представители других государств. Так, китайская сторона участвует в нем с 2014 г. Развиваются и другие формы сотрудничества Алтайского края с зарубежными странами.

Все более важным направлением становится углубление контактов региональных органов власти в рамках пространства ЕАЭС: так, в октябре 2016 г. делегация алтайских предпринимателей приняла участие в работе седьмой международной промышленной выставки «EXPO-RUSSIA ARMENIA PLUS IRAN 2016», которая проходила в г. Ереване Республики Армения¹. Это дополняет уже имеющиеся контакты с другими государствами ЕАЭС.

¹ Делегация алтайских предпринимателей осваивает рынок Армении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бийского бизнес инкубатора: [сайт]. – URL: <http://www.incubator22.ru/index.php/1034-delegatsiya-altajskikh-predprinimatelej-osvaivaet-rynok-armenii> (дата обращения: 20.11.2016 г.).

Подведем итоги. Внешнеэкономическая деятельность Алтайского края за двадцать пять лет экономической трансформации испытывала противоречивое влияние целого комплекса факторов национального, мирового и территориального характера как экономического, так и политического плана.

К сожалению, реальностью стало «упрощение» ресурсного экспортного потенциала края – произошло смещение в сторону факторов природного характера при существенном сокращении факторов производственного капитала, технологических и трудовых ресурсов; в результате край понес потери по многим уже ранее сложившимся направлениям экспортной деятельности, прежде всего, в сфере машиностроения.

В то же время удалось сохранить экспортные возможности ряда крупных промышленных предприятий химической, машиностроительной отраслей, созданных еще в советский период, что при благоприятных инвестиционных и институциональных условиях может стать основой дальнейшего восстановления и расширения промышленного экспорта. Вероятно, новые возможности в этом направлении открывает и создание ЕАЭС.

Складываются благоприятные, причем долгосрочного характера, условия для развития экспортной ориентации предприятий деревообрабатывающей, фармацевтической отраслей, сельского хозяйства, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье промышленности, в том числе в производстве экологически чистых и редких аутентичных продуктов, что, однако, тоже требует расширения инвестиций.

Постепенно накапливается потенциал в сфере туризма и курортного дела: они также могут в перспективе занять некоторые ниши на мировом рынке соответствующих услуг.

Следует отметить увеличение и улучшение качества предпринимательских ресурсов и, вследствие этого, заметное реальное включение интересов предприятий (не только крупных, но и средних и малых) в направлении расширения пространства их деятельности за пределы Российской Федерации. В то же время уровень подготовки трудовых ресурсов в целом остается невысоким.

В качестве приоритетного направления и как условие освоения международных рынков следует назвать и развитие инноваций: в крае в некоторых сегментах экономики уже идут данные процессы, причем и на уровне малых предприятий, в том числе создаваемых при университетах и крупных бизнес-структурах.

Крайне необходимо развитие эффективной производственной инфраструктуры как одного из условий успешной внешнеэкономической деятельности.

Активизация уже сформированных и создание новых кластерных систем также может способствовать расширению внешнеэкономических связей предприятий края, в том числе посредством инвестиционной и инновационной деятельности.

Важно задействовать в будущем и процессы миграции капитала – не только в плане привлечения иностранных инвестиций и создания филиалов зарубежных предприятий, совместных компаний, но и посредством стимулирования экспорта прямых инвестиций наиболее сильными предприятиями края за рубеж, в первую очередь, в страны ЕАЭС, Монголию, возможно, и в Китай.

Конкурентоспособность национальной экономики в мировом хозяйстве в рыночной экономике, прежде всего, базируется на деятельности самих фирм. Но для создания условий проявления их возможностей, стимулирования активности и для гармонизации экономических эффектов, складывающихся на уровнях микро-, макроэкономики, региональной экономики, необходимы усилия органов власти, не только федеральной, но и региональной. В Алтайском крае сформировался и развива-

ется дальше целый комплекс институтов, способствующих активизации внешнеэкономической деятельности предприятий.

Перед краем, всеми его экономическими субъектами, таким образом, стоит задача опираться в развитии внешнеэкономических связей не только на уже сложившиеся, базисные факторные условия конкурентоспособности. Необходимо обеспечить развитие капитальных, трудовых, информационных и предпринимательских ресурсов в направлении формирования их «специфичности», выделяющей их на фоне ресурсов других регионов и определяющей конкурентные преимущества предприятий как в системе национальной, так и международной экономики. В условиях намечаемого реформирования региональной политики государства это должно стать важнейшей предпосылкой развития внешнеэкономической деятельности, роста экономики края, повышения уровня жизни его населения и будет содействовать развитию всего национального хозяйства Российской Федерации.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Сравнительный анализ инвестиционных процессов в крае и России показал их неоднозначность. С одной стороны, край продолжает находиться в числе регионов-аутсайдеров по показателю душевого объема инвестиций (в действующих ценах), что во многом объясняется сравнительно невысокой привлекательностью края как места приложения частных инвестиций.

С другой стороны, в последние годы в регионе по сравнению с Россией наблюдается позитивная тенденция более высоких темпов роста индекса физического объема инвестиций в основной капитал, в результате чего по показателю душевых инвестиций (в сопоставимых ценах) край приблизился к среднероссийским показателям (пик сближения пришелся на 2014 г.).

Более высокая инвестиционная активность (в 2010 г. имел место настоящий «инвестиционный рывок») была обеспечена за счет собственных ресурсов края. Алтайский край, начиная с 2004–2005 гг., сумел резко увеличить инвестиционную активность и к 2009 г. обогнал по показателю душевых инвестиций за счет средств краевого бюджета «среднероссийский» регион. Несмотря на заметное снижение этого показателя в 2012–2014 гг., край сумел сохранить лидирующие позиции и в 2015 г.

Анализ и оценка в целом динамики инвестиционной сферы Алтайского края позволила выявить ключевую ее особенность: если для России в целом характерна потребительская модель роста, ориентированная на опережающий рост заработной платы по сравнению с инвестициями, то для края – сберегательная модель, направленная на формирование базы его развития в перспективе в сочетании с бюджетной политикой, не допускающей чрезмерного роста долга консолидированного бюджета региона.

2. Инновации постепенно становятся одним из наиболее важных факторов экономического роста и предпосылок формирования конкурентных преимуществ. Анализ тенденций и факторов развития экономики региона за период 2006–2013 гг. позволил выявить активизацию инновационных процессов во всех секторах экономики, в том числе традиционных; опережающую динамику развития высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг (фармацевтики, образования, здравоохранения, информационно-коммуникационных технологий); развитие новых видов экономической деятельности (производство композитов, наноматериалов, биотехнологии); рост инвестиций в научные исследования и разработки (в 2,8 раза к уровню 2006 г.). За этот период произошел ряд позитивных подвижек: формирование центров инновационной

активности, активизация инновационных процессов во всех областях экономики, рост затрат и, соответственно, объема выполненных научных исследований и разработок. Технологии, разработанные в регионе, востребованы не только в России, но и в странах ближнего зарубежья. По количеству проданных технологий и программных средств среди регионов Сибирского федерального округа Алтайский край в 2012 г. занимал 2-е место (организациями края продана 71 разработка против одной в 2008 г.), уступая лишь Томской области, а по доле инновационной продукции в объеме экспорта промышленных предприятий регион лидирует в Сибири.

Инновационная сфера края прошла в своем развитии основные этапы становления. *Первый* (организационный) этап (2006–2007 гг.) становления и развития инновационной системы Алтайского края был связан с созданием основ инновационного сектора экономики, формированием правового поля, созданием управленческих структур и совещательных органов. Особое место в региональной политике было отведено инновациям в 2006 г., когда был принят закон «Об инновационной деятельности в Алтайском крае». В этот период особое внимание уделялось вовлечению научной общественности и бизнеса в процесс реализации государственной научно-технической и инновационной политики.

В 2007 г. были кардинально изменены принципы поддержки научных исследований. В основу положена двухступенчатая процедура выбора проектов, используемая на федеральном уровне. Предусмотрена увязка научных исследований с приоритетами социально-экономического развития Алтайского края. Выполнение работ на паритетных условиях позволило привлечь более 30 млн руб. средств федерального бюджета.

На *втором этапе* (2008–2010 гг.) произошло внедрение кластерного подхода, способствующего созданию и развитию кластеров в сфере биофармацевтики, аграрного машиностроения, энергомашиностроения и энергоэффективных технологий, производства полимерных композитов. По состоянию на начало 2015 г. в них вовлечено более 80 организаций.

Для обеспечения ускоренного развития биоиндустрии создан центр инжиниринга «Промбиотех». Его главной задачей является обеспечение взаимодействия между инжиниринговыми компаниями и производственными предприятиями биотехнологического профиля в целях повышения технологической готовности малого и среднего бизнеса к освоению новых видов продукции и внедрению научно-технических разработок.

Третий (интеграционный) этап начался в 2011 г. В рамках его были созданы ключевые элементы региональной инновационной системы, работающие по принципу «инновационного лифта». В этой системе поддержка инновационной деятельности организаций и отдельных предпринимателей осуществляется на всех этапах жизненного цикла инноваций: от зарождения идеи до реализации конкретного инновационного проекта в виде внедрения технологии, организации выпуска инновационной продукции на действующем производстве, создания нового производства.

Учитывая наличие ряда факторов, сдерживающих развитие инновационной сферы Алтайского края, потребуются дальнейшая системная работа, направленная на увеличение эффективности региональной инновационной системы, устранение разобщенности в работе субъектов инновационной деятельности и решение общих задач, обусловленных спецификой инновационной сферы: неразвитость системы проектного и венчурного финансирования, дефицит специалистов по инновационному менеджменту и качественно проработанных инновационных проектов, разрывы в инновационном цикле при переходе от фундаментальных исследований к коммерческим технологиям.

Исходя из этого, основные приоритетные направления совершенствования кластерной политики государства должны заключаться в переходе от практики субсидирования решения только транспортных, инженерных и социальных проблем территорий базирования кластеров к применению «проектного» подхода при распределении финансирования. При этом финансирование недостающих элементов инновационной инфраструктуры должно предусматривать не только приобретение оборудования, но и капитальное строительство. Эффективное сочетание потенциала региональных инновационных решений и возможностей федеральных институтов могут обеспечить создание в регионе дополнительных конкурентных преимуществ при формировании в регионе нового уровня и качества экономического роста.

Не менее важным фактором становления инновационной среды в крае, как свидетельствуют результаты социологических исследований, является постепенное формирование пусть пока и достаточно узкого слоя, инновационно активных жителей, инновационной модели поведения населения, в том числе сельского.

3. Низкая производительность труда и недостаточные темпы ее роста были и остаются одним из главных ограничений повышения конкурентоспособности Алтайского края. По уровню производительности труда край традиционно уступает большинству регионов России и существенно отстает от средних показателей по стране. Со временем это отставание только нарастало. Если в 1990 г. производительность труда в регионе составляла около 70% от уровня РФ, то в настоящее время – менее 50%. Картина отраслевых значений производительности труда в крае довольно многолика и в ряде отраслей специализации не столь удручающа.

Динамика региональных уровней производительности труда носит ярко выраженный проциклический характер, в ней просматривается несколько волн повышения и понижения, выделяются долговременные позитивные и негативные тренды в сочетании с частыми краткосрочными незначительными колебаниями. Она характеризуется более глубоким по сравнению со среднероссийскими показателями падением в 1990-е годы и очень близким к этим показателям ростом и меньшим падением в 2000-е годы.

Особо следует выделить 2015–2016 гг., когда в отличие от России в целом, несмотря на всю сложность ситуации, в крае наблюдается рост производительности труда. Такому развитию событий в регионе способствуют благоприятные погодные условия и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, западные санкции и ответное продовольственное эмбарго со стороны Российской Федерации, военные угрозы и возрождение оборонного комплекса.

4. Алтайское село в настоящее время обладает трудовым потенциалом, обеспечивающим конкурентоспособность аграрного сектора региона. Однако трудовой потенциал сельских территорий, начиная с 2006 г., снижается (прежде всего в количественном отношении), и в значительной своей части не востребован. В 2014 г. по сравнению с 2000-м годом сельский трудовой потенциал в крае уменьшился на 17%. Вероятнее всего, снижение трудового потенциала сохранится и в долгосрочной перспективе. По прогнозным расчетам в 2020 г. по сравнению с 2014 г. он сократится на 7–10%.

Наибольший вклад в сокращение трудового потенциала села вносит естественная убыль населения и миграция. Масштабы потенциальной миграции, особенно среди молодой и образованной части сельского сообщества, остаются достаточно высокими. В 2016 г. 40% сельской молодежи края хотели уехать из села, главным образом из-за низких доходов, отсутствия работы и недоступности получения желаемого образования (квалификации). Вместе с тем в последние годы наблюдается значительное сокращение миграционной активности селян, обусловленное заметным ослаблением влияния ключевых факторов роста их миграционных настроений.

В динамике качественных характеристик сельского трудового потенциала края (здоровье, образование и пр.) наблюдаются противоречивые тенденции, характерные, впрочем, и для России в целом.

5. Низкие доходы населения края, как уже отмечалось, являются одним из наиболее существенных барьеров на пути повышения конкурентоспособности региона. Алтайский край входит в группу регионов СФО и России с самыми низкими доходами населения, стабильно занимает самую низкую позицию в Сибири по заработной плате.

В зависимости от этапа реформирования экономики тренды формирования доходов населения выглядели следующим образом:

- на этапе вступления в рынок и в период активных рыночных реформ в стране и крае произошло обвальное падение уровня жизни, поляризация населения по доходам. Причем в Алтайском крае наблюдались более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) падение реальных доходов и рост бедности в сравнении с регионами СФО и Россией;

- в годы экономического подъема край характеризовался значительной положительной динамикой реальных доходов и оплаты труда, отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО;

- в последние годы (2013–2015 гг.) ухудшение ключевых социальных показателей в регионе было менее выражено, что позволило Алтайскому краю переместиться в группу более благополучных сибирских регионов по масштабам бедности. Вместе с тем по реальным доходам населения и заработной плате край не вышел на показатели 1990 г. (в 2015 г. 65% и 59% соответственно).

6. Внешнеэкономическая деятельность Алтайского края за двадцать пять лет экономической трансформации испытывала противоречивое влияние целого комплекса факторов мирового, национального и территориального характера – как экономического, так и политического плана. Реальностью стало «упрощение» экспортного потенциала края – произошло смещение в сторону факторов природного характера при существенном сокращении факторов производственного капитала, технологических и трудовых ресурсов. В результате край понес потери по многим ранее сложившимся направлениям экспортной деятельности, прежде всего в сфере машиностроения.

В то же время удалось сохранить экспортные возможности ряда крупных промышленных предприятий химической и отдельных сегментов машиностроительной отраслей, созданных еще в советский период, что при благоприятных инвестиционных и институциональных условиях может стать основой восстановления и дальнейшего расширения промышленного экспорта. Формируются предпосылки для развития экспортной ориентации предприятий деревообрабатывающей и фармацевтической промышленности, сельского хозяйства и сельхозпереработки, в том числе в производстве экологически чистых и редких аутентичных продуктов. Новые возможности в этом направлении открываются в рамках ЕАЭС.

В качестве приоритетных направлений и как условие освоения международных рынков следует назвать развитие инноваций, активизацию уже сформированных и создание новых кластеров, расширение экспортного потенциала в сфере туризма и курортного дела. Важно задействовать в будущем и процессы миграции капитала – не только в плане привлечения иностранных инвестиций и создания филиалов зарубежных предприятий, совместных компаний, но и посредством стимулирования экспорта прямых инвестиций наиболее сильными предприятиями края за рубеж, в первую очередь в страны ЕАЭС, Монголию и, возможно, в Китай.

Глава 11. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТА АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

11.1 ХАРАКТЕРИСТИКА БЮДЖЕТА КРАЯ В 1990–2009 гг.

Процесс бюджетирования в Российской Федерации и в регионе напрямую обусловлен целями и задачами экономической политики государства. Замедление экономического роста сопровождалось нарастанием проблем по формированию и исполнению бюджета Алтайского края, начиная со дня его образования (1937 г.). Дефицит бюджета, который возник тогда и существует в настоящее время, зависит от динамики базовых видов экономической деятельности за истекший период, которая характеризуется дотационностью сельского хозяйства и наличием ряда малорентабельных отраслей.

В 80-е годы XX века дефицит бюджета края составлял около 30% и покрывался субсидиями из союзного и республиканского бюджетов. Наряду с этим в крае самостоятельно дополнительно выделялись большие средства в виде субсидий для покрытия затрат в сельском хозяйстве и на ряде предприятий машиностроения, нефтехимической и сельхозперерабатывающей промышленности. В период централизованного управления Алтайский край к концу 1980-х годов превратился в один из крупнейших и экономически развитых регионов страны.

Отраслями специализации промышленности края являлись машиностроение (более 40% товарной продукции промышленности), химическая и нефтехимическая (16%) и легкая (12%) промышленность. Новой отраслью специализации в 1980-е годы стала чёрная металлургия в связи с пуском Алтайского коксохимического завода в г. Заринске. Алтайский край в тот период имел своё определённое место в общесоюзном разделении труда, что позволяло ему играть заметную роль в экономике России¹.

Развитие экономического края в анализируемом периоде характеризовалось разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, значительно возрос экономический потенциал края, с другой – возможность развития края, включая его сельхозпроизводство, использовались недостаточно полно, с большими экономическими и социальными потерями. При этом аграрно-промышленная ориентация не была, как в последующем периоде (с начала 1990-х годов), доминирующим фактором его депрессивности².

Состояние экономики края в начале 1990-х годов характеризовалось тем, что край занимал промежуточное положение между благополучными и неблагополучными регионами. Его социально-экономическое развитие было как неустойчивое и очень чувствительное к изменению внешней экономической среды. В 1992–1994 гг. край вплотную подошёл к опасной черте, разделяющей «проблемные» (депрессивные и отсталые)

¹ Троцковский А.Я., Чертов Н.А. Управление региональной экономикой: Учебное пособие – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 236 с.

² Мищенко В.В., Медведева А.Г. Межбюджетное регулирование как инструмент сглаживания территориальной дифференциации в регионе (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного университета. – 2007. – № 12 (38). – С. 57–62.

регионы от остальных, относительно благополучных субъектов Российской Федерации¹.

За годы реформ в стране радикально сменились источники формирования бюджета: в 1992 г. налоги давали 40% доходной части консолидированного бюджета. Бюджеты субъектов РФ функционировали автономно и не входили своими доходами и расходами в более высокое административное звено. В 1992 г. 55,9% доходов поступало в федеральный, 44,1% – в региональный и местные бюджеты.

Объёмы бюджетов в 1990-е годы сократились пропорционально уменьшению ВВП. До наступления в начале 2000-х годов благоприятной внешнеэкономической ситуации (рост цен на нефть) в России наблюдался хронический недостаток всех финансовых ресурсов, а низкая результативность экономической политики во многом определялась недостатком государственных финансовых ресурсов. Слабость и нарастающее отставание экономики Алтайского края от других территорий не позволяло региону развиваться без помощи из вышестоящего бюджета.

В 1990-х годах в бюджетной системе в основном преобладали расходы, совместно финансируемые из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований (ст. 85 БКРФ). Это размывало ответственность конкретного уровня власти за финансовое обеспечение их выполнения, а на практике зачастую приводило к неисполнению. Именно в этом и был корень главных проблем конца XX века, таких как долги по зарплате, социальным пособиям, хроническое недофинансирование ЖКХ. Это также явилось причиной наличия в регионах неиспользуемых денежных средств².

По результатам исполнения бюджета края за 1998 г. доходы составили 3,68 млрд руб., а расходы – 3,27 млрд руб., т.е. в крае сложился профицит бюджета в размере 410 млн руб. Однако обеспеченность собственными доходами была лишь на 20%, а трансфертами из федерального бюджета – 80%³.

До 2000-х годов в Алтайском крае наблюдалось существенное сокращение темпов производства в оборонно-промышленном комплексе. Оборонные предприятия региона в результате обвального сокращения госзаказа (объём оборонного заказа в среднем по предприятиям ВПК сократился почти в 30 раз, а его доля в общем объёме производства продукции – в 5 раз и составила лишь шестую часть) оказались в крайне сложном финансовом положении. Их деятельность в значительной степени определялась гарантированными заказами партнёров советского времени. Поэтому они не смогли в те годы сохранить существенное влияние в экономике края и обеспечить соответствующее положение бюджета.

После 1998 г. – года экономического кризиса и дефолта – начался восстановительный рост экономики в крае. Бюджетные показатели 1999–2000 гг. отмечены невысокими темпами роста доходов – 3,8%, что было несоизмеримо с инфляцией.

В 2001–2002 гг. фиксируется дальнейший темп роста доходов, но за счёт увеличения помощи региону – 7,4 млрд руб. в 2001 г. и 10,6 млрд руб. в 2002 г. Объём межбюджетных трансфертов по сравнению с 1999 г. увеличился почти в 3,5 раза. В этом же году показатель обеспеченности бюджета края собственными доходами достиг минимума и составил 13,4%, трансфертов – 86,6%.

¹ Мищенко В.В., Медведева А.Г. Межбюджетное регулирование как инструмент сглаживания территориальной дифференциации в регионе (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного университета. – 2007. – № 12 (38). – С. 57–62.

² Там же.

³ Рыжак Н. Депутат Госдумы Николай Рыжак анализирует эволюционные этапы развития бюджета Алтайского края // Газета № 1. Ваша газета на Алтае. – 2008. – № 37. – С. 15–19.

Кроме финансовой поддержки в виде субсидий, субвенций и дотаций доходная часть бюджета края пополнялась за счёт введения новых нормативов отчислений из федерального налога на доходы физических лиц и ввода новых региональных налогов.

В 2004 г. доля межбюджетных трансфертов в бюджете Алтайского края снизилась до 67%. За счёт увеличения собственных доходов с 2002 по 2004 год налоговые доходы увеличились практически в 4 раза, в том числе и за счёт введения нового регионального налога (транспортного).

С начала 2000-х годов в России были последовательно утверждены и реализованы среднесрочные программы бюджетных реформ, среди которых:

- Программа развития органов Федерального казначейства на 2000–2004 годы;
- Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года;
- Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах;
- Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации в 2006–2008 годах;
- Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года;
- Программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года;
- Концепция создания и развития интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет».

Программа развития бюджетного федерализма заложила основы системы межбюджетных отношений, в которых чётко разграничены расходные и доходные полномочия органов власти, и сокращены обязательства, установленные федеральными законами для бюджетов всех уровней без учёта возможностей их выполнения. Концепция реформирования бюджетного процесса создала условия для максимально эффективного управления общественными финансами, определив задачи и инструментарий реформирования.

В основу организации бюджетного процесса легла модель «бюджетирования, ориентированного на результаты» (БОР) в рамках среднесрочного финансового планирования. Её суть – распределение бюджетных ресурсов между администраторами бюджетных средств и реализуемыми ими бюджетными программами, с учетом или в прямой зависимости от достижения конкретных результатов в соответствии со среднесрочными приоритетами социально-экономической политики и в пределах долгосрочных объемов бюджетных ресурсов («потолком расходов»). В России система БОР начала использоваться с принятием Концепции реформирования бюджетного процесса¹.

Бюджетирование такого рода активно поддерживалось Министерством финансов РФ и стимулировалось к внедрению на региональном и местном уровнях посредством выделения субсидий на реформирование региональных и местных финансов. Была образована правительственная комиссия по повышению результативности бюджетных расходов, а субъекты бюджетного планирования готовили доклады о результатах и основных направлениях своей деятельности (так называемых ДРОНДов).

¹ **О мерах** по повышению результативности бюджетных расходов: постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.05.2017 г.).

Бюджет Алтайского края в 2006 г. впервые за многие годы был исполнен с профицитом, так как в этом году край выиграл право на получение субсидии из Федерального фонда реформирования региональных и муниципальных финансов. В рамках программы реформирования региональных финансов в крае создаётся концепция по реформированию региональных финансов.

Начиная с конца 2006 г., в крае начинается политика погашения внутреннего долга, растёт кредитный рейтинг региона. В бюджете края впервые за после-реформенную историю собственные доходы превысили трансферты из Федерального бюджета. Они составили 51,5% всех доходов.

Сверхдоходы 2006 г. объясняются субсидиями на реформирование региональных финансов, а также тем, что 10% собственных доходов составляли дотации и субсидии из федерального бюджета, которые с 2005 г. были включены в собственные доходы.

При этом следует отметить, что с 2005 г. в Российской Федерации была начата реформа федеративных отношений и местного самоуправления, которая базировалась на принципах:

- ◆ отнесения к собственным доходам дотаций и субсидий;
- ◆ преобразования регулирующих доходов в закреплённые доходы;
- ◆ отказа от расщепления региональных и местных налогов федеральными законами;
- ◆ установления единых нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов в бюджеты субъектов РФ (в местные бюджеты);
- ◆ установление возможности дифференциации нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц в местные бюджеты¹.

В рамках изменения Бюджетного кодекса РФ в 2005 г. в собственные доходы регионов стали включаться безвозмездные и безвозвратные перечисления (кроме субвенций). Как следствие, увеличилась доля собственных доходов во всех доходах краевого бюджета: 2004 г. – 31%, 2005 г. – 48%. При этом расходные обязательства увеличились на 29%. Изменилась и структура расходов. Существенно увеличились в общей структуре расходы на социальную сферу (10%).

В 2005 г. Алтайский край занимал 3-е место в стране по объёму дотаций, получаемых из федерального бюджета. Консолидированный бюджет края был только на 40,8% обеспечен собственными доходами.

Центральная власть большое внимание уделяла показателю «отношение государственного долга к доходам бюджета (без учёта финансовой помощи из федерального бюджета)». В 2005 г. в Алтайском крае этот показатель был равен 9,6% – 23-е место в стране. Поскольку региональный государственный долг берётся под залог краевого бюджета, а он в регионе невелик, значительный приток трансфертов имел своим следствием «ненапряжённое» расходование регионального бюджета.

Отметим, что этот финансовый рычаг минимально использовался в финансово-экономической политике Алтая. Отношение текущих расходов к суммарным расходам бюджета в 2005 г. в Алтайском крае составило 95,3% – 77-е место из 79 субъектов Российской Федерации. Для сравнения: среднее значение данного показателя в стране – 88%².

¹ Игудин А.Г. Межбюджетные отношения и реформа местного самоуправления // Финансы. – 2006. – № 7. – С. 11–15.

² Альтернативная стратегия социально-экономического развития Алтайского края (концепция) В.В. Мищенко. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 98 с.

В 2006 г. план поступления в краевой бюджет налоговых и неналоговых доходов был выполнен на 108,2%. При этом анализ краевого бюджета от использования государственной собственности свидетельствовал о недостаточно эффективных механизмах управления имуществом. Не в полной мере был задействован источник пополнения доходной части бюджета от использования государственной собственности, а также семь из одиннадцати разделов функциональной классификации расходов¹.

По мере улучшения общеэкономической и социальной обстановки в стране основной целью бюджетной политики в 2006–2007 гг. становится обеспечение общей макроэкономической сбалансированности и устойчивости. Изменились и требования к качеству бюджетного планирования. Основным подходом стало ежегодное составление и утверждение федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на три года.

Кроме внедрения среднесрочного финансового планирования в период с 2006 по 2008 год было разработано еще несколько наиболее значимых направлений:

- ◆ формирование порядка планирования бюджетных ассигнований;
- ◆ формирование и реализация заданий на оказание государственных услуг;
- ◆ стандартизация государственных (муниципальных) услуг.

Одним из главных направлений реформирования бюджетного процесса этого периода стало совершенствование и расширение сферы применения программно-целевых методов бюджетного планирования с прогнозом социально-экономического развития, долгосрочными целевыми программами.

Экономика Алтайского края в 2006 г. имела умеренный размер. Показатель ВРП на душу населения составлял 42% среднероссийского показателя. Значительное место в экономике края продолжало занимать сельское хозяйство, и низкая прибыльность этого сектора влияла на размер и расширение базы налогообложения. Ввиду относительно небольшой налогооблагаемой базы края его бюджетная обеспеченность в 2006 г. составляла лишь 65% среднероссийского уровня.

Бюджет края зависел по-прежнему от финансовой помощи из федерального бюджета. В 2007 г. на долю федеральных трансфертов пришлось 58% общих доходов регионального бюджета, что, однако, ниже чем в 2003 г., когда эта доля достигла 80%. Удельный вес прямой финансовой помощи из федерального бюджета в 2007 г. равнялся 34% общих доходов, постепенно снизившись с максимального зафиксированного уровня в 61% в 2003 г. Федеральные трансферты включали в себя, в частности, целевые трансферты капитального характера, объёмы которых могли изменяться, в том числе и снижаться. Это оказывало отрицательное влияние на бюджетные показатели региона с учётом низкой финансовой гибкости.

С 2003 по 2006 год бюджет Алтайского края имел положительный баланс – в среднем 7,8% операционных доходов. Отмечался существенный рост доходов (на 28% в годовом выражении), в то время как рост расходов составлял 18,7%. Сказанное позволяет сделать вывод о хорошем управлении государственными финансами со стороны региональных органов власти, нацеленном на расширение базы налогообложения и контроля над расходами.

¹ Отчет о работе Счетной палаты Алтайского края за 2007 год [Электронный ресурс] // Алтайский край. Счётная палата – Заглавие с экрана – URL: <http://www.ach22.ru/report/2007/index.htm> (дата обращения: 22.05.2017 г.).

Долговая нагрузка региона находилась на низком уровне. В 2003–2007 гг. она постепенно снижалась и к концу 2007 г. по отношению к совокупным доходам снизилась до незначительного уровня (соответственно, с 23 до 2,4%). Основная часть доходов регионального бюджета в 2006 г. – это трансферты из федерального бюджета. Следующей по размеру статьёй доходов являлись налоговые поступления. В структуре расходов доминировали трансферты муниципалитетам, поддержка местной экономики и социальные расходы.

В этом же году в крае была принята долгосрочная стратегия социально-экономического развития до 2025 г. Экономическими приоритетами региона были названы развитие края в различных стратегически важных сферах, включая туристический бизнес. При финансовой поддержке из Федерального бюджета предполагалось создать специальную туристско-рекреационную зону и игорную зону.

Ожидалось, что это увеличит внутренний спрос и будет способствовать экономическому развитию, в том числе развитию инфраструктуры, туризма, гостиничного бизнеса и сектора общественного питания. Также прогнозировалось экономическое развитие в традиционных для региона секторах: сельском хозяйстве и машиностроении. Алтайский край поддерживал сектор инноваций и высоких технологий (например, биофармацевтические и химические предприятия в научном центре г. Бийск). Другим приоритетом являлось развитие международного сотрудничества с Республикой Казахстан.

Были определены и среднесрочные цели бюджетного развития края. Особое внимание было направлено на развитие кадровых ресурсов, повышение уровня жизни и обеспечение социальной защиты жителей региона. В сфере бюджета были названы следующие приоритеты: улучшение качества среднесрочного бюджетного планирования, повышение эффективности бюджетных расходов за счёт использования бюджетирования, ориентированного на результат; рост удельного веса налоговых доходов в структуре доходов за счёт налогооблагаемой базы посредством улучшения инвестиционного и делового климата в регионе.

Несмотря на относительно небольшую налогооблагаемую базу края и бюджетную обеспеченность (65% от среднего уровня в стране), в 2006–2007 гг. в регионе не зафиксированы высокие темпы экономического роста – темпы роста ВРП в среднем равнялись 11%. В 2007 г. в реальном выражении рост экономики региона составлял 11,5%, что было выше среднероссийского показателя (8,1%).

Экономический рост поддерживался за счёт высоких темпов инвестиций в основной капитал. В 2006 г. и в 2007 г. в реальном выражении инвестиции в основной капитал увеличились на 22,6 и 28,2% соответственно. Совокупные темпы годового роста ВРП края в 2003–2007 гг. достигли 7,6%, что практически соответствовало среднероссийскому уровню (7,8%). При этом прогнозировалось, что в 2008 г. высокий уровень инвестиций в основной капитал (24,5%) должен будет поддерживать экономическое развитие в регионе (на уровне 10,5%). Планировался рост ВРП в реальном выражении.

Консолидированный бюджет региона включал в себя региональный бюджет, бюджеты 72 муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов), а также бюджеты 725 городских и сельских поселений.

Бюджеты муниципальных образований пользовались ограниченной независимостью и выполняли, согласно федеральному законодательству, ряд функций в регионе. В рамках межбюджетных отношений с муниципальными образованиями Алтайский край передал на муниципальный уровень дополнительные расходы и источники доходов для выполнения конкретных делегированных полномочий. Помимо поступлений, положенных по Бюджетному кодексу РФ, край передал дополнительные доли налоговых

поступлений в городские поселения и муниципальные округа, что обеспечивало дополнительную мотивацию муниципальных образований по развитию местной экономики.

В 2006 г. край начал проводить программу реформирования региональных финансов и вошёл в число субъектов Федерации, которые получили финансовую поддержку от Министерства финансов РФ на проведение этой программы. В 2007 г. край успешно завершил программу, получив в 2006–2007 гг. трансферт из Федерального бюджета в размере 188 млн руб.

Структура доходов бюджета была представлена доминирующими трансфертами из Федерального бюджета (58% общих доходов в 2007 г.), налоговыми доходами в размере 40% и крупнейшими источниками налоговых доходов: НДФЛ (15% всех бюджетных поступлений), налогом на прибыль организаций (12%). На протяжении пяти лет Алтайский край демонстрировал высокие темпы роста бюджетных доходов. В абсолютном выражении доходы бюджета увеличились почти в три раза, с 14,5 млрд руб. в 2003 г. до 38,2 млрд руб. в 2007 г., а налоговые доходы повысились с 2,6 млрд руб. до 15,4 млрд руб.

Быстрый рост налоговых доходов в 2003–2007 гг. был обусловлен перераспределением источников доходов между уровнями бюджета, а также ростом налогооблагаемой базы по НДФЛ и налогу на прибыль организаций. Фактическое распределение поступлений от налога на прибыль организаций между региональными и муниципальными бюджетами значительно изменилось в 2003–2007 гг. Доля поступлений в регион от НДФЛ повысилась до 88,3% в 2004 г. с нулевого уровня в 2003 г. и достигла 100% в 2005–2007 гг. Удельный вес поступлений от НДФЛ повысился с 34,5% в 2003 г. до 60% в 2006–2007 гг.

Распределение налоговых поступлений между региональными и муниципальными бюджетами свидетельствовало о том, что налоговые доходы все более концентрируются на уровне края. Основная причина такого перераспределения – реформа местного самоуправления, которая создала новую структуру распределения налоговых поступлений между региональным бюджетом и бюджетами муниципальных образований.

С учётом неравномерного размера налогооблагаемой базы в различных муниципальных образованиях, регион в большей степени полагался на трансферты в местные бюджеты, чем на передачу в такие бюджеты долей налоговых поступлений. В то же время регион передал в местные бюджеты дополнительные доли от некоторых небольших источников налогов.

Единые нормативы распределения долей налоговых поступлений распространялись на несколько видов налогов, в основном на те, по которым имеется равномерная база налогообложения, включая налог на добычу полезных ископаемых, единый сельскохозяйственный налог, сбор за пользование животного мира и водными биологическими ресурсами, а также налог, взимаемый в связи применением упрощённой системы налогообложения. Соответствующие нормативы были закреплены в 2006 г. и, согласно закону о бюджете на 2008 г., остались в силе в течение следующих трёх лет. Это давало муниципальным образованиям дополнительный стимул для развития местной экономики и, соответственно, расширения налогооблагаемой базы.

Кроме того, налоговые доходы увеличились в результате роста базы налогообложения по НДФЛ и на прибыль организаций. Зарплаты в государственном и частном секторе повысились в 2003–2007 гг. в среднем на 29% в год, что стимулировало рост поступлений от НДФЛ. Кроме того, облагаемая налогом прибыль организаций в 2003–2007 гг. увеличилась в пять раз, обеспечив рост доходов от соответствующе-

го налога. Доля поступлений от малого и среднего бизнеса в общих доходах бюджета за 2005–2007 гг. в среднем составила 7,7%.

В то же время за рассматриваемый период темпы увеличения трансфертов из Федерального бюджета были более низкими, чем рост собственных бюджетных доходов. Размер трансфертов в 2003–2007 гг. увеличился лишь в 2 раза – с 11,6 млрд руб. до 22,2 млрд руб. В результате Алтайский край стал больше полагаться на собственные источники доходов, а доля трансфертов в общих доходах бюджета снизилась с 80% в 2003 г. до 58% в 2007 г. Кроме того, в структуре федеральных трансфертов произошёл сдвиг от прямой финансовой помощи к целевым субсидиям.

Межбюджетные отношения в эти годы характеризовались рядом ключевых черт. Трансферты из федерального бюджета подразделялись на две категории: дотации и субсидии для финансирования собственных расходных обязательств, а также субвенции для финансирования делегированных расходных обязательств. В последнем случае региональный бюджет представлял собой «транзитный» счёт для средств, которые использовались в целях финансирования федеральных мандатов. Дотации переводились в бюджет края и находились в полном распоряжении властей региона. Субсидии использовались для софинансирования конкретных проектов края.

Объём дотаций, или чистой финансовой помощи, постепенно снизился – с 76% всех трансфертов в 2003 г. до 59% в 2007 г. Однако субвенции для финансирования федеральных мандатов повысились с практически нулевого уровня в начале 2000-х годов до 16% в 2007 г. Оставшиеся 25% федеральных трансфертов были представлены субсидиями, включая софинансирование инвестиционных программ. В то же время зависимость Алтайского края от трансфертов из федерального бюджета оставалась высокой.

Самой крупной статьёй расходов регионального бюджета являлись трансферты муниципальным образованиям (46% в 2007 г.). Следующие основные статьи расходов – национальная экономика (19%), здравоохранение (10,3%) и социальная политика (8%).

Удельный вес трансфертов в муниципальные бюджеты постепенно сократился с максимального уровня в 58% общих расходов в 2004 г. до 46% в 2007 г. Основной причиной этого стало перераспределение расходных обязательств между регионом и муниципальными образованиями в связи с внедрением новой системы местного самоуправления. Такие обязательства практически в равных долях состояли из финансовой помощи (дотаций и субвенций) муниципальным образованиям (51% общих трансфертов муниципалитетам на 2008 г.) и субвенций (49%).

Основной целью оказания финансовой помощи муниципальным образованиям являлось обеспечение сбалансированности муниципальных бюджетов для финансирования основных расходных полномочий, переданных в местные бюджеты. Алтайский край представлял муниципальным властям дотации для финансирования расходов согласно мандатам. Распределение этих средств происходило согласно бюджетному потенциалу конкретного муниципального образования.

Регион предоставлял муниципалитетам субсидии для софинансирования отдельных статей расходов, как правило, капитальных расходов. Кроме того, субвенции были нацелены на финансирование расходных обязательств, которые регион передал на местный уровень. Самая крупная часть таких субвенций – это зарплаты учителям в муниципальных школах и социальная поддержка населения с низким уровнем доходов.

В период с 2003 по 2007 год произошли изменения в структуре распределения бюджетных расходов между социальными статьями (образование, здравоохранение и социальная политика). Социальные расходы постепенно повысились с низкого уров-

ня в 15,2% в 2004 г. и достигли исторического максимума в 25,6% общих расходов в 2007 г.

Увеличение социальных расходов было связано с распределением расходных полномочий по образованию и здравоохранению между региональным и муниципальными бюджетами. Доля расходов на образование увеличилась более чем в два раза – с 2,3% общих расходов в 2003 г. до 5,4% в 2007 г. Наблюдался существенный рост расходов на здравоохранение, которые достигли 12,5% совокупных расходов в 2008 г., в то время как в 2003 г. доля таких расходов составляла 6,1%.

Расходы на социальное обеспечение в 2005–2006 гг. повысились в соответствии с новым законодательством, вступившим в силу в 2005 г., по которому правительство региона стало нести ответственность за расходы на образование, здравоохранение и выплату денежных пособий отдельным группам населения (в частности, пенсионерам и ветеранам). Ранее такие группы получали натуральные льготы по платежам за государственные и жилищно-коммунальные услуги.

Доля расходов на развитие экономики в 2003–2004 гг. в среднем составляла 18% общих расходов, а в 2005 г. сократилась до 13,8%. Высокая доля расходов на экономическое развитие в 2002–2004 гг. поддерживалась за счёт целевого дорожного фонда, на который в среднем приходилось 9% общих бюджетных расходов. В 2005 г. этот фонд был упразднён, и объём финансирования дорожного строительства уменьшился. Однако доля расходов на местную экономику в 2006–2007 гг. постепенно повышалась, достигнув максимума в 18,6% общих расходов. Частично это объяснялось расходами на празднование 70-летия Алтайского края, в связи с чем капитальные расходы за указанный год были увеличены.

В 2003–2004 гг. региональный бюджет исполнялся с умеренным дефицитом: долг составлял в среднем 1,1% совокупных доходов, а в 2007 г. этот показатель был равен 2,5% совокупных доходов.

В 2007 г. в Алтайском крае был принят новый закон о бюджете на 2008–2010 гг., который предусматривал переход к среднесрочному бюджетному планированию. Прогнозы бюджетных доходов на 2008 г. были довольно консервативными: ожидалось повышение доходов на 5,4% по сравнению с 2007 г. Кроме того, в 2008 г. ожидалось повышение расходов на 8,4%, что было ниже ожидаемого уровня инфляции. В бюджете на 2008 г. был запланирован дефицит на уровне 1,4% совокупных расходов. Дефицит планировалось профинансировать за счёт привлечения банковских кредитов, что приводило к умеренному повышению долга региона в абсолютном выражении. Было введено ограничение на максимальный размер долга (включая гарантии) на уровне 1,8 млрд руб. к концу 2008 г., или 4,5% общих доходов. Такая долговая нагрузка расценивается как очень низкая и по российским, и по международным стандартам¹.

Несмотря на общее замедление экономики в стране из-за мирового финансового кризиса, Алтайский край продолжал показывать хорошее исполнение бюджета. Существенного сокращения экономики края в 2008 г. и в 2009 г., в отличие от экономики страны в целом, не было. ВРП в 2008 г. остался практически без изменений в реальном выражении относительно предыдущего года.

Объём налогооблагаемой базы края был относительно небольшой: его бюджетная обеспеченность составляла 60% от среднего значения для российских регионов в

¹ Для характеристики региональных финансов здесь и далее использовались материалы рейтинговых отчетов. См.: Fitch Ratings. Региональные финансы. Россия. Алтайский край. URL: <https://www.fitchratings.com/site/russia> (дата обращения: 30.06.2017 г.).

2008 г. Поэтому бюджет Алтайского края по-прежнему в высокой степени зависел от финансовой помощи от федерального правительства. Предсказуемый характер поступления федеральных трансфертов поддерживал доходы бюджета в текущей уязвимой экономической ситуации.

С учётом льготного налогообложения сельского хозяйства, налогооблагаемая база региона была относительно слабой: его налоговый потенциал составлял лишь 60% от среднего уровня для российских регионов в 2009 г., что предопределило 63-е место Алтайского края среди субъектов Российской Федерации по показателю бюджетной обеспеченности.

В то же время регион демонстрировал экономическое развитие. В 2008 г. ВРП достиг 286 млрд руб. (224 млрд руб. в 2007 г.), увеличившись в реальном выражении на 4,7% относительно предыдущего года, что ниже среднего показателя по стране (5,6%). Темп роста инвестиций в основной капитал замедлился до 6,7% по сравнению с темпом 2007 г. (26,1%). Снижение цен на сырьевые товары в 2008 г. сказалось на Алтайском крае меньше, чем на других российских регионах ввиду его низкой зависимости от добывающих отраслей. Сельское хозяйство и пищевая промышленность поддерживали восстановление экономики, поэтому существенного снижения ВРП, как в ряде других регионов РФ, в 2009 г. не произошло.

Алтайский край – один из ведущих производителей сельхозпродукции (пшеницы, молока и мяса) в России, а также крупнейший поставщик сельскохозяйственной продукции в восточной части России. Кроме того, в регионе производились разнообразные виды сельскохозяйственной продукции, которая обеспечивает основную часть потребностей местной пищевой промышленности. Промышленный сектор обеспечивал 22,5% ВРП. Среди ведущих отраслей промышленности отмечалось машиностроение и металлообработка, пищевая промышленность и энергетика, а также производство кокса.

В структуре бюджетных доходов регионального бюджета вновь доминировали трансферты из федерального бюджета (59% доходов в 2008 г.). При этом в структуре трансфертов произошёл сдвиг от прямой финансовой помощи к целевым субсидиям. Объём дотаций, или чистой финансовой помощи, постепенно снизился с 73% всех трансфертов в 2006 г. до 55,3% в 2008 г. В то же время целевое финансирование федеральных мандатов увеличилось до 12% в 2008 г. по сравнению с 7,6% в 2006 г.

Налоги обеспечивали 41% доходов в 2008 г. Наиболее крупными, как и прежде, источниками налоговых поступлений в бюджет региона являлись НДФЛ (15%) и налог на прибыль организаций (13%).

В 2007–2008 гг. бюджет региона демонстрировал быстрый рост доходов – при средних годовых темпах роста в 30%. В отличие от других регионов Российской Федерации, Алтайский край не ощущал существенного ухудшения налоговых поступлений в конце 2008 г., хотя общий экономический спад привёл к сокращению базы налогообложения по налогу на прибыль организаций в 2009 г.. Согласно скорректированному бюджету на 2009 г., поступления от налога на прибыль организаций снизился на 41% относительно фактических результатов за 2008 г. В абсолютном выражении это снижение составило лишь около 2,7 млрд руб., или 5% доходов, заложенных в бюджет на 2009 г.

Другие налоги – НДФЛ и налог на имущество, в меньшей степени зависели от экономической конъюнктуры. Кроме того, Алтайский край получил дополнительные 5 млрд руб. федеральных трансфертов по сравнению с 2008 г., что в полной мере компенсировало сокращение налога на прибыль организаций, вследствие чего общие доходы повысились.

Расходы краевого бюджета демонстрировали стабильный рост в 2006–2008 гг. в среднем на 20%. Основную часть этих расходов составляли такие негибкие статьи, как оплата труда (20% всех расходов в 2008 г.) и текущие трансферты (69%). К текущим трансфертам относились трансферты муниципальным образованиям, социальные трансферты населению и во внебюджетные фонды, а также текущие трансферты государственным и частным компаниям.

Трансферты частным и государственным компаниям представляли собой, в первую очередь, субсидии предприятиям реального сектора экономики и транспорта, а также для компенсации расходов на предоставление услуг населению с низким доходом и другим наименее защищенным группам населения. В 2009 г. был повышен общий объем расходов на 15% по сравнению с 2008 г. Причиной такого повышения, в первую очередь, являлись социальные субсидии, которые увеличились на 41%.

Стагнация краевой экономики и общая финансовая нестабильность привели к умеренному ухудшению показателей бюджета по итогам 2009 г. из-за снижения налоговых доходов. В то же время увеличение текущих трансфертов из федерального бюджета и контроль над расходами сглаживали негативные тенденции.

В 2008 г. в Алтайском крае был зафиксирован умеренный дефицит до движения долга, который составлял менее 0,1% всех доходов.

В конце 2008 г. в Алтайском крае был принят новый закон о бюджете на 2009–2011 гг., который продолжил практику среднесрочного бюджетного планирования. В I квартале 2009 г. в бюджет края были внесены поправки в бюджетный прогноз на 2009 г. с учётом экономического спада и скорректированных цифр по трансфертам из федерального бюджета. Поправки включали, прежде всего, снижение прогнозов по сборам с налога на прибыль организаций и увеличение трансфертов из федерального бюджета. Были сокращены капитальные расходы и расходы бюджета, не связанные с социальными статьями. Такие изменения привели к снижению заложенных в бюджет доходов и расходов на 4 и 6% соответственно в сравнении с первоначальными уровнями.

В 2009 г. ВРП на душу населения в Алтайском крае составил 69% от медианного уровня в стране. Структура экономики региона была хорошо сбалансирована, и тремя ведущими секторами являлись промышленность, торговля и сельское хозяйство.

ВРП Алтайского края повысился на 8% – до 317 млрд руб. в 2010 г. относительно 267,5 млрд руб. в 2009 г. Ранее, в результате экономической рецессии, отмечалось снижение ВРП на 5,3% в 2009 г. относительно предыдущего года. Темпы роста местной экономики превысили темпы роста экономики в стране, которые составили 4% в 2010 г. В этом же году отмечалось стабильное восстановление промышленного сектора края, который показал рост на 20,9% в годовом выражении (–8% в 2009 г.), опередив темпы роста в стране (8,2%). Темпы роста в сельскохозяйственном секторе региона составили 14% в 2010 г. относительно предыдущего года. Инвестиции в основной капитал увеличились на 18% в 2010 г., в то время как в 2009 г. отмечалось снижение на 19,1%.

11.2 ДИНАМИКА БЮДЖЕТА КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В 2010 г. доходы Алтайского края повысились на 13,4% относительно предыдущего года, что было вызвано восстановлением налоговых доходов. Доходы практически в равных долях были представлены трансфертами из федерального бюджета и налоговыми сборами, при этом трансферты уменьшились до 52,8% доходов с 62% в 2009 г. Доля налоговых доходов в региональном бюджете повысилась с 38% всех доходов в 2009 г. до 46,9%. Основными источниками налоговых доходов оставались поступления от НДС (31,8% всех налоговых доходов), а также налог на прибыль организаций, доля которого повысилась до 30,7%. Другие налоговые поступления составили 37,5% налоговых доходов.

Расходы Алтайского края повысились на 3,4% в 2010 г. относительно предыдущего года, опередив темпы роста доходов. Структура расходов бюджета стабилизировалась в 2009–2010 гг. Такие расходы состояли в первую очередь из текущих трансфертов муниципалитетам, компаниям и населению (всего 73,8% в 2010 г.), а также расходов на оплату труда (16,5% всех расходов).

Самая крупная отдельная статья расходов Алтайского края – текущие трансферты муниципалитетам, которые составляли 35,1% всех расходов в 2010 г. (в 2009 г. – 34,1%), а затем шли социальные трансферты (28,4%). Текущие трансферты, предоставляемые регионом, отражают трансферты, которые поступают в край из федерального бюджета.

Возможности Алтайского края по самостоятельному финансированию расходов существенно улучшились в 2010 г., при повышении покрытия текущими доходами до 104,9% капитальных трансфертов и положительные балансы освободили регион от необходимости привлекать заимствования для финансирования капитальных расходов в 2007–2010 гг.

Политика управления долгом у Алтайского края была консервативной и направленной на сведение к минимуму стоимости заимствований и обслуживания долга для бюджета региона в 2005–2010 гг.

В 2010 г. экономика региона имела умеренный размер, и показатели благосостояния исторически отставали от медианных уровней в стране. Так, ВРП составил 67,5% от медианного значения для регионов Российской Федерации. Ограниченность сельскохозяйственного сектора, который полагается на расчёты в неденежной форме, не учитываемые в официальной статистике, отчасти объясняет невысокие показатели благосостояния у региона.

Регион имел незначительный дефицит в 2010 г. – 7,9% и поддерживал способность финансировать капитальные расходы за счёт собственных средств.

Экономика Алтайского края продолжила рост в 2011 г. ВРП увеличился на 5,1% относительно предыдущего года (в 2010 г. – на 3,2%) – до 348,2 млрд руб. Темпы роста местной экономики превысили темпы роста экономики в стране, которые составили 4% в 2011 г. Стабильный рост ВРП на уровне 4% в год был в 2012 г. и около 5–6% в 2013–2014 гг.

В 2011 г. продолжился рост доходов региона, который достиг 62,7 млрд руб., что на 12,8% выше предыдущего года (в 2010 г. – на 13,4%). Доходы региона практически в равных долях состояли из федеральных трансфертов и налогов. Так, трансферты обеспечили 52,4% всех доходов в 2011 г. Крупными источниками налоговых доходов оставались НДС и налог на прибыль организаций, каждый из которых представлял 31,1% всех налоговых доходов.

Рост в 2011 г. был обусловлен увеличением промышленного производства в регионе на 7,9% относительно предыдущего года, и инвестиций в основной капитал на 15,4%. На долю Алтайского края приходилось около 1,7% населения страны, и он обеспечивал приблизительно 0,8% валовой добавленной стоимости Российской Федерации в 2010 г. ВРП на душу населения Алтайского края составлял 68% от медианного уровня в стране.

Расходы Алтайского края в 2011 г. существенно выросли до 52,9 млрд руб., на 19,7% относительно предыдущего года. Основным фактором роста расходов были социальные трансферты и товары и услуги, которые увеличились, соответственно, на 16,5 и 84,4% относительно предыдущего года. Рост социальных трансфертов отражает электоральный цикл, в то время как повышение расходов на товары и услуги связывается с реформой бюджетных организаций и переклассификацией ряда расходов.

В составе расходов региона по-прежнему доминировали текущие трансферты муниципальным образованиям, на долю которых приходилось 31% всех расходов в 2011 г., а затем следовали социальные трансферты (27,7%). Текущие трансферты, проводимые Алтайским краем, повторяли структуру трансфертов, получаемых им из федерального бюджета. Расходы на оплату труда и другие расходы (в значительной мере представленные закупкой товаров и услуг) составляли по 15,3% от годовых расходов.

В 2011 г. Алтайский край имел незначительный дефицит до движения долга в 173,7 млн руб., или 0,3% всех доходов, поддерживая хорошие операционные показатели.

Низкие уровни валовой добавленной стоимости и благосостояния обусловлены значительной долей сектора услуг: 55% валовой добавленной стоимости в 2010 г. Кроме того, это было связано с низкой прибыльностью сельскохозяйственного сектора, на который пришлось 18,2% валовой добавленной стоимости в 2010 г. Вклад сельскохозяйственного сектора в валовую добавленную стоимость региона более чем в четыре раза превосходил средний уровень по стране.

Основные отрасли экономики края были традиционно представлены тремя ведущими секторами: промышленностью, торговлей и сельским хозяйством. Сельскохозяйственный сектор региона был хорошо развит и основан на уникальном для Сибири климате и плодородных почвах, пригодных как для животноводства, так и для возделывания сельскохозяйственных культур. Сельское хозяйство обеспечивало рабочие места для 20,4% рабочей силы региона в 2011 г. (19,9% в 2010 г.).

Промышленный сектор Алтайского края включал машиностроение и металлообработку, пищевую промышленность, электроэнергетику и производство кокса. В секторе было задействовано 16% экономически активного населения в 2011 г. (15,8% в 2010 г.), и он обеспечивал 23,3% валовой добавленной стоимости в 2010 г.

На долю торговли приходилось 18,9% валовой добавленной стоимости в 2010 г. и 17,2% всех рабочих мест в регионе в 2011 г. (17,4% – в 2010 г.). Другие нерыночные услуги, включая образование, здравоохранение и госуправление, составляли 18,4% валовой добавленной стоимости в 2010 г., транспорт (7,8%) и строительство (4,7%).

Бюджетные доходы Алтайского края в 2011 г. составили около 67,4 млрд руб., в 2012 г. повысились на 7,5% относительно предыдущего года, чему способствовал рост экономики региона.

В 2011 г. продолжился рост доходов бюджета региона, который достиг 62,7 млрд руб., что на 12,8% выше предыдущего года (в 2010 г. – 13,4%). Бюджетные доходы региона практически в равных долях состояли из федеральных трансфертов и налогов. Так, трансферты обеспечили 52,4% всех доходов в 2011 г.

Крупнейшими источниками налоговых доходов являлись налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и налог на прибыль организаций, каждый из которых представлял

31,1% всех налоговых доходов. Налоговая база региона была хорошо диверсифицирована по ряду компаний в некоторых секторах. База налогообложения являлась относительно слабой ввиду льготного налогообложения сельскохозяйственной отрасли, в значительной мере полагающейся на сделки в неденежной форме, которые не отражаются в налоговой отчетности и официальной статистике.

Ведущие 10 налогоплательщиков региона включали местные филиалы госкомпаний ОАО Российские железные дороги, Сбербанк России, местную дочернюю структуру ОАО Новолипецкий металлургический комбинат, компания ТЭК, два спиртовых завода и несколько промпредприятий. Их вклад в консолидированный бюджет Алтайского края (краевой бюджет плюс муниципальные бюджеты) составил около 20% в 2009–2011 гг.

Негибкие статьи расходов в сумме были равны 74% бюджетных расходов в 2011 г. и состояли из трансфертов муниципалитета, социальных трансфертов и расходов на персонал.

Алтайский край имел хорошие бюджетные показатели, чему способствовало развитие местной экономики и стабильный приток текущих трансфертов из Федерального бюджета.

Капитальные расходы Алтайского края были близки к обычному историческому уровню (приблизительно 21,5% всех расходов к концу 2011 г.), которые выросли до 14,5 млрд руб. Возможности региона по финансированию капитальных расходов за счёт собственных средств оставались сильными при текущем балансе и капитальных доходах, покрывших 98,8% годовых капитальных расходов в 2011 г. Стабильный приток капитальных трансфертов из федерального бюджета и положительные бюджетные балансы освобождали регион от необходимости привлекать заимствования для финансирования капитальных расходов в 2007–2011 гг.

Сумма имеющихся бюджетных кредитов в 2010–2011 гг. была равна 472 млн руб., поскольку Алтайский край не привлекал новых кредитов из федерального бюджета в 2011 г. Существующие кредиты имели сроки погашения, распределённые до 2015 г., и были предоставлены под субсидируемые процентные ставки в 2010 г.

Алтайский край имел несколько сезонных пиковых потребностей в денежных средствах: в июне и июле, когда необходимо проводить выплаты отпускных работникам бюджетной сферы, а также в третьем квартале года для финансирования подготовки к зимнему отопительному сезону и во время проведения весенних и осенних сельскохозяйственных работ. Такие сезонные кассовые разрывы обычно покрывались за счёт денежных средств, заранее аккумулированных регионом.

Экономика региона в 2012–2014 гг. являлась хорошо диверсифицированной и поддерживалась несколькими нециклическими отраслями, такими как сельское хозяйство и торговля, на которые приходилось 37% валовой добавленной стоимости.

В то же время экономика региона продолжала иметь умеренный размер. Показатели благосостояния исторически отставали от медианных уровней в стране. Так, в 2010 г. ВРП составил 67,5% от медианного значения для регионов Российской Федерации. Ограниченная прибыльность сельскохозяйственного сектора, который полагался на расчёты в неденежной форме, не учитываемые в официальной статистике, отчасти объяснял невысокие показатели благосостояния региона.

Тем не менее отмечались достаточно высокие показатели бюджета. Доходы бюджета в 2012–2014 гг. выросли более чем на 15% (в 2011 г. – 15,6%, в 2010 г. – 20,1%). Регион имел незначительный дефицит до движения долга, около 0,3% всех доходов в 2011 г. (в 2010 г. – 7,9%) и поддерживал высокую способность финансировать капи-

тальные расходы за счёт собственных средств с учётом того, что текущий баланс и капитальные доходы покрывали 98,8% капитальных расходов в 2011 г.

В 2015 г. в крае были решены две тактические задачи: помощь экономике в адаптации к новым условиям и сохранение ситуации на рынке труда. Хотя снижения объёма ВРП избежать не удалось, но, если сравнить ситуацию 2015 г. с кризисом 2008–2009 гг., снижение ВРП оказалось намного меньше (абсолютная величина ВРП в 2015 г. составила 490 млрд руб.).

В эти годы решалась задача по сохранению экономики на основе адекватной бюджетной и экономической политики. Благодаря консервативной бюджетной политике регион сохранил стабильность своей бюджетной системы.

По итогам 2016 г. в Алтайском крае выросло промышленное производство на 11%, по России – на 8,9%. Ключевым ориентиром по бюджету на 2016 г. оставалось достижение дефицита бюджета в сумме 2316 млн руб. (8,3% от собственных доходов краевого бюджета).

Одну из главных ролей в этом процессе сыграла бюджетная политика. Принятые решения по оптимизации бюджетных расходов, по аккуратному подходу к текущим обязательствам способствовали быстрой перестройке экономики к новым условиям, стабилизации ключевых макроэкономических показателей.

Базовым инструментом реализации целей государственной политики в различных сферах регулирования являлись государственные программы Алтайского края как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов и создания условий для повышения качества государственного управления, бюджетного планирования, повышения эффективности и результативности использования бюджетных средств.

В 2015 г. в регионе действовало 35 государственных программ и 16 ведомственных целевых программ. На реализацию программ за счёт средств федерального и краевого бюджетов плановые ассигнования составили 65,8 млрд руб. (21,0 и 44,8 млрд руб. соответственно), на их использование в 2015 г. направлено 62,2 млрд руб. (18,9 и 43,3 млрд руб. соответственно).

Финансирование программ осуществлялось по трём основным направлениям. В общих расходах за счёт средств федерального и краевого бюджета на реализацию программ на мероприятия по достижению высокого уровня и качества жизни населения приходилось 42266,2 млн руб. (9640,1 и 32626,1 млн руб. соответственно), на создание условий для устойчивого экономического роста – 17815,9 млн руб. (8864,6 и 8951,3 млн руб.), на повышение эффективности управления – 2104,4 млн руб. (372,9 и 1731,5 млн руб. соответственно). Общие расходы на программы в 2015 г. выросли к показателю 2014 г. на 17,1%.

По сравнению с 2009 г. объём доходов в 2015 г. увеличился в 1,5 раза. Собственные доходы краевого бюджета составили 52%, безвозмездные поступления – 48% к общей сумме доходов. Основными источниками собственных доходов краевого бюджета являются НДС, налог на прибыль организаций, акцизы и налог на имущество организаций.

Объём средств расходной части краевого бюджета в 2015 г. вырос на 4% по сравнению с предыдущим годом и в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2009 г. 66% от общей суммы расходов составили расходы на финансирование отраслей социальной сферы, на национальную экономику – 23%, на оказание финансовой помощи местным бюджетам – 2%, на обеспечение национальной безопасности и правоохранительной деятельности – 1%.

Государственный долг края на 1 января 2016 г. составил 6,0% по отношению к собственным доходам. Структуру госдолга составляли бюджетные кредиты, привлечённые в бюджет Алтайского края из других бюджетов – 96% долга и госгарантии – 4%. По сравнению с другими регионами долговая нагрузка Алтайского края продолжала оставаться минимальной. Это один из наименьших показателей в Сибирском федеральном округе и 11 по Российской Федерации.

Актуальной в 2015 г. оставалась проблема сбалансированности бюджета, невзирая на сокращение долговых обязательств. Это обстоятельство не принесло ощутимых результатов в связи с непомерно большим количеством полномочий, которые закреплены за субъектом Российской Федерации. Так, по предметам совместного ведения было увеличено количество полномочий регионов за последние 10 лет с 46 до 105, полномочий, делегированных с федерального уровня – с 11 до 117. При этом не всегда закрепление полномочий и наделение новыми полномочиями сопровождалось наделением регионов соответствующими доходными источниками и финансовым обеспечением.

В то же время существовала тенденция к сокращению объёма дотаций из Федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности и сбалансированности пятидесяти дефицитных регионов России, в том числе Алтайского края. Такая ситуация не дала региону возможности сбалансировать региональный бюджет и принять решение по собственным полномочиям.

Решение этой проблемы видится в необходимости отнести к дотациям средства, которые ныне предоставляются как иные межбюджетные трансферты и субсидии, поскольку сами субвенции и субсидии ничего не дают регионам с точки зрения сбалансированности, а иные межбюджетные трансферты с полномочиями вообще не связаны.

Утвержденный объём дотаций в Федеральном бюджете обеспечивал минимальный уровень бюджетной обеспеченности на уровне 66% от среднего по России. Дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности направлялись в региональный бюджет на частичную компенсацию дополнительных расходов субъектов Российской Федерации, на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, а также на стимулирование темпов роста налогового потенциала в регионе.

Финансовая поддержка бюджету края также оказывалась в виде субсидий на развитие приоритетных направлений государственной политики – сельского хозяйства, образования, здравоохранения, массового спорта, инфраструктуры.

Проектирование краевого бюджета на один год в 2016 г. вместо трехлетнего на тот момент было оправданным и с тактической точки зрения шаг верный: сужая горизонт планирования, исполнительная и законодательная власть Алтайского края не давала невыполнимых обещаний на будущее. В то же время были опасения в том, что реализация долгосрочных программ и проектов будет свернута. Главным было, чтобы эта исключительная мера, связанная с политикой оперативного реагирования, не стала правилом, так как в этом случае могла быть свернута практика программного бюджетирования.

Снижение темпов роста экономики, изменение финансового результата деятельности предприятий означало снижение поступлений по налогу на прибыль от организаций, зарегистрированных за пределами края, а также от консолидированных групп налогоплательщиков. Было ясно, что замедление темпов роста зарплаты приведёт к сокращению поступлений по налогу на доходы физических лиц.

Для обеспечения стабильности краевой бюджет впервые за долгие годы был сформирован с предельным уровнем дефицита, при этом приоритетом оставалась его социальная направленность.

Финансовую поддержку регион из Федерального бюджета надеялся получить в 2016 г. с учётом региональных особенностей и условий ведения сельского хозяйства и его бюджетных особенностей. Правительство РФ выделило средства на поддержку сельского хозяйства как бизнеса и на устойчивое развитие сельских территорий на уровне 2015 г. В это время были приняты важные решения, отразившиеся на краевом бюджете. В ноябре 2015 г. в Совете Федерации проходили дни Алтайского края, на основе чего было принято постановление верхней палаты Федерального Собрания «О поддержке социально-экономического развития Алтайского края» с рекомендациями Правительству России, особенно в области сельского хозяйства.

Было принято решение о создании федерального научного центра «Алтайский НИИ сельского хозяйства». Это означало объединение разрозненных научных учреждений (их 6) в единую научную структуру, которая должна дать возможность сконцентрировать ресурсы учреждений для решения стратегических задач государства в аграрно-промышленном секторе экономики.

Было предложено внести изменения в Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», предусматривающие софинансирование из средств федерального бюджета программы «Земский доктор» до 60%, а также расширения радиуса действия программы «Земский доктор» на малые города.

Важным было и предложение об увеличении лимитов федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма». В крае реализуются крупные проекты «Белокуриха-2», «Золотые ворота» и «Барнаул-горнозаводской город». Здесь уникальность программы состоит в том, что на 1 руб. государственных средств привлекается 3 руб. частных инвестиций. Планировалось выделение значительных средств (17 млрд руб.) на реализацию проекта по строительству объездной дороги, которая позволит соединить две федеральные автомобильные трассы.

В условиях сохраняющейся экономической нестабильности, вызванной мировым финансовым кризисом, резкое падение цен на товары российского экспорта, экономические санкции и замедление темпов роста экономики в течение 2015–2016 гг. привели к снижению доходной части федерального бюджета и, как следствие, краевого бюджета. Поэтому принимаемый в 2016 г. бюджет края учитывал сложившиеся реалии. Они были направлены на обеспечение макроэкономической стабильности выполнения всех социальных обязательств, создания условий для роста экономики и расширения ее потенциала, физического развития, повышения эффективности расходов.

Экономика страны, и Алтайского края, по окончании 2016 г. демонстрировала очевидные признаки постепенного преодоления кризисной ситуации. По основным параметрам год был завершён с положительной динамикой. ВРП возрос на 1% (в России темп прироста составил 0,3%). Индекс промышленного производства – 101,4% (в России – 101,1%).

За прошедшие 11 лет объёмы промышленного производства в крае увеличились в 1,6 раза. В большинстве отраслей регионального сектора, ориентированных на импортозамещение (сельское хозяйство, пищевая и перерабатывающая промышленность, сельхозмашиностроение) в 2016 г. достигнут существенный рост объёмов производства по сравнению со среднеотраслевыми (в сельском хозяйстве – 12%, в пищевой промышленности – 5,3%, в производстве машин и оборудования – 18,4%). Эти отрасли внесли значимый вклад в формирование ВРП (40%), а также в формирование экспортного потенциала Алтайского края. Продукция предприятий сельхоз-

машиностроения является конкурентоспособной не только на внутреннем, но и на международном рынке.

Анализ состояния бюджета Алтайского края за 2016 г. позволяет отметить некоторые положительные тенденции на фоне сохраняющейся нестабильности в экономике страны и региона. Отмечается рост собственных доходов регионального бюджета в расчёте на душу населения. Если в 2015 г. этот показатель составил 23,8 тыс. руб., то в 2016 г. – 28 тыс. руб. Одной из основных положительных характеристик бюджета Алтайского края является сбалансированность: все социальные расходные обязательства бюджета исполнены в полном объёме, государственный долг Алтайского края не увеличился и составил 5% от собственных доходов краевого бюджета, что исключило необходимость в расходах по его обслуживанию. С учётом этого, дополнительно поступившие налоговые доходы были направлены не на обслуживание долга, а на развитие экономики и социальных отраслей края.

На сокращение государственного долга, в том числе на замещение долговых обязательств по ценным бумагам и кредитам кредитных организаций, повлияло предоставление бюджетных кредитов Алтайскому краю, как субъекту, в котором проводится политика снижения дефицита и уровня госдолга. Она предусматривает реализацию программы оздоровления региональных финансов, направленных на мобилизацию их доходного потенциала и повышения эффективности расходов.

Для финансового обеспечения полномочий, переданных с федерального уровня, Алтайскому краю, как и другим субъектам Российской Федерации, в 2016 г. предоставляются консолидированные субсидии, имеющие близкие цели и задачи с включением их в государственные программы.

Для финансового обеспечения полномочий, переданных с федерального уровня, региону предоставляются субвенции, в том числе:

- на оплату ЖКХ отдельным категориям граждан;
- на выплату государственных пособий лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и лицам, уволенным в связи с ликвидацией организаций;
- на социальные выплаты безработным гражданам;
- на осуществление переданных полномочий Российской Федерации по предоставлению отдельных мер социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации;
- на обеспечение жильём отдельных категорий граждан;
- на предоставление единой субвенции.

Единая субвенция сформирована из 7 субвенций бюджетам субъектов Российской Федерации и направлена на финансовое обеспечение осуществления переданных органам государственной власти субъектов РФ полномочий Российской Федерации.

С учётом неблагоприятной экономической ситуации в 2016 г. целевые ориентиры в части реализации плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в Алтайском крае были выполнены. Бюджетный процесс в крае был направлен на обеспечение сбалансированного распределения имеющихся бюджетных ресурсов между текущими (как правило, социальными) расходами и расходами на развитие (в широком смысле – инфраструктуру, образование, здравоохранение, поддержку инноваций), реализацию 32 принятых государственных программ.